

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2015 г., том 22, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Журова Л.И. О роли неписаных преданий в русской публицистике XVI в.	5
Гурьянова Н.С. Старообрядческие сборники и традиции книжников Древней Руси	10
Панич Т.В. Сочинения Евфимия Чудовского в защиту православия: темы полемики и принципы организации текста	14
Першина М.В. О «беседах» тюменского старообрядца В.И. Макарова	19
Старухин Н.А. «Последние времена» в сочинении «Показание истины» старовера-«австрийца» Г.А. Страхова	24
Матханова Н.П. Записки есаула Сибирского казачьего войска А.П. Казина	28
Базылева Е.А. Библиотека Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества	33
Туманик Е.Н. Письма Василия Михайловича Муравьева к Н.Н. Шереметевой из Сибири за 1848 г.	38
Посадсков А.Л. Писатель Вс. Н. Иванов во главе издательского дела Временного Приамурского правительства (1921–1922 гг.)	44
Лисовская Н.С. Научные издания сибирских филиалов Академии наук (1946–1950-е гг.)	49
Ананьев Д.А. Изучение дореволюционной истории Сибири в Германии в XX – начале XXI в.	55

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Зольникова Н.Д. Археографическая экспедиция в Туву в 1967 г. (к 85-летию со дня рождения академика РАН Н.Н. Покровского)	60
Фаронов В.Н. Социальное обеспечение нетрудоспособных рабочих Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.	65
Рышков В.М. Беженцы и принимающий социум: к характеристике социальной мобильности в годы Первой мировой войны	70
Ильиных В.А. Социальная мобильность сибирского крестьянства в 1920-е гг.: этапы, тенденции	76
Запороженко Г.М. Транспортная потребительская кооперация в Сибири в первой трети XX в.: от рыночной к распределительной модели	81
Коробейникова Н.С. Детская смертность в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	86
Шиловский М.В. Советские асы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Часть 2	92
Тимошенко А.И. Факторы разработки и реализации идеи сибирского тыла в годы «холодной войны» (1946–1965 гг.)	97
Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. Особенности урбанизационного перехода в Западной Сибири в 1959–1989 гг.: демографический аспект	102

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Соколовский И.Р. Таможенные функции приказчика Селенгинского острога	107
Вдовин А.С., Комлева Е.В. Роль купцов в развитии сибирской археологии (XIX – начало XX в.)	111
Новак В.С. Рец. на кн.: Традиционная культура белорусов во времени и пространстве / А.В. Титовец, Е.Ф. Фурсова, Т.К. Тяпкина и др. – Минск: Беларус. навука, 2013. 579 с.	116
Матханова Н.П., Катюнов О.Н. Рец. на кн.: Соймонов Ф.И. Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея / сост. Н.В. Горбушина, А.Е. Чекунова. – М.: Государственный Исторический музей, 2014. 536 с.: ил.	117
Горбачёв О.В. Рец. на кн.: Петров С.Г. Русская православная церковь времени патриарха Тихона (источниковедческое исследование). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 407 с.	120
Валерию Анатольевичу Скубневскому – 70 лет	123

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), доктор ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреевков*

Канд. ист. наук *Д.А. Анянцев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, канд. ист. наук *В.М. Рышков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31
<http://www.sibran.ru>; <http://www.hssiberia.info>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 22.09.15. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 500 экз. Заказ № 206.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2015, vol. 22, N 3

CONTENTS

BOOK CULTURE

Zhurova L.I. The Function of «Nepisanye Predaniya» (Oral Christian Legends) in the Russian Publicism of the XVI century	5
Guryanova N.S. Old-Believers' Collected Works and Traditions of Old Russian Scribes	10
Panich T.V. Evfimiy Chudovsky's Writings in Defense of the Orthodoxy: Polemic Themes and Principles of the Text Organization	14
Pershina M.V. On "Dialogues" by V.I. Makarov, a Tyumen Old-Believer	19
Starukhin N.A. "The End Times" in the "Testimony of Truth" by an "Austrian" Old-Believer G.A.Strakhov	24
Matkhanova N.P. Memoirs of A.P. Kazin – Esaul of the Siberian Cossack Army	28
Bazyleva E.A. The Library of the Troitskosavsk-Kyakhta Subdivision of the Priamurye Branch of the Imperial Russian Geographical Society	33
Tumanik E.N. Letters of Vasily Mikhailovich Muraviev to N.N. Sheremeteva from Siberia, 1848	38
Posadskov A.L. Writer Vs. N. Ivanov As Head of Publishing of the Provisional Priamurye Government (1921–1922)	44
Lisovskaya N.S. The Scientific Publications of the Siberian Branches of the Academy of Sciences (1946-1950s)	49
Ananyev D.A. Studying the Pre-Revolutionary History of Siberia in Germany in the XX – Early XXI Centuries	55

PROBLEMS OF HISTORY

Zolnikova N.D. Archaeographic Expedition to Tuva in 1967 (On the 85 th Birthday Anniversary of Academician of RAS N.N. Pokrovskiy)	60
Faronov V.N. Social Security of Disabled Workers of Western Siberia in the late XIX – early XX Centuries	65
Rynkov V.M. Refugees and Accepting Societies: On the Characteristics of Social Mobility during the World War I	70
Ilyinykh V.A. Social Mobility of the Siberian peasantry in the 1920s: Stages and Tendencies	76
Zaporozhchenko G.M. Transportation Consumer Cooperation in Siberia in the First Third of the XX Century: From a Market to Distribution Model	81
Korobeynikova N.S. Infant Mortality in Urban Areas of West Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)	86
Shilovskiy M.V. Soviet Ace Pilots in the Great Patriotic War of 1941-1945. Part 2	92
Timoshenko A.I. Factors of Development and Implementation of the Idea of Siberian Rer during the Cold War (1946-1965)	97
Dashinamzhilov, O.B., Lygdenova, V.V. Specific Features of Urbanization Transition in Western Siberia in 1959–1989: a Demographic Aspect	102

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Sokolovskiy I.R. Customs Functions of the Commandant of Selenginskiy Fort	107
Vdovin A.S., Komleva E.V. The Role of Merchants in the Development of Siberian Archaeology (XIX-Early XX Centuries)	111
Novak V.S. Rec. ad. op.: Traditional Culture of Belarusians in Time and Space / A.V. Titovets, Ye.F. Fursova, T.K. Tyapkova et al. Minsk, 2013. 579 p. (Traditsionnaya kultura belorusov vo vremeni n prostranstve / A.V. Titovets, Ye.F. Fursova, T.K. Tyapkova et al. Minsk, 2013. 579 s.)	116
Matkhanova N.P., Kationov O.N. Rec.ad. op.: Soymonov F.I. Manuscript Heritage. From the Fonds of the Department of Manuscripts of the Historical Museum / Comp. by N.V.Gorbushina, Ye.A. Chekunova – M.: State Historical Museum, 2014 – 536 p., ill. (Soymonov F.I. Rukopisnoye naslediyе. Iz fondov otdela pismennykh istochnikov Istoricheskogo Muzeya / sost. N.V. Gorbushina, A.E. Chekunova – M.: Gosudarstvennyy Istoricheskiy Muzey, 2014. – 536 s.: ill.)	117
Gorbachev O.V. Rec. ad. op.: Petrov S.G. Russian Orthodox Church in the Time of Patriarch Tikhon (A Source Study). Novosibirsk: Institute of Histroy, SB RAS, 2013. 407 p. (Petrov S.G. Russkaya pravoslavnaya tserkov vremeny patriarkha Tikhona (istochniko-vedcheskoye issledovaniye). Novosibirsk: II SO RAN, 2013. 407 s.)	120
70th Anniversary of Valeriy Anatolyevich Skubnevskiy	123

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
(HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynichева*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 8-383-330-24-31
<http://www.sibran.ru>; <http://www.hssiberia.info>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20150301
УДК 821.161.1

Л.И. ЖУРОВА

О РОЛИ НЕПИСАНЫХ ПРЕДАНИЙ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XVI В.*

Людмила Ивановна Журова, д-р филол. наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: zhurova@ngs.ru

В статье на основе анализа сочинений Иосифа Волоцкого, митрополита Даниила, Максима Грека показано, насколько актуализировано значение неписанных преданий в творчестве знаменитых книжников, каковы способы их презентации и особенности функционирования в авторском тексте.

Иосиф Волоцкий в своей публицистике главным образом опирался на Священное Писание и письменные послания учителей Церкви. Максим Грек ссылался на сюжеты устных источников в своих полемических трактатах. Роль церковных преданий в трудах ученого монаха была обусловлена содержащейся в них референциальной истиной.

Соблюдение неписаного предания наряду с церковным писанным преданием – предмет повествования в Слове 3 «Соборника» Даниила. Опора на предания Даниила была необходима для того, чтобы доказать свое право на обличение человеческих пороков. В этом обосновании заключается главная роль преданий в сочинениях митрополита.

Ключевые слова: средневековая публицистика, неписаное предание, святоотеческие послания, Иосиф Волоцкий, Максим Грек, «Соборник» митрополита Даниила.

L.I. ZHUROVA

THE FUNCTION OF «NEPISANYE PREDANIYA» (ORAL CHRISTIAN LEGENDS) IN THE RUSSIAN PUBLICISM OF THE XVI CENTURY

Lyudmila I. Zhurova,
Doctor of Philology,
Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: istochnik@history.nsc.ru

The Russian Medieval publicists raised the issue of oral Christian legends' significance due to the church rituals controversy. Based on the analysis of works by Joseph Volotsky, metropolitan Daniel and Maximus the Greek, the article shows how these famous scribes brought this problem up to date in their works; describes the ways of its presentation and functioning in the authors' texts.

Joseph Volotsky in his social essays was generally guided by the Holy Writ and written epistles of the Church teachers. He adhered to the pattern of the genetic relations between the Canonical epistles and the Church Fathers' words and did not mark out "nepisanye predaniya" (oral Christian legends).

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00217а.

Maximus the Greek did not take up the issue of the legends credibility. In his polemical treatises he freely used the subjects of oral sources as precedent texts. The role of sacred legends in the scholarly monk's works was determined by the referential truth they contained.

Adherence to the unwritten legends along with the written tradition of the Church is the narrative subject in the Word 3 of Daniel's "Sobornik". The Metropolitan's work contains a section on Church history which specificity resides in the fact that its two main themes (praise of feats of the Apostles and the Church Fathers and refutation of sinners) are not proportional to each other. The theme of the Apostles Acts is set out by Daniel in two rhetorical periods presented in an epic and panegyric vein. Accusations of a Christian, who does not follow the church regulations, are made in a satirical style being the author's original text. Among "evidences" there is a group of extractions regarding the subject of "nepisanye predaniya" that performed a text forming function of the Word 3. In a brief "Nakazanie" section of the Word 3 the formula of adherence to "predaniya" became conventionalized.

Reliance on "predaniya" was necessary for Daniel to prove his right to expose human vices. Such justification is the main function of "predaniya" in the works by Metropolitan.

Key words: Medieval publicism, "nepisanye predaniya" (oral Christian legends), Church Fathers' epistles, Joseph Volotsky, Maximus the Greek, Metropolitan Daniel's "Sobornik"

Вопрос о значении преданий и сформированных на их основе церковных обрядов активно обсуждался в русской публицистике первой половины XVI в. С его решением связаны основные расхождения между сторонниками разных идейных движений: жидовствующими, заволжскими старцами, иосифлянами.

Основопологающим моментом в истории понятия «предание» стала цитата из Послания апостола Павла Солунянам: «Тѣм же убо, братия, стоите и дрѣжите предание, имже научистесь или словомъ или посланием нашим» (2 Фес 2:15). Она выполнила текстообразующую функцию в сочинениях Иосифа Волоцкого, митрополита Даниила и Максима Грека.

Иосиф Волоцкий в своем полемическом богословском трактате «Книга на еретиков» [1, с. 315] апеллировал к пророческим, евангельским и апостольским писаниям. Так, в Слове 3 «Просветителя» об упразднении жертвоприношений и обрезания после пришествия Христа церковный публицист определяет свою позицию, ссылаясь на прецедентный текст: «Мы же, апостольскимъ вѣрующе преданиемъ и пророческихъ послушающе писании, и видимъ, яко закон Моисеовъ упразднися, и жертвы и обрѣзание отврѣжени быша и в мерзость Богови вмѣнишася» [2, с. 123]. В Слове 11 о защите монашества Иосиф сформулировал парадигму отношений писаний и преданий, которой придерживался и Даниил Рязанец – преемник настоятеля Волоцкого монастыря: «И елико бяху в Вѣтхом Законѣ недостаточнѣ, сиа божественнии апостоли в Новѣмъ Законѣ недостаточная Закону наврѣшиша. Подобно же сему святии и преподобнии наши многиа писания и божественная предания написаша, еуангельскому и апостольскому писанию споспѣшествоваша и недостаточнаа Новому Закону наврѣшиша» [2, с. 419].

Отметим, что Иосиф Волоцкий не разделял предания на писаные и неписаные, что может свидетельствовать о неактуальности классификации жанра в начале XVI в. Источники сочинений игумена были письменными, на что он обычно указывал: «Мы же, апостольскимъ вѣрующе преданиемъ и пророческихъ послушающе писании, и видимъ, яко законъ Моисеовъ упразднися» (Слово 3) [2, с. 124]; «...ибо апостольское православие, и священныхъ съборовъ учения, и святыхъ велеименитыхъ отецъ нашихъ наказания, яко царское одѣвание носяще» (Слово 7) [2, с. 304]; «иноци не оставиша заповѣдь Божию и пророческихъ, и еу-

ангелскихъ, и апостольскихъ писании, ниже дрѣжать предание челоуѣческо, но по Божественной заповѣди и пророческому, и по еуангельскому, и по апостольскому писанию избрѣтоша себѣ житие» (Слово 11), [2, с. 407]; «Симъ божественнымъ пророческимъ и апостольскимъ писаниемъ же и преданиемъ послѣдующе благочестивѣишии и православнии цари...» (Слово 13), [2, с. 494] и т.д.

Как видим, Иосиф Волоцкий в основном опирался на Священное Писание, апостольское учение и святотеческие поучения, подчеркивая письменный характер источников. Немногочисленны в его Словах упоминания о преданиях и не встречается словосочетание «неписанные предания».

Максим Грек выделял предания Священного Писания, апостольские предания и предания церковные. Придерживаясь постановлений Вселенских соборов, он признавал равнозначность преданий писанных и неписанных. Об этом идет речь в его первом послании Ф.И. Карпову против латинян («Слово на латинов»), составленном в 1522–1523 гг. Здесь ученый монах цитирует решение соборов, в котором специально оговорено наказание за несоблюдение преданий: «Таже аки тѣми же глаголы и прочии Соборы повелѣвают: и пятый, и шестый, и седмый, еже и въпиет свѣтлымъ гласомъ, глаголя... "Аще кто все предание церковное, написаное или ненаписаное, отмѣтает, да будет анафема"» [3, с. 191].

В «Слове против Николая Немчина (Булева)» преступниками «апостольскихъ и отеческихъ правилъ же и преданий» он называл латинян и обвинял их в том, что они «супротивно носятся апостольскихъ правилъ и отеческихъ преданий» [3, с. 252]. Заканчивая свой антилатинский трактат, ватопедский монах декларировал: «мы дрѣжимъ вся благочестия таины и богословная догмата апостольскихъ и отеческихъ церковныхъ преданий» [3, с. 252].

Максим Грек наиболее активно обращался к авторитету церковных преданий в своих ранних полемических сочинениях. Архитектоника его посланий (до суда 1525 г.) основана на линейном ряде обширных цитат-выписок из трудов святых отцов [4, с. 60–72]. Он проповедовал мысль о том, что «неоскудѣниемъ слова и обличении показателныхъ в заповѣдехъ и преданияхъ отеческихъ почиваемъ» («Слово на латинов») [3, с. 177], а преступившие «апостольскихъ и отеческихъ завѣщаний и клятвъ бысть под-

винна съборнѣ анафемѣ» («Слово против Николая Немчина») [3, с. 204].

У Максима Грека нет сочинения, специально посвященного теме преданий. Но во многих своих трудах он апеллирует к сюжетам «отеческих правил и завещаний», и они служат доказательной базой в изложении позиции церковного писателя. Мотивы преданий органичны в авторском тексте и вплетены в повествование в виде реминисценций и аллюзий. Синонимический ряд понятия «церковное предание» у ученого грека приобрел коннотативные признаки: «отеческие предания», «закон церковный», «отеческие правила и предания», «отеческие завещания», «предания премудрейших врачей», «уставы церковныя» и др., которые придали этой категории религиозной культуры (преданию) парадигмальный характер.

Тема соблюдения неписаного предания наряду с церковным писаным преданием определяет предмет повествования третьего Слова «Сборника» митрополита Даниила. Защищая важность церковных обрядов, первоиерарх ставил вопрос о защите церковного предания вообще [5, с. 428]. К церковным преданиям, судя по заголовку Слова 3, он относил апостольские и святоотеческие сочинения: «Яко въсходя Господь на небеса, вдаде апостоломъ два завѣта: Вѣтхыйи и Новыи. Сиа же приемше святїи апостоли, таже по них церковнии пастырие и учителя, иже вси Духомъ божественнымъ наставляеми, ова убо оставиша, ова же узаконоложиша и предаша святѣи Церкви. И сиа вся церковнаа предания, писанаа и неписанаа, узаконенаа намъ отъ святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, непреложно подобаетъ съблюдати»¹.

Пространное название Слова 3, как всегда у Даниила, манифестирует тему повествования. В. Жмакин смысл третьего слова видел в том, что переданное апостолами и святыми отцами предание «должно составлять для каждого из членов ее предмет величайшего благоговения и безусловной обязательности, как выражение дальнейшей воли самого Спасителя» [5, с. 428]. И Иосиф Волоцкий, и Даниила, и Максим Грек использовали в качестве «зачала» к своей речи положение о том, что апостолы, а за ними и святые отцы приняли Ветхий и Новый заветы, данные Христом, и нам следует непреложно соблюдать эти церковные предания. Само название Слова 3 представляет собой минисюжет, и автор разворачивает его в полное повествование.

В. Жмакин упрекал Даниила в том, что митрополит «слабо различает то, что основано на священном предании, и то, что – на Священном Писании, и смутно осознает пределы Священного Писания, понимаемого в строгом смысле слова, и оттого впадает в ошибку, распространяя значение Священного Писания на жития, поучения, книги богослужебные» [5, с. 434]. Но это неразличение, видимо, отражает общий уровень культуры книжников XVI в.

Слово 3 Даниила состоит, как и все главы «Сборника», из трех разделов: историко-церковного, «свидетельств», «Наказания». В первой, историко-церковной, части Слова 3 Даниила излагает две темы, внешне как будто не связанные, выдержанные в разной тональности, но сопряженные внутренним смыслом и значением². Одна тема посвящена прославлению трудов апостолов и святых отцов. Эта хвала составлена из двух риторических периодов с повторяющимися мотивами. Каждый из них начинается с мотива связанности апостольского учения и трудов богоносных отцов об устройении Церкви и маркирован словом «Многа...», занявшим сильную позицию начала периода:

1. «Многа и различна устроения, чины же и уставы, правила и законы отъ божественныхъ апостолъ приять святѣи Церкви. Таже по апостолѣхъ богоноснии отци много предаша и наверхиша святѣи и соборнѣи апостолѣтѣи Церкви» (л. 64 об.).

2. «Многа управления и законы предаша святѣи Церкви вдохновениемъ Святаго Духа, и убо святїи апостоли о имени Исусъ Христовѣ и вѣры яже во Нь, и о Законѣ, Благодати многи труды и болѣзни показаша и кровию скончашася...» (л. 66 об.)

Этим повтором Даниила подчеркнул основополагающий момент о преемственности святоотеческих слов и апостольского учения, принятого в свою очередь от Христа. Единое начало периодов ритмизирует Слово проповедника.

Первый период речи архипастыря представляет собой изложение чинов и порядков в христианской жизни, установленных церковным преданием, и Даниила здесь не оригинален. Финальная фраза: «Сиа есть вѣра святыхъ апостолъ, яже научени быша отъ Бога, по святыхъ же апостолѣхъ богоноснии отци» (л. 66) – еще раз артикулирует конститутивный тезис.

Второй период посвящен прославлению святоотеческих подвигов и содержит своеобразную похвалу, выписанную в оригинальной стилистике Даниила. Писатель ступенчато выстраивает семантические ряды однородных членов, что приводит к расширению (раздвижению) структуры высказывания (постараюсь показать это графически, обобщающие слова при однородных членах подчеркнуты):

И по них [после апостолов. – Л.Ж.] святїи мученици и богоноснии отци много потрудишася:

и вседушно сташа противу нечестивыхъ цареи и мучителии, благочестие съблюдоша, и вѣнци побѣдными отъ Христа увязошася, и убо своими о Христвѣ болѣзными и подвиги вселенную укрѣпиша, и бѣсы прогониша, и нечестивыхъ посрамиша, презрѣша бо мирь, и яже суть въ мирѣ:

и всяку сладость, и славу, и честь, и высоту, и гордость, и болярства, и възвышеня престола, и благородие презищное, и гордѣние всякое, и царства, и княжения, и пред-

¹ Текст цитируется по рукописи: РГБ. Ф. 173. Собр. МДА/Л. № 197. Л. 64. (Далее листы указаны в круглых скобках).

² Текст связан с категорией смысла (то, что восстанавливается читателем в результате понимания). Произведение связано с категорией значения (связи мысли и слова, по Л.С. Выготскому).

стоящаа отроky, и предрышуаа слугы, и бесчисленое бо-
гагыство:

грады же и села, кони же и златыа утвари, и сладость
ястя и питя, и златопрядныа постели и прочее плотское
улажение –

ни въ что же вѣмѣниша, но все свое желание и мудрость
и разум показаша о вѣрѣ иже въ Господа нашего Исуса Хри-
ста, яже приаша отъ священных апостоль и богоносных
отець (л. 66 об.–67).

Таким образом, тема апостольских деяний изло-
жена Даниилом в эпической и панегирической тональ-
ности, соответствующей пафосу церковной проповеди.

Вторая тема историко-церковного раздела Слова 3
представляет обличительную речь пастыря, постро-
енную в виде цельного монолога и выдержанную в
критическом тоне. Она направлена христианину, «цер-
ковныа законы и уставы презирающему». Даниил ис-
пользует здесь излюбленный прием – обращение на
«ты», поддерживающий драматургию общения авто-
ра и читателя: «Ты же, видя и слыша неподобнаа гла-
голющих...» (л. 67). Ситуативное функционирование
обращений составляет одну из примечательных осо-
бенностей архипастырской речи Даниила. Главное об-
винение проповедника адресовано «прельщенному от
сатаны» и «отбгающему от церкви». Он с нескрывае-
мым раздражением описывает образ грешника, пред-
ставляя его в динамике и окрашивая пиеративными мо-
тивами: «затыкаеши, яко аспид, уши своа, помраченъ
сыи прелестию сатаны; и егда услышиши събираю-
щихся въ божественую церковь на молитвы и моления,
отбгаеши, яко звѣрь, и проныръствуеши, яко змии, и
лаеши на братию, яко песь, и валяешия в нечистотѣ,
яко свиния въ тимѣнии... объадаешия и пианьству-
еши, яко скот, и злопамятствуеши на братию, яко сата-
на» (л. 67–67 об.).

Ряд однотипных сравнений, построенный на об-
разах животных («яко аспид», «яко зверь», «яко змея»,
«яко песь», «яко свиния», «яко скот»), не нов в тради-
ционной поэтике древнерусской литературы, но у Да-
ниила он складывается в тематическое множество. С
большим сарказмом Даниил рисует портрет того же
«прельщенного от сатаны», решившего посетить храм:
«И егда срама ради внидеши въ божественую церковь
и не вѣси, почто пришелъ еси, позевая, и протяжаяся,
и ногу на ногу поставляеши, и бедру въставляеши, и
потрясаеши, и кривляешия, яко похабный» (л. 67 об.).

Эмоциональная окрашенность – обязательный
элемент обличительной речи Даниила. Обвинив чело-
века в лукавстве, ненависти, зависти, клеветничестве
и других злых помыслах, Даниил заканчивает свою
речь нравоучением, что было основной целью его об-
ращения: «И аще в сих не исправилъся, не вѣмъ, како
истинный христианинъ наречешися» (л. 68). При том
он оговаривает, что делает свои наставления с самыми
добрыми намерениями, и себя увещевает к соблюде-
нию заповедей: «Сиа же глаголю, не осужаа, ни уко-
ряа кого, но възставляа свою лѣность и възущаа себе и
другых къ дѣланию заповѣдей Господних» (л. 68 об.).
Таким образом, Даниил оправдывал свое право на об-

личение человеческих пороков, опираясь на авторитет
преданий, в которых тема порядка, устройства и уста-
вов христианской жизни, разработанных учителями
Церкви, должна служить для православного человека
примером в организации его жизни. В этом обосно-
вании и заключается главная роль преданий в трудах
митрополита.

Итак, изложение первой и второй темы Слова 3
несоразмерно друг с другом. Речь Даниила о святооте-
ческих деяниях, состоящая из двух частей, выравнена
в интервальных отношениях. Его обличительный мо-
нолог однороден по своей структуре. Обе темы коди-
фицированы на основе принципа противопоставления:
подвиги богоносных отцов и поведение грешного че-
ловека, – и выделены разными стилями повествования.
Если, обсуждая первую тему, Даниил придерживался
традиционных мотивов пастырской речи, то, обратив-
шись ко второй теме, архипастырь создавал оригиналь-
ный памфлет, в котором высмеивал недостатки отдель-
ных членов паствы.

«Свидетельства» (вторая часть Слова 3) составле-
ны из выписок, представляющих собой систему тек-
стов Священного Писания, апостольского предания и
предания церковного, святоотеческих сочинений. В
Слове 3 в состав «свидетельств» вошли фрагменты
сочинений Феофилакта Болгарского, епископа Ама-
сийского Василия, митрополита Никейского Иоанна,
Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Никона Черно-
горца, правила Соборов и др. Эти источники были для
Даниила абсолютно авторитетны.

Структура «свѣдѣтельств» организована по прин-
ципу «тематического ключа», когда библейская цитата
помещается в начале текста и «задача читателя – уста-
новить точную семантическую связь между букваль-
ным и духовным смыслом, не отделяя при этом их
друг от друга» [6, с. 437]. Форма изложения, выбран-
ная Даниилом, получила устойчивую модель: (1) ав-
торизация (указание на источник) цитаты; (2) цитата;
(3) толкования.

Раздел «свѣдѣтельств» Слова 3 открывается цита-
той из Евангелия от Луки, притчей о разбойнике и ми-
лосердном самарянине (Лк 10: 30–35). Она послужи-
ла заявкой темы, которая будет продолжена в Слове 4
(там «свидетельства» не содержат библейского текста).
Приведенное далее толкование евангелического текста
Феофилакта Болгарского, в котором под образом сама-
рянина представлен Иисус Христос, а под видом двух
динариев – два Завета, Ветхий и Новый, объясняет
происхождение замысла Слова 3, сформулированного
в его названии. В толковании Феофилакта Болгарского
стихов Лк 10: 34–37 для Даниила очень важной была
мысль архиепископа о том, что каждый из учителей
может сказать Христу по Его второму пришествии:
«Господи! Ты дал мне два динария, вот я приобрел дру-
гие два. И Он так скажет таковому: «хорошо, добрый
раб!» (Лк 19:17)». Такой благодарности должен ожи-
дать христианин, подчеркивает церковный писатель.
Труды апостолов, учителей Церкви и святых отцов, ар-
хипастырей и пастырей направлены на «трассирование»

учения, данного Христом. В этом цель апостольского и церковного преданий – утверждает Даниил. И себя он видел в роли распространителя священного слова.

«Свидетельства» Слова 3 можно представить тремя тематическими группами, внешне как будто между собой не связанными.

Первая представлена выписками из трудов Василия Амасийского, Иоанна Никейского, жития Илариона Меглинского и обращена к темам о павликианской ереси и об опресноках, объединенных одной проблемой – обличение армянской ереси (монофизитов).

Другая группа выписок составлена на тему писанных и неписанных преданий, ставшую главной для 3-го и 4-го Слов «Соборника» Даниила. Главная мысль подборки материалов – доказать важность и непререкаемый авторитет неписанных преданий наряду с писаными посланиями. Ключевыми в этом множестве текстов стали слова апостола Павла, открывающие раздел: «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим» (2 Фес 2:15). Идея о почитании преданий апостольских, писанных и неписанных, далее «тиражируется» выписками из Беседы Иоанна Златоуста на второе послание к Солунянам, послания Василия Великого Амфилохию Никейскому о Святом Духе (главы 27 и 29), Толкового Евангелия (1 неделя св. поста, слово 5), «Пандектов» Никона Черногорца.

В небольшой третьей группе «свидетельства» объединены мотивом соблюдения законов Церкви. Сюда вошли отрывки из правил Седьмого Вселенского собора в защиту иконопочитания и «Многосложного свитка», противоеретического памятника IX в., сыгравшего «существенную роль в идеологической борьбе на Руси в конце XV – начале XVI в.» [7, с. 238].

Как бы не на своем месте среди «свидетельств» оказался фрагмент с текстом Иоанна Дамаскина о святых иконах: он находится между первой и второй группой, хотя его место в группе третьей. Но в целом структура второго раздела в Слове 3 такова: Священное Писание (евангельский текст) – Священное предание (апостольские послания) – церковное предание (святоотеческий текст и соборные послания).

Разнородность «свидетельств» здесь трудно объяснить. Историки Церкви XIX в. упрекали Даниила в бессистемности и бессмысленности его подбора выписок. Например, Макарий (Булгаков) писал: «во второй [части] он только представляет чужие свидетельства, располагает их по своему усмотрению, без всякой между ними связи, и от себя не прибавляет и не говорит ничего...» [8, с. 188]. На самом деле выписки автором структурированы, и они выполняют текстопорождающую функцию Слов Даниила [9, с. 130–156]. В Слове 3 противоеретические тексты, помещенные в первой и третьей группах «свидетельств», обрамляют выписки на тему неписанных преданий (во второй группе). Видимо, в такой композиции следует искать объяснение авторского замысла.

«Наказание» Слова 3 – пожалуй, самое краткое во всем «Соборнике» Даниила. Оно начинается с

устойчивой формулы, указывающей на источник повествования: «До здѣ яже събрах свѣдѣтельства Божественных Писании въ ползу себѣ же и искренним». Затем Даниил объясняет цель своего труда: «Сего ради потрудихся къ истинному извѣщению правых вѣрь» (л. 92) и заканчивает пастырским увещанием: «И да вся предания, писанаа и неписанаа, потщимся съблюдати с правую вѣрою и чистым житиемъ» (л. 92 об.). Эта формула приобрела в идейно-эстетических построениях церковного писателя конвенциональный характер.

Слово 3 «Соборника» служит как бы предисловием к Слову 4, посвященному сюжетам крестного знамения и поклонения на восток, известным по неписанным преданиям. Митрополит Даниил в 30-е гг. XVI в. выступил в защиту древнего православного обычая перстосложения и крестного знамения как священного знака христианской веры, утверждения двуперстия и поклонения на восток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемик 1480–1510-х гг. СПб., 2010. 390 с.
2. *Просветитель*, или Обличение ереси жидовствующих. Творение преп. отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1904. 551 с.
3. *Преподобный Максим Грек*. Сочинения. М., 2008. Т. 1. 567 с.
4. Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: литературная и рукописная традиции. Новосибирск, 2008. Ч. 1. 493 с.
5. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. 762 с.
6. Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. М., 2003. С. 431–465.
7. Афиногенов Д.Е. «Многосложный свиток» – славянский перевод послания трех восточных патриархов императору Феофилу // Богословские труды. М.: Изд-во Московской патриархии, 2013. Вып. 45. С. 235–241.
8. Макарий (Булгаков). Сочинения московского митрополита Даниила. Статья преосвященнейшего Макария, архиепископа литовского и виленского // *Христианское чтение*, издаваемое при С-Петербургской духовной академии. 1872. Октябрь. № 10. С. 181–275.
9. Журова Л.И. «Слово о Крестной смерти» митрополита Даниила и традиция учительной литературы // *Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция: сб. науч. тр.* Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. С. 130–156. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 32).

REFERENCES

1. Alekseev A.I. The works by Joseph Volotsky in the context of polemics in 1480–1510. St. Petersburg, 2010, 390 p. (In Russ.)
2. *The Educator*, or the denunciation of the Jewish heresy. Work of His Reverend Joseph, Abbot of Volokolamsk. Kazan, 1994, 551 p. (In Russ.)
3. His Reverend Maximus the Greek. Works. Moscow, 2008, vol. 1, 567 p. (In Russ.)
4. Zhurova L.I. Author's text of Maximus the Greek: literary and the manuscript traditions. Novosibirsk, 2008. pt. 1, 493 p. (In Russ.)
5. Zhmakin V. Metropolitan Daniel and his works. Moscow, 1881, 762 p. (In Russ.)
6. Pikkio R. The function of biblical thematic clues in the literary code of the Orthodox Slavs. *Pikkio R. Slavia Orthodoxa. Literatura i yazyk*. Moscow, 2003, pp. 431–465. (In Russ.)

7. *Afinogenov D.E.* «Mnogoslozhnyj svitok», the Slavonic translation of the message of the three Eastern patriarchs to Emperor Theophilos. *Bogoslovskie trudy, izd. Moskovskoj patriarkhii*. 2013, vol. 45, pp. 235–241. (In Russ.)

8. *Makarij (Bulgakov)*. The works of the Moscow Metropolitan Daniel. Article of his Eminence Makarios, Archbishop of Lithuania and Vilna. *Khristianskoe chtenie, izdavaemoe pri S-Peterburgskoj dukhovnoj akademii*. 1872, okt., no 10, pp. 181–275. (In Russ.)

9. *Zhurova L.I.* «Word of the Death on the Cross» by Metropolitan Daniel and the tradition of didactic literature. *Teksty istochnikov po istorii Rossii i natsionalnaya kulturnaya traditsiya. Sb. nauch.tr.* Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. 2014. (Arkhografija i istochnikovedenie Sibiri, vol. 32), pp. 130–156. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 09.07.2015

DOI: 10.15372/HSS20150302

УДК 94(47).04+930.85

Н.С. ГУРЬЯНОВА

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СБОРНИКИ И ТРАДИЦИИ КНИЖНИКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Наталья Сергеевна Гурьянова,
д-р ист. наук, главный научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: gurian@academ.org

Статья посвящена анализу сборников, составленных старообрядцами в начале XVIII в. в связи с предстоящими дискуссиями с миссионерами официальной Церкви. Обращено внимание на то, что каждый раз формировался новый вариант сборника подготовительных материалов. Уважительно относясь к тексту предшественника, составители явно считали возможным использовать все его материалы, подчиняя их своей логике изложения аргументов в пользу отстаиваемой точки зрения, а также дополнять их новыми цитатами. В результате сделан вывод о том, что в сборниках подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам» нашло отражение традиционное для книжников Древней Руси отношение к цитированию и созданию авторского текста.

Ключевые слова: церковная реформа, раскол, книжная культура, традиции, старообрядцы, рукописные сборники.

N.S. GURYANOVA

OLD-BELIEVERS' COLLECTED WORKS AND TRADITIONS OF OLD RUSSIAN SCRIBES

Natalia S. Gurianova,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
Institute of History SB RAS
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: gurian@academ.org

Collected preparatory works of the “Deacon’s Answers” make it possible to characterize the process of collective work of several generations of Old Believers who gathered testimony in favor of their advocated point of view with regard to the novelties introduced to the Ritus and liturgical practices during the Patriarch Nikon’s Church reform. The article shows how the collectors used the works written by the monks of Solovetsky Monastery and selected citations from the Holy Script in order to prove the illegitimacy of all these novelties. This work was started by Timofey Lysenin who managed not only to collect and systematize all fragments from the authoritative books (that had by then been selected by the defenders of Old Belief) but also referred to the original texts for the purpose of verifying the accuracy of reproduction of the text and describing a manuscript or a printed edition. His book was taken by the compilers as a basis for the collections of preparatory works.

The article draws attention to the fact that compilers of the collections regarded the texts of their predecessors as a material that could be used for stating their own opinion. Being respectful of the text they used, reproducing the fragments practically verbatim, they considered it possible to change the logic of argumentation, supplementing it with new citations and comments. It is concluded that each collection resulted from a collective work of several generations of defenders of Old Belief. The collective character of their work was due to the fact that even in the Modern Age the Old Believers retained a traditional attitude towards citations and creating their own manuscripts that was typical of the Old Russian scribes.

Key words: Church reform, Schism, book culture, traditions, Old Believers, manuscript collections.

Большой Московский собор 1666–1667 г., утвердив результаты церковной реформы, начатой патриархом Никоном, положил начало превращению внутрицерковной оппозиции, представленной защитниками старого обряда, в широкое религиозно-общественное движение. В начале XVIII в. оно уже разделилось на два направления – поповщину и беспоповщину, а внутри каждого стали оформляться самостоятельные согласия. Основу идеологии движения составило утверждение о необходимости отстоять истинную веру – традиции Русской православной церкви и, как следствие, опровергнуть законность новшеств, введенных патриархом Никоном, в ее обряд и богослужебную практику.

С новациями все было ясно, а вот с традициями дело обстояло сложнее. Их нужно было не только обозначить, как это сделал знаменитый Стоглавый собор в XVI в., но и подробно охарактеризовать, приведя обстоятельные аргументы в пользу древности обычая. Уже первое поколение противников церковной реформы, обратившись к авторитетным рукописям и старопечатным книгам, начало сбор таких свидетельств. Они представляли собой фрагменты текстов с точным указанием, откуда скопированы, и обычно помещались в одной рукописи, составляя сборник.

Соловецкий монастырь как один из центров сопротивления церковной реформе сделал особенно много в данном направлении. Этому способствовала богатейшая библиотека монастыря и образованность его насельников. Благодаря исследованию О.С. Сапожниковой деятельности соловецкого книжника Сергия Шелонина мы можем с уверенностью говорить, что подобные сборники составлялись уже в 50-е годы, т.е. сразу после начала церковной реформы [1, с. 360–372]. Обнаруженные ею антиреформенный сборник и «Полемическая тетрадь» Сергия, находящаяся в составе третьего Азбуковника, дают возможность более полно представить начальный этап формирования доказательной базы в пользу древности старого обряда.

Не вызывает сомнения, что этот соловецкий книжник определил круг авторитетных текстов, которые будут активно использовать следующие поколения защитников старого обряда, отстаивая свое право оставаться в оппозиции к нововведениям. О.С. Сапожникова, анализируя содержание введенных ею в научный оборот текстов, показала их связь с сочинениями соловецких иноков Герасима Фирсова и Геронтия, указав на параллели и прямые заимствования [1, с. 397–413]. Эти два деятеля раннего периода старообрядческого движения во многом предопределили путь на будущее, по которому пойдут лидеры при оформлении идеологии согласий. Благодаря им богатая книжная культура Древней Руси и ее традиции стали основополагающими при обосновании незаконности нововведений.

Трактат Фирсова «О сложении перстов, еже которыми персты десныя руки подобает всякому православному христианину вообразити на себе знамение честнаго креста» был написан сразу после опублико-

вания в сборнике «Скрижаль» статьи о троеперстии. Это сочинение, как и творческое наследие Сергия Шелонина, задавало направление поискам аргументов в защиту старого обряда – обращение к авторитетным рукописям и старопечатным книгам. На компилятивный характер своего сочинения указал Герасим при допросе в 1666 г.: «...а что писал о сложении перстов десныя руки, им же воображаем крестное знамение, и то я писал от Божественнаго Писания, и что, и с которых книг взято, их же соборная и апостольская Церковь приемлет, то в тех тетратех и помечено» [2, с. 113–114].

В приведенной цитате из «сказки» о допросе автор подчеркнул, что сочинение написано «от Божественнаго Писания» и речь идет о выписках из авторитетных книг, которые «Церковь приемлет». Совсем не случайно он называет сделанные выписки не сочинением, а тетрадами, в которых, как он замечает, указано на конкретные рукописи и старопечатные книги, откуда копировались фрагменты. Геронтий продолжил эту работу по сбору аргументов в пользу древности старых обрядов.

В сборнике из собрания Егорова¹ (введенном в научный оборот О.В. Чумичевой), составленном и частично им написанном, Геронтий попытался в одной рукописи представить читателю все найденные к тому времени противниками церковной реформы фрагменты текстов, свидетельствующие об их праве оставаться в оппозиции, и авторское осмысление этого материала в форме публицистических сочинений. Две части сборника дополняют друг друга и воспринимаются как цельный текст. Систематизированная подборка выписок, по замыслу составителя, должна была сделать более убедительной для читателя авторскую точку зрения, изложенную в сочинениях, которые помещены во второй части сборника [3].

В XVII в., в первую очередь стараниями соловецких иноков, был определен круг авторитетных книг и рукописей, которые, по мнению защитников старого обряда, свидетельствовали о том, что патриарх Никон нововведениями нарушил традиции Русской церкви. Важно, что уже Сергием Шелониным в этот круг были включены рукописи и печатные издания, составляющие творческое наследие Литовской митрополии. Это вполне объясняется тем обстоятельством, что в 40-е годы XVII в. Русская церковь попыталась использовать их для оформления русского варианта православия, издав сборник «Кириллова книга» и «Книгу о вере» в качестве своеобразных религиозных учебников для просвещения населения. Противники церковной реформы не только опирались на них, обосновывая свою точку зрения, но и обратились к исходным текстам, послужившим основой для изданий Московского печатного двора.

Разумеется, такая работа по сбору свидетельств в пользу отстаиваемой точки зрения на обряд и богослужебную практику велась не только в Соловецком мо-

¹ РГБ, ф. 98, собр. Егорова, № 706. Описание рукописи см.: [4, с. 61–63].

настыре. В этом центре процесс формирования круга авторитетных текстов можно проследить от первых шагов и до восстания, когда защита точки зрения на результаты церковной реформы прозвучала особенно остро и убедительно и стала определяющей для последующих поколений. Попытаемся показать это, обратив внимание на сборники подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам».

В начале XVIII в., в период оформления идеологии вновь образованных согласий, их лидеры, естественно, использовали накопленный первым поколением противников церковной реформы материал и методы работы с ним. Сборники оказались наиболее удобной формой изложения точки зрения на решение актуальных богословских и обрядовых проблем. Работа по их составлению активизировалась в связи с началом в 1707 г. миссионерской деятельности в Нижегородской губернии среди защитников старого обряда, приемлющих попов, иеромонаха Питирима².

Защитники старого обряда уже в 1710 г. сумели составить сборники подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам», введенные в научный оборот А.Т. Шашковым и О.К. Беляевой³. Основой этих сборников является текст, обозначенный О.К. Беляевой как «компилятивное сочинение». Речь идет о приведенных в систему фрагментах текстов из рукописей и старопечатных книг, посвященных теме двуперстного крестного знамения и проблеме повторения припева церковных песнопений «аллилуия» – сколько раз его нужно повторять. Этот текст с некоторыми, не очень существенными изменениями составил вторую «Книгу» из четырех, атрибутированных П.С. Смирновым Тимофеем Лысенину [7, с. 102].

Противники церковной реформы, несмотря на то, что во второй половине XVII в. уже стали обозначаться явления, позволяющие исследователям характеризовать этот период как раннее Новое время⁴, провозгласили себя защитниками традиций Древней Руси не только в области религиозной жизни, но и в культурной. Например, они относились к создаваемому ими тексту подобно книжникам Древней Руси. Обращает на себя внимание, что даже в сочинениях не принято было указывать имя автора. «Трактат о двуперстии» или сочинения Геронтия атрибутированы только благодаря сохранившимся автографам по почерку и документальным свидетельствам. Разумеется, при копировании сочинения Герасима Фирсова в более позднее время иногда указывалось имя, но сам автор его не зафиксировал.

Возможно, следование традиции, характерной для древнерусского книжника, вполне объясняется не только атмосферой гонений, но и присущему сознанию средневекового автора восприятию создаваемого произведения. В ранее процитированном фрагменте из «сказки» о допросе Герасима Фирсова достаточно

ясно проступает то, что в терминах явлений культуры Нового времени может быть обозначено осознанием компилятивности работы. В случае использования авторского сочинения составители сборников явно пытались представить частное мнение, даже авторитетного лидера, в качестве общего, согласованного. Об этом свидетельствует, например, работа инок Авраамия, который даже конкретные челобитные на имя Алексея Михайловича, включив в сборник «Христианопасный щит веры...», представил в качестве коллективных обращений⁵.

В «Компилятивном сочинении» этот прием применен в отношении к сочинению Герасима Фирсова, ставшему к началу XVIII в. не просто авторитетным текстом, а основополагающим при обосновании традиционности двуперстного крестного знамения. «Трактат о двуперстии» воспроизведен в нем практически дословно без указания на авторство. Опущено вполне традиционное обращение автора к адресату, в котором обозначена индивидуальность творчества. Вот оно: *«Понеже прошение твое бысть, и понудил мя еси, еже дати тебе написано твердое же и известное свидетельство от Божественных Писаний о сложении перстов десныхя руки...»* [10, с. 147]. Заменяв начальную часть фразы на: *«Но покажем...»*, автор представил сочинение Герасима в качестве «твердого и известного свидетельства от Божественных Писаний». Почти дословно копируя далее текст, он существенно дополнил его новыми материалами.

Ярким примером творческого подхода к исходному тексту является отношение к цитированию Герасимом Фирсовым так называемого Слова Феодорита. Он воспроизвел его по печатным изданиям, указав на поле источник: *«Псалтырь Московской друкарни, Кирилла Иерусалимского слово о кресте, глава 14. Книга новая о вере, глава 9»* [10, с. 153]. В начале XVIII в. старообрядцы подошли к этому очень ответственно. Они воспроизвели его по рукописи, представив ее описание: *«Книга древняя Чюдова монастыря в десть»*. При этом они подчеркнули, что именно на эту рукопись ссылается иерарх Русской церкви: *«А та книга в свидетельство приведена в книге новопечатной «Увете духовном», во главе 11, на листу 159-м на обороте»*⁶. В Увете ссылка на указанную рукопись как на авторитетную приведена по другому поводу – по поводу истолкования молитвы.

Возможно, Тимофей Лысенин, ориентируясь на эту ссылку, сумел получить доступ к рукописи и скопировал из нее текст Слова Феодорита. Ее авторитетность для иерарха служила гарантией убедительности свидетельства. Но старообрядец на этом не остановился и привел описание еще одной рукописи, в которой подобный текст Слова Феодорита: *«И паки видех книгу на Москве, в ризнице патриаршей, а на ней прилеплена бумажка и на ней написано сице...»*⁷.

² О миссионерской деятельности архиепископа Питирима см.: [5, с. 156–159].

³ Перечень списков см.: [6, с. 10].

⁴ Об этом см.: [8].

⁵ Об этом см.: [9, с. 23–24].

⁶ РГБ, ф. 98, собр. Егорова, № 383, л. 38 об.–39.

⁷ Там же, л. 40.

Далее следует подробное описание внешних признаков древней рукописи, принадлежащей в прошлом патриарху Никону, о чем свидетельствует воспроизведенная запись.

Скорее всего, Тимофей Лысенин был тем человеком, который собрал воедино и систематизировал накопленные к тому времени фрагменты текстов из авторитетных книг и рукописей. Он обратился к ним с целью проверить точность воспроизведения, уточняя при этом и их описание. Возможно, он принял участие и в составлении сборников подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам». Во всяком случае, их основой стала его Вторая книга.

Речь идет только о сборниках, написанных до подачи «Дьяконовых ответов». Составители довольно свободно оперировали фрагментами, составляя собственную структуру сборника, включая дополнительные материалы, иногда уточняя, например, описания рукописей или старопечатных книг. Сборниками подготовительных материалов их можно назвать, поскольку их основу составляет «Компилятивное сочинение», части которого копировались дословно. Ярким примером могут быть два сборника из собрания Егорова, составленные, как об этом свидетельствует текст «Прощения», в 1710 г.⁸ и 1711 г.⁹

Сборник Е. 1703 был написан первым и явно послужил образцом для Е. 383. С него копировали фрагменты для второго, формируя новую структуру сборника. Например, текст, имеющийся в сборнике Е. 1703 на л. 105–134 об., в Е. 383 был помещен вначале¹⁰. Возможно, таким образом составители попытались компенсировать отсутствие предисловия, которое имеется в Е. 1703. О том, что при составлении сборников использовались материалы, имеющие различное происхождение, в том числе подготовленные в Соловецком монастыре, свидетельствует сборник РГБ, собр. Овчинникова, О. 595. Он составлен после подачи «Дьяконовых ответов»¹¹, но в нем нашел отражение более ранний этап подготовительной работы старообрядцев к предстоящим дискуссиям.

Сборник начинается со слов: «...разум и православное исповедание...» Далее помещен текст, совпадающий практически дословно со значительным фрагментом из сборников Е. 1703 и Е. 383, на который обращалось внимание выше¹². Основная часть сборника О. 595 представляет собой совершенно иную композицию подготовительных материалов, которые подбери-ли старообрядцы к предстоящим дискуссиям. В нем «Трактат о двуперстии» Герасима Фирсова скопирован в качестве самостоятельного произведения (с л. 38).

⁸ Там же, ф. 98, собр. Егорова, № 1703, л. 320 [далее Е. 1703].

⁹ Там же, № 383, л. 298 [далее Е. 383].

¹⁰ Е. 383, л. 5–31 об.

¹¹ РГБ, собр. Овчинникова, № 595 (далее О. 595), 8, 382 л. Филлигрань: Герб Амстердама – близок Дианова, № 339 (1729); подобен Дианова, № 420 (1727). За уточнение даты составления сборника благодарю канд. ист. наук, ведущего научного сотрудника НИОР РГБ Татьяну Владимировну Анисимову.

¹² Там же, л. 1–37. Ср.: Е. 1703, л. 105–131; Е. 383, л. 5–27 об.

При этом имя автора не указано, но ниже, на л. 77 об.–80, где приведены аргументы в пользу традиционности двуперстного крестного знамения, внизу страницы киноварью написано: «На сие полагает разсуждение мудрый Герасим, инок обители Соловецкой». Составитель апеллирует к прежде скопированному тексту сочинения, обозначив и его автора.

В сборнике О. 595 явно нашел отражение более ранний этап подготовительной работы старообрядцев к предстоящим дискуссиям с миссионерами официальной Церкви. Об этом свидетельствует, например, такой факт. Текст Стефана Зизания «О знаении крестном» из вилненского издания 1596 г. «Азбуки» братьев введен следующим образом: «Еще же и во глаголемей граматиче киевския печати, на самом конце книги тоя. Имасть же сице о сем...»¹³. В сборниках Е. 1703 и Е. 383 издание уже представлено иначе: «Еще же зде приносим свидетельство, согласующее сему есть в книгах, глаголемых грамматиках вилненския печати, в четверть. В ней же спреди описание имасть сице: Грамматика словенска свершеннаго искусства осми частей слова и иных нуждных. В Вилни, в друкарни брацкой, року божьего 1596, а от создания мира 7103, месяца февраля 12. А в тех грамматиках от задняя доски на последнем листу на обороте по наречию тех стран писано есть сице...»¹⁴.

После воспроизведения текста Стефана Зизания, объясняющего символику двуперстного крестного знамения, в сборниках Е. 1703 и Е. 383 составители перешли к критике «Увета духовного», а в сборнике из собрания Овчинникова продолжили так: «Подобно же и согласно сим обретается и во инех священных книгах...» Далее названы – Кириллова книга, Книга о вере и Большой Катехизис, т.е. издания Московского печатного двора, основу которых составили тексты православных авторов Литовской митрополии¹⁵. Автор объясняет, почему он не привел эти тексты, и призывает читателей самим внимательно прочесть их: «Их же множества ради не положих зде. Усердствуя же, да не обленится самая оныя книги внимателне почести и обрящет во всех тех согласно выше писанным зде»¹⁶.

Примеры, когда каждый составитель, формирующий новый вариант сборника подготовительных материалов, отнесясь с пиететом к тексту предшественника, вносил в него уточнения, дополнял новыми материалами, превращающими аргумент в еще более убедительное свидетельство справедливости отстаиваемой точки зрения, можно продолжить. Совершенно очевидно, что каждый сборник – это результат работы нескольких поколений защитников старого обряда. Все участники данного процесса вносили свой вклад, систематизируя и дополняя накопленные фрагменты из авторитетных рукописей и старопечатных книг, а также помещая новые предисловия, комментарии, пояснения. Разумеется, в сборники подготовительных материалов к «Дья-

¹³ О. 595, л. 71.

¹⁴ Е. 1703, л. 63 об.; Е. 383, л. 100 об.

¹⁵ О. 595, л. 73–73 об.

¹⁶ Там же, л. 73 об.

коновым ответам» существенный вклад внес Тимофей Лысенин, или же составители использовали его Книгу.

Об уважительном отношении к проделанной предшественником работе свидетельствуют сохраненные фрагменты, в которых проступает авторское «я», например, описание личных впечатлений. При этом составители явно считали возможным использовать все материалы, подчиняя их своей логике изложения аргументов в пользу отстаиваемой точки зрения, а также дополнять их новыми цитатами. В сборниках подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам» нашло отражение традиционное для книжников Древней Руси отношение к цитированию и созданию авторского текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сапожникова О.С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. 560 с.
2. Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. М., 1878. Т. 3: Акты, относящиеся к истории соловецкого мятежа.
3. Гурьянова Н.С. «Книга» Геронтия Соловецкого // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 3–21.
4. Чумичева О.В. «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (взаимоотношение текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1998. С. 59–69.
5. Плотников К.Н. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1911. 208 с.
6. Беляева О.К. К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 9–16.
7. Смирнов П.С. Из истории раскола первой половины XVIII века. По неизданным источникам. СПб., 1908. 233 с.
8. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. 896 с.

9. Демидова Л.Д. «Христианоопасный щит веры...» инока Авраамия и идеология раннего старообрядчества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2013.

10. Никольский Н.К. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам (к истории северно-русской литературы XVII века). СПб., 1916. 233 с.

REFERENCES

1. Sapozhnikova O. The Russian Scribe of the XVII Century Sergiy Shelonin. Editorial Activities. M.; SPb., 2010, 560 p. (In Russ.)
2. Materials for the History of Schism in Its Early Stage / ed. by N. Subbotin. Vol.3: Acts Related to the History of the Solovetsky Monastery Uprising. M., 1878. (In Russ.)
3. Guryanova N.S. The "Book" of Gerontiy solovetsky. *Obshchestvennoye soznaniye i literatura Rossii: Istochniki i issledovaniya*. Novosibirsk, 2008, pp. 3–21. (In Russ.)
4. Chumicheva O.V. "Solovetsky Monastery's Reply in Brief" and the Fifth Solovetsky Monastery's Petition (Interrelation of Texts). *Issledovaniya po istorii literatury i obshchestvennogo soznaniya feodalnoy Rossii*. Novosibirsk, 1998, pp. 59–69. (In Russ.)
5. Plotnikov K.N. History of the Russian Schism of Old Belief. SPb., 1911, 208 p. (In Russ.)
6. Belyaeva O.K. On the Question of Using the Old Russian Written Monuments in the Old Believers' Polemical Writings of the First Quarter of the XVIII Century. *Obshchestvennoye soznaniye, knizhnost, literatura perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1990, pp. 9–16. (In Russ.)
7. Smirnov P.S. From the History of Schism if the First Half of the XVIII Century. On the Unpublished Sources. SPb., 1908, 233 p. (In Russ.)
8. Sazonova L.I. Literary Culture of Russia. Early Modern Age. M., 2006, 896 p. (In Russ.)
9. Demidova L.D. «The Christian's Secure Shield of Faith» by the Monk Avraamiy and Ideology of Early Old Belief / Abstract of a thesis of a Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk, 2013. (In Russ.)
10. Nikolskiy N.K. Writings by the Solovetsky Monk Gerasim Firsov Based on the Unpublished Texts (On the History of the Northern Russian Literature of the XVII Century). SPb., 1916, 233 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 09.07.2015

DOI: 10.15372/HSS20150303
УДК 821.161.1–4:271.2»16»

Т.В. ПАНИЧ

СОЧИНЕНИЯ ЕВФИМИЯ ЧУДОВСКОГО В ЗАЩИТУ ПРАВОСЛАВИЯ: ТЕМЫ ПОЛЕМИКИ И ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА*

Тамара Васильевна Панич,
д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: istochnik@history.nsc.ru

*Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00217а).

Статья посвящена изучению полемических сочинений одного из представителей русской литературной культуры второй половины XVII в. – инока Чудова монастыря Евфимия. В качестве материала исследования привлечены произведения писателя, которые посвящены защите православного вероучения: сочинения, созданные Евфимием во время известного спора о времени пресуществления Святых Даров на литургии (80–90-е гг. XVII в.); полемические тексты, связанные с именами обучавшихся в Европе и испытавших влияние католицизма Петра Артемьева и Григория Скибинского; а также другие произведения писателя, направленные против влияния западных конфессий и утверждающие православие. Рассматриваются основные темы, составлявшие предмет его полемики с идейными противниками; сделаны наблюдения, касающиеся заметок и комментариев Евфимия Чудовского на полях рукописей, которые отражают особенности работы писателя с текстом.

Ключевые слова: XVII в., церковная литература, Евфимий Чудовский, антилатинская полемика, рукописные сочинения.

T.V. PANICH

EVFIMIY CHUDOVSKY'S WRITINGS IN DEFENSE OF THE ORTHODOXY: POLEMIC THEMES AND PRINCIPLES OF THE TEXT ORGANIZATION

Tamara V. Panich,
Doctor of Philological Sciences,
Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: istochnik@history.nsc.ru

The article examines a number of polemical writings by Evfimiy, the Chudov Monastery monk, one of the brightest representatives of the Russian literature culture of the second half of the XVII century. His works devoted to the Orthodox doctrine's protection were used as a material for research. Protection of the Orthodoxy and Orthodox traditions of Russian culture was the main theme of Evfimii Chudovsky's book activities notable for the variety of directions and forms. The article analyzes the writer's works created in the course of a well-known dispute about the moment of the Holy Gifts transubstantiation during the liturgy (80s–90s of the XVII century); polemical texts associated with the names of Petr Artemyev and Grigory Skibinsky who studied in Europe and experienced the influence of Catholicism, and Evfimiy's other works aimed at asserting the Orthodoxy and against the influence of Western religions. The article reveals a range of themes related to the disputable issues of interdenominational relations of the Orthodox and Catholic Churches, which attracted the writer's interest and were reflected in his polemical writings: the issue of the moment of the Holy Gifts change at liturgy differently interpreted by "Graecophiles" and "Latinophiles", to which the writer devoted several of his works; the Catholic doctrine of the Holy Spirit procession, which was also the subject of his criticism. Analyzing the involved works, the article considers some peculiarities of Evfimiy Chudovsky's creative laboratory, techniques and principles of writing the text based, as a rule, on a vast array of authoritative sources. Connection of his works with Christian ancient texts is established (Evfimiy demonstrates deep knowledge of the patristic and church-canonical literature). The author made observations concerning Evfimii Chudovsky's notes and comments in the margins of manuscripts, which also characterize the specificity of the writer's work with the text.

Key words: XVII century, church literature, Evfimiy Chudovsky, anti-Latin dispute, handwritten works.

Евфимий Чудовский – один из видных представителей московской книжности XVII в., писатель, полемист, выразитель идей греко-византийской православной учености, редактор и переводчик, сыгравший ведущую роль в развитии «чудовской школы» перевода. Он оставил большое и разнообразное литературное наследие: написанные в разных жанрах сочинения [1, с. 41–161; 2, с. 287–296; 3, с. 695–698] (в том числе поэтические [4, с. 762–783]) и многочисленные переводы святоотеческих и церковно-канонических текстов [5, с. 228–240]. Несмотря на большое количество работ, в той или иной мере касающихся рукописного наследия Евфимия Чудовского, оно изучено недостаточно. Не выявлены некоторые произведения чудовского инока; дополнительное обоснования требует атрибуция некоторых известных в науке текстов писателя; в специальном исследовании нуждается творчество Евфимия Чудовского в целом, о чем писал еще много лет назад А.В. Флоровский [6, с. 101], а позднее Б.Л. Фонкич [7, с. 48].

Предметом анализа данной статьи являются полемические сочинения Евфимия Чудовского, написанные им в защиту православия и православных тради-

ций русской культуры, хотя справедливости ради надо сказать, что эта тема так или иначе отражена практически во всех трудах писателя, она являлась господствующей темой его книжной деятельности, отличавшейся разнообразием направлений и форм.

В 80-е – 90-е гг. XVII в. Евфимий Чудовский был активным участником богословской полемики о времени пресуществления Святых Даров между «грекофилами» и «латинствующими» – писателями, представлявшими два идейных направления русской литературной культуры переходного периода [8]. Известно несколько сочинений Евфимия Чудовского в защиту учения православной Церкви по спорному вопросу, например, «Опровержение латинского учения о пресуществлении»¹, направленное против трактата Сильвестра Медведева «Хлеб животный»². Весьма значимым был вклад Евфимия как писателя в составление антилатинской книги «Щит веры», специально посвященной истории указанной полемики. Сюда во-

¹ Издание текста см.: [9, с. 439–450].

² Издание текста см.: [9, с. 419–430].

шла новая редакция написанной им ранее «Повести о расстриге Сильвестре Медведеве», в которой создан образ отступника от православия, распространителя идеи католицизма³.

Евфимием Чудовским могли быть написаны и другие тексты для данной книги, например, содержащаяся во вступительной части «Щита веры» грамота от имени патриарха Адриана⁴. Основанием для такого предположения могут быть встречающиеся в тексте вкрапления элементов греческой лексики. Отдельные слова приводятся автором грамоты в транслитерации: «неотерисмы», «ипокритство», «ватталогие» и др. Подобные языковые особенности были характерны для текстов, выходявших из-под пера Евфимия Чудовского – горячего сторонника греческой филологической традиции («еллинского учения»). Его сочинения пестрят гречизмами. Тенденция к «гречизации» текста отличает и переводы Евфимия [5, с. 72]. Кроме отмеченной особенности грамоты в ней содержатся многочисленные выписки из греческих полемических и церковно-догматических сочинений, к переводу которых мог быть причастен Евфимий. Так, здесь переписан фрагмент из переведенных им актов Константинопольского собора 1691 г.⁵ Это также косвенно свидетельствует в пользу принадлежности ему текста грамоты [11, с. 319].

Особенно большое участие Евфимий принимал в подготовке Дополненной редакции «Щита веры»⁶, куда был включен значительный по объему переводной материал: труды церковных писателей, богословов и полемистов, многие из которых были переведены самим Евфимием Чудовским или его помощниками из круга «грекофилов». Важной составляющей книги является и Послание Евфимия на имя патриарха Адриана с просьбой об издании «Щита веры» и ряда переводных текстов, направленных против «латин» и «кальвин»⁷.

Помимо обоснования учения православной Церкви о времени пресуществления Святых Даров Евфимий Чудовский в своих произведениях уделял также внимание и другим спорным богословским и обрядовым вопросам, касающимся различий между православной и католической церквями. Наиболее полное отражение проблематика межконфессиональ-

ных разногласий нашла в текстах, написанных им в связи с осуждением духовными властями Петра Артемьева и Григория Скибинского, которые обучались в Европе и в той или иной мере испытали влияние католицизма.

Посвященные им материалы, многие из которых подготовлены Евфимием Чудовским, составили отдельный сборник⁸. В текстах этого рукописного свода встречаются, например, критические рассуждения писателя по поводу учения католической Церкви об исхождении Святого Духа. Проблема *filioque* специально посвящено входящее в сборник сочинение под заглавием «Показание от святых отцев, яко от единого Отца Дух Святой исходит»⁹. Эта же тема звучит и в других текстах рукописи, например, в нескольких небольших главах «Ответа на лжущее писание Петра Артемьева». В «Ответе» Евфимий Чудовский критиковал бывшего диакона за приверженность католицизму: Артемьев помимо католического учения об исхождении Святого Духа защищал противоречившую ортодоксальным представлениям точку зрения по вопросу о времени пресуществления Святых Даров, высказывал мысли о главенстве папы, не соблюдал православных постов, но, следуя уставу римской Церкви, постился в субботу и допускал другие отступления от православия. Много претензий чудовский полемист высказал и в текстах, посвященных разбору челобитной Григория Скибинского, где были изложены по «пунктам» догматы и положения католической Церкви, которые должен был принять Скибинский во время своего пребывания в Риме ради возможности получения образования. Евфимий особое внимание уделил при этом критике и опровержению третьего «пункта», в котором Скибинским было сформулировано положение о непризнании католиками святых, прославленных православной Церковью в последовавшее за разделением церквей время. Не остались без внимания чудовского критика и другие части челобитной.

Таким образом, названные сочинения писателя отражают его интерес к самым разным темам, составлявшим предмет межцерковных разногласий и споров.

Как правило, полемический дискурс Евфимия Чудовского основывается на цитатах из текстов противников, их высказываниях. Обличая отступников от православия, критикуя их взгляды и выстраивая систему аргументации в защиту ортодоксального учения, Евфимий по сложившейся в средневековой письменности традиции обращался к «готовому слову» традиционной книжности. Он привлекал тексты Священного Писания, труды авторитетных византийских богословов, церковных историков и полемистов, обличителей «латинства», активно использовал их идеи и полемические приемы. Сочинения писателя

³ РГБ. Собр. Егорова. № 1570. Л. 44 об.–55. Издание текста повести по этому списку см.: [10, с. 278–287].

⁴ Грамота была написана в связи с подготовкой издания «Щита веры». Она знакомила читателя с темой и содержанием книги. На основе множества авторитетных святоотеческих и церковно-канонических текстов автором грамоты была кратко представлена история полемики о времени преложения Святых Даров, аргументированно изложена позиция православной Церкви относительно спорного вопроса, объявлено о патриаршем благословении издания «Щита веры». – Публикация текста грамоты см.: [11, с. 316–334].

⁵ На данный источник грамоты указал М.М. Бернацкий. – См.: [12, с. 138–144].

⁶ Дополненную редакцию представляет список ГИМ, Синодальное собр., № 346 (далее в тексте – Синод. 346).

⁷ ГИМ. Синодальное собр. № 346. Л. 5–10 об. Издание текста Послания см.: [10, с. 316–324].

⁸ Черновик сборника представляет рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 393.

⁹ ГИМ. Синодальное собр. № 393. Л. 20–28. Возможно, это сочинение также принадлежит Евфимию, хотя данный вопрос требует специального изучения.

пестрят выписками из святоотеческих трудов и произведений авторов IX–XVII вв.: Феодора Вальсамона, Нила Кавасилы, Марка Эфесского, Георгия Пахимера, Симеона Солунского, Мелетия Сирига. Некоторые из них были переведены самим Евфимием Чудовским или его ближайшими помощниками. Большое влияние на творчество Евфимия оказали также труды Максима Грека, писатель высоко ценил его авторитетное мнение как ученого богослова и тонкого знатока патристики. Анализ сочинений Евфимия позволяет увидеть характер работы писателя с источниками. Он по-разному использовал авторитетные тексты: делал выборку необходимых для его целей фрагментов, перефразировал отдельные высказывания, менял композиционное расположение заимствуемых частей и т.д.

Стиль полемических сочинений Евфимия Чудовского, направленных против церковных отступников, «еретиков», отличается ярко выраженным эмоциональным накалом. Наряду с традиционными приемами публицистики, ораторской прозы писатель широко использует разговорную речь, иногда переходит на брань. Наполняя восклицаниями, обращениями и риторическими вопросами свой обличительный монолог, адресованный воображаемому оппоненту, Евфимий как бы создает эффект присутствия второго участника спора, используя хлесткие эпитеты и уподобления, рисует его отрицательный образ – образ «отступника от благочестия», врага православной Церкви. Это хорошо иллюстрируют следующие примеры (фрагменты из «Ответа» Евфимия Петру Артемьеву):

«Зри, враже правды и клеветниче лживый. Се не аз, но сам Жезлописатель разори свою первую мысль, латинскую сушу, понеже ты, яко совершенный римский униат, благочестия же отступник, побораеши безумне, еже силою словес Господних пресуществлятися хлебу и вину в существо Тела и Крове Господни»¹⁰; «Покажи, не собацки лая, но кротостно и мирно, и благопокорливо, по апостолу, и ныне глаголю: Кто святых и где писа таковый подверг, еже “Дух ваш, Отче и Сыне”?»¹¹; «Покажи, лжесловче, сие ли моя хула и zde и инде, яко самага Христа Бога и святых апостол и столпов веры – святых отцев богословию последую, а твое блядословие обличаю?»¹²

В столь же резкой форме отзывался Евфимий и о Григории Скибинском. Он подозревал его в неискренности и враждебных намерениях по отношению к православной Церкви, считал коварным «папским посланником». Евфимий критиковал изложенные в челобитной Скибинского «пункты». И специально подготовил их «возобличение», подчеркивая притворство автора челобитной: «Сия десять пункты, овчею кожею покровенный волк, учитель латинский, секретарь папезский Григорий Скибинский во образе изъявления написа, яже обещася он папе со анафемою тако зломудрствовати и святую восточную Церковь...

безчестовати ...»¹³ Евфимий называл Скибинского распространителем «латинского еретического учения», убеждал патриарха Адриана не доверять ему и не принимать его в церковное общение, так как Скибинский, по его мнению, представлял большую угрозу для Церкви.

Подобные высказывания о «врагах православия», резко негативные оценки их взглядов были одним из излюбленных стилистических приемов в полемических сочинениях Евфимия Чудовского.

Особое место в творческой лаборатории писателя занимали записи на полях рукописей, которые часто сопутствуют основному тексту. В этом, как представляется, сказался его многолетний опыт справщика и редактора на Печатном дворе, через руки которого прошло множество текстов. На активное использование Евфимием Чудовским разного рода помет и записей на полях при работе с текстом обратила внимание Т.А. Исаченко в ходе исследования его переводческой деятельности. Тщательно проанализировав, в частности, записи Евфимия на полях рукописей с переводами библейских текстов, она сделала ряд важных наблюдений, характеризующих его работу как переводчика и редактора. Он, по мнению Т.А. Исаченко, стремился к глубокому прочтению и осмыслению переводного текста [14, с. 171–191].

Полемические сочинения писателя, как и его переводы, часто пестрят многочисленными комментариями и пометами на полях, многие из которых, сделаны, по-видимому, одновременно с написанием самого произведения и нередко выделены кинovarью. Они разнообразны по содержанию и объему, от мелких помет и указаний (отсылок к тем или иным источникам) до многословных глосс, разъясняющих определенный фрагмент произведения или раскрывающих и уточняющих позицию автора, его отношение к предмету полемики, упоминаемому лицу, событию, явлению, факту и т.д. Так, большое количество помет и комментариев сопровождает тексты сборника Синод. 393.

Поскольку сочинения носят полемический характер, комментарии, как правило, исполнены обличительного пафоса, их стиль эмоционально окрашен. На полях листов, где располагается текст «Ответа» Евфимия Чудовского, сделаны записи полемического характера, направленные против Артемьева (здесь упомянут и его учитель Симеон Полоцкий, некоторые высказывания которого также подвергаются критике со стороны Евфимия). Например, против текста «Таже истину сию хотя Жезлописец лжею покрыти, привязя к истинне лживая от себе словеса...» на поле кинovarью реплика автора оценочного характера: «А сие латинско есть, чуждо суще восточная Церкве»¹⁴. Против текста «По святому Василию совершается таинство евхаристии с приложением словес последующих...» на поле кинovarью уточняющее замечание: «Таяжде и едина мысль и словеса сия молителная не единаго святого Василиа Великаго,

¹⁰ Цит. по: [13, с. 236].

¹¹ Там же. С. 239.

¹² Там же. С. 242.

¹³ ГИМ. Синодальное собр. № 393. Л. 134.

¹⁴ ГИМ. Синодальное собр. № 393. Л. 158 об.

но и святого Златоуста Иоанна»¹⁵. Против текста «Но и самая оная словеса “Хлеб убо сей сотвори честное Тело Господа Бога” что молят? Токмо да в то время хлеб и вино преложатся в Тело и Кровь Христову» на поле киноварью сделано замечание, обращенное к Артемьеву: «Зри, еже сам Жезлописец пишет, в то время рекше, после возглашения словес “Примите, ядите”, да преложатся, а прежде не быша преложени»¹⁶ и др.

Как показывает текстологический анализ, лишь отдельные из подобных записей на полях в последующем (в других списках того или иного сочинения) вносятся в основной текст (приобретая характер интерполяций) или опускаются, остальные же (их большинство) воспроизводятся в том же виде, как и в первоначальном списке, сохраняя прежнее местоположение на поле. Они графически не сливаются с текстом, но при этом семантически прочно с ним связаны. Например, приведенные выше записи-комментарии к тексту «Ответа» Евфимия Чудовского «на лжущее писание» Петра Артемьева в неизменном виде (и в той же позиции на поле против соответствующего места в тексте) были перенесены в «Щит веры» Дополненной редакции. Они сохранились также на полях и в новой редакции комплекса материалов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского¹⁷.

Что касается других текстов, входящих в состав рукописи Синод. 393, то и здесь можно наблюдать ту же картину. Следует отметить, что записи на полях иногда могут быть ключом для понимания характера движения текста сборника, его истории. Например, в списке ГИМ, Синодальное собрание, № I (куда входят материалы по делу Григория Скибинского) появляется комментарий на поле к челобитной Скибинского (которого не было в черновом списке Синод. 393):

«Лжеша, прелещая православныя, учился бо еси не святей богословии, но еретическому бредословию, и не можно тебе учить православно, самому учившемуся злословно»¹⁸. Запись сохраняется и в редакции начала XVIII в. (БАН, П. I. В. 11, л. 79). Это может указывать на то, что данная редакция восходит не к черновому сборнику, а к какому-то промежуточному тексту.

Итак, анализ ряда сочинений Евфимия Чудовского, направленных против влияния западных конфессий и утверждающих православие, позволил выявить круг основных тем, связанных со спорными проблемами межконфессиональных отношений православной и католической церковью, которые привлекали интерес писателя и являлись предметом его критики. Его сочинения основаны на огромном массиве литературных источников (в том числе древнейших текстов христианской письменности). Важная роль в

формировании текста отводилась заметкам и комментариям на полях рукописей. Они могут рассматриваться в качестве одного из значимых для писателя принципов организации текста и способа авторского самовыражения. Наряду с выписками из авторитетных сочинений традиционной книжности сделанные Евфимием Чудовским записи и комментарии к тексту давали ему еще одну возможность выразить свои взгляды по тому или иному вопросу, служили средством усиления системы аргументов в полемике с идейными противниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Страхова О.Б.* Литературная деятельность Евфимия Чудовского (Библиографические материалы) // *Paleoslavica*. 1995. Vol. 3. P. 41–161.
2. *Исаченко-Лисовая Т.А.* Евфимий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 1992. Вып. 3: XVII век, ч. 1. С. 287–296.
3. *Буланин Д.М.* Евфимий, келарь Чудова монастыря // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 2004. Вып. 3: XVII век. Ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 695–698.
4. *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. 894 с.
5. *Исаченко Т.А.* Переводная московская книжность. Митрополитичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М., 2009. 334 с.
6. *Флоровский А.В.* Чудовский инок Евфимий: Один из последних борников «греческого учения» в Москве // *Slavia. Praha*, 1949. Т. 19. С. 100–152.
7. *Фонкич Б.Л.* Греческое книгописание в России в XVII в. // *Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования*. СПб., 1994.
8. *Панич Т.В.* Писатели патриаршего круга в богословской полемике 80-х – 90-х гг. XVII в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007.
9. *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность): опыт церковно-исторического исследования. М., 1896.
10. *Панич Т.В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004. 327 с.
11. *Панич Т.В.* Грамота патриарха Адриана об издании книги «Щит веры» // *Культура, история и литература русского мира: Общенациональный и региональный аспекты: сб. статей и материалов всерос. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека»*. Барнаул, 2014. С. 316–334.
12. *Бернацкий М.М.* Константинопольский Собор 1691 г. и его рецепция в Русской Православной Церкви (к вопросу о каноническом статусе термина «пресуществление») // *Богословские труды*. М., 2007. № 41. С. 138–144.
13. *Панич Т.В.* «Ответ» Евфимия Чудовского на «лжущее писание» Петра Артемьева // *Общественное сознание и литература XVI–XX вв.* Новосибирск, 2001. С. 224–245.
14. *Исаченко Т.А.* Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в.: Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015. 382 с.
15. *Панич Т.В.* Комплекс рукописных материалов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского (текстологические наблюдения) // *Общественное сознание и литература России: источники и исследования*. Новосибирск, 2008. С. 30–53.

REFERENCES

1. *Strakhova O.B.* Evfimii Chudovsky's literary activity (bibliographic records). *Paleoslavica*. 1995, vol. 3. pp. 41–161. (In Russ.)
2. *Isachenko-Lisovaya T.A.* Evfimii. *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*. St. Petersburg, 1992, iss. 3, pt. 1, pp. 287–296. (In Russ.)

¹⁵ Там же. Л. 159.

¹⁶ Там же. Л. 159 об.

¹⁷ БАН, П. I. В. 11 (34.3.13). Указанная редакция была подготовлена предположительно в самом начале XVIII в., возможно, самим Евфимием Чудовским или при его участии. См. об этом: [15, с. 44].

¹⁸ ГИМ. Синодальное собр. № I. Л. 306.

3. *Bulanin D.M.* Evfimii, cellarer of the Chudov Monastery. *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*. St. Petersburg, 2004, iss. 3, pt. 4, pp. 695–698. (In Russ.)
4. *Sazonova L.I.* Russian literary culture. Early Modern Times. Moscow, 2006, 894 p. (In Russ.)
5. *Isachenko T.A.* Moscow book learning in translation. Metropolitan and patriarchal scriptorium of the XV–XVII centuries. Moscow, 2009, 334 p. (In Russ.)
6. *Florovsky A.V.* Chudovsky monk Evfimii: One of the last advocates of the “Greek doctrine” in Moscow. *Slavia*. Praha, 1949, vol. 19, pp. 100–152. (In Russ.)
7. *Fonkich B.L.* Greek book writing in Russia in the XVII century. *Knizhnye centry Drevnej Rusi: XVII vek. Rasnye aspekty issledovaniya*. St. Petersburg, 1994. (In Russ.)
8. *Panich T.V.* Writers of the Patriarch circle in the theological polemics of the 80s–90s of the XVII century: abstracts of thesis ... Doctor of Philological Sciences. Novosibirsk, 2007. (In Russ.)
9. *Prozorovsky A.A.* Sylvester Medvedev (his life and activity): the experience of church-historical research. Moscow, 1896. (In Russ.)
10. *Panich T.V.* Book “Shield of Faith” in the historical-literary context of the late XVII century. Novosibirsk, 2004. 327 pp. (In Russ.)
11. *Panich T.V.* Patriarch Adrian’s letter on book “Shield of Faith” edition. *Cultura, Istoriya i Literatura Russkogo mira: obschenacionalnyj i regionalnyj aspekty. Sbornik statej i materialov vsrossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem “Chelovek i mir cheloveka.”* Barnaul, 2014, pp. 316–334. (In Russ.)
12. *Bernatsky M.M.* Council of Constantinople in 1691 and its reception in the Russian Orthodox Church (on the problem of a canonical status of term “transubstantiation”). *Bogoslovskie trudy*. Moscow, 2007. N 41, pp. 138–144. (In Russ.)
13. *Panich T.V.* Evfimii Chudovsky’s “answer” to the “lying writing” by Petr Artemyev. *Obschestvennoje soznanie i literatura XVI–XX vv.* Novosibirsk, 2001, pp. 224–245. (In Russ.)
14. *Isachenko T.A.* Faith and defiance in the responses and refutations in 80-90s of the XVII century: new Bible translations in philological schools of the XVII century. Moscow, 2015. 382 pp. (In Russ.)
15. *Panich T.V.* The complex of handwritten materials relating to the affairs of Peter Artemiev and Gregory Skibinsky (textual observation). *Obschestvennoje soznanie i literatura Rossii: istochniki i issledovaniya*. Novosibirsk, 2008, pp. 30–53. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 25.06.2015

DOI: 10.15372/HSS20150304

УДК 94(47)083+281.93

М.В. ПЕРШИНА

О «БЕСЕДАХ» ТЮМЕНСКОГО СТАРООБРЯДЦА В.И. МАКАРОВА*

Мария Валерьевна Першина,
канд. ист. наук, доцент,
Сибирский учебный научный центр Новосибирского национального
исследовательского государственного университета,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Ляпунова, 3,
e-mail: masha@perchine.com

В статье анализируются сочинения руководителя общины тюменских старообрядцев-филипповцев последней четверти XIX – начала XX в. В.И. Макарова, написанные в форме «бесед». Установлено, что в основе большинства из них лежали реальные дискуссии наставника с лидерами других согласий и миссионерами официальной Церкви. Анализ составленного Макаровым руководства для участников прений позволил уточнить его представление о том, как должен был быть организован этот процесс, и проследить практическую реализацию этих рекомендаций. Сделан вывод о том, что «беседы» были важным аспектом религиозной и культурной жизни местной старообрядческой общины.

Ключевые слова: старообрядчество, полемика, сочинения, «беседы», старообрядческая община, филипповцы.

M.V. PERSHINA

ON “DIALOGUES” BY V.I. MAKAROV, A TYUMEN OLD-BELIEVER

Maria V. Pershina,
Candidate of Historical Sciences,
Siberian Education and Scientific Center, Novosibirsk State University,
3 Lyapunov Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: masha@perchine.com

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00217.

The manuscript collection compiled by V.I. Makarov, a leader of Tyumen community of Philipovtsy Old-Believers in the late XIX – early XX centuries, is kept in the fonds of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. It includes a wide range of writings in the form of dialogues between a “nastavnik” (church leader, preceptor) with opponents representing the official church or other denominations. These “dialogue” writings were based on the disputes that had really taken place. Analysis of Makarov’s guidelines helped to clarify his views on how the disputes should be arranged. The author determined the speakers’ position during the discussion, the speaking order, established rules for the spectators’ behaviour. Descriptions of some specific «conversations» included into collections by Makarov show that participants in fact did not always follow the proposed rules. An attempt of the leader of Tyumen Philipovtsy to regulate and control an unpredictable emotional process of disputes is a valuable evidence of the community’s intensive inner life.

Texts describing the most interest disputes were copied and distributed among Old-Believers as well as sent to other regions. On the basis of an analysis of the texts of certain “dialogues” a conclusion was made that although these texts contained many quotes and references to appropriate book chapters, they were written in the language of “colloquial speech” and meant for reading aloud. Lots of moral adages about a true Christian’s mortal life and destination show that the author addressed not the opponents but mostly the Old-Believers of his own community. The “dialogues” were a convenient excuse for preaching aimed at establishing his coreligionists in their faith.

Key words: Old-Believers, polemics, writings, “dialogues”.

С момента раскола Русской Церкви защитники старого обряда вынуждены были отстаивать свою точку зрения в прениях, дискуссиях с представителями официальной православной Церкви, а с начала XVIII в. и с лидерами других согласий, на которые стало делиться это движение. В связи с необходимостью вести полемику распространенным жанром у старообрядцев становятся «Беседы» или «Беседословия», которые представляли собой диалог автора с реальным или воображаемым оппонентом. Это позволяло представить не только авторскую точку зрения по конкретному вопросу, но и его оппонента и в зависимости от позиции автора убедить читателя в «истинности» одной из них. Иногда для этого автор цитировал фрагменты сочинения оппонента. В некоторых случаях написанию «Беседословия» предшествовала реальная многочасовая дискуссия. Подобные «беседы» проводились обычно в присутствии зрителей, собравшихся из разных мест послушать старообрядческих ораторов и принять участие в полемике. Попробуем охарактеризовать словесные состязания, в которых принимал участие опытный полемист, возглавлявший в последней четверти XIX в. общину тюменских филипповцев, Варсонофий Иванович Макаров [1; 2; 3].

В рукописном комплексе из собрания Института истории СО РАН, составленном этим выдающимся деятелем тюменского старообрядчества¹, сочинения в форме «бесед» представлены достаточно широко. Макаров включил в сборники описание дискуссий со своими единоверцами, странниками, федосеевцами, «немоляками», поморцами, представителями белокричного согласия, единоверческой Церкви и миссионерами синодальной Церкви [4]. Судя по тому, что он общал конкретные даты прений, в основе многих его «беседословий» лежали реально состоявшиеся словесные поединки старообрядческих ораторов.

Некоторое представление о том, как проводились такого рода мероприятия, позволяет получить небольшое сочинение, включенное в первый том тюменского рукописного свода. Оно представляет собой руководство для участников «бесед», оформленное в виде

26 статей. В начале сочинения помещено следующее обращение: «Честнейшии отцы и все честное собрание, нельзя ли принять в пример условие беседе, на каких основаниях быть любовно по обычном начале и по благословении»². Помещенные далее правила участникам собрания предлагалось принять в качестве образца, как проводить беседу «любовно».

В сочинении не указаны ни автор, ни время его написания, но с определенной долей вероятности можно утверждать, что оно написано самим составителем сборника в 70-е гг. XIX в. (не позднее 1878 г.). В это время Варсонофий Иванович стал наставником тюменских филипповцев и организовал серию соборов в местечке Пашенка (в 30 км от Тюмени) с целью детальной регламентации всех сторон жизни общины и утверждения обязанностей наставника [4]. Попытка установить четкие правила для проведения «бесед» была в русле общей организационной деятельности Макарова.

В первой статье речь шла о главных участниках дискуссии – определялось их расположение во время «беседы»: «Беседовать одному на занимательном месте к прям сидящему лицу, а не к слышателю, тако по сторонам не озираясь»³. Ораторы должны были сидеть напротив друг друга отдельно от зрителей, при обращении к оппоненту им нельзя было переходить на другое место в поиске поддержки и одобрения своими единоверцами. Особо оговаривалось, что обе стороны обладают равными правами.

В тексте не определен временной регламент выступлений, очевидно, автор подразумевал, что обстановка должна была располагать к тому, чтобы участники имели возможность высказаться без ограничений: «Сядящее лице изменится, как только... по изнеможению его»⁴. Эта статья зафиксировала реальную практику многочасовых дискуссий, которые длились «до изнеможения» ораторов. В старообрядческих сочинениях есть упоминания о том, что даже если в отдельных случаях и вводились ограничения на время выступлений, они были такими, что позволяли ораторам «выговориться».

В более позднее время регламент выступлений конкретизировался. Например, во введении к публи-

¹ Собрание Института истории СО РАН, № 13/74, 14/74, 2/77. (Далее – Собрание ИИ СО РАН).

² Собрание ИИ СО РАН, № 13/74. Л. 819 об.

³ Там же, л. 819 об.

⁴ Там же, л. 820.

кации «беседы» Л.Ф. Пичугина, Ф.Е. Мельникова и Д.С. Варакина, состоявшейся 7–10 мая 1909 г. в Москве, регламент для выступающих был определен следующим образом: «Каждый собеседник должен говорить речь не более 30-ти минут, таких речей на каждого собеседника приходилось по четыре, пятая речь собеседника, начинающего беседу, должна быть не более 20-ти минут, последняя речь заканчивающего собеседника не должна превышать 10-ть минут» [5]. Таким образом, каждому участнику дискуссии предоставлялось в общей сложности более 2,5 ч на выступление, не считая ответов на вопросы.

В ряде статей тюменского сочинения о правилах ведения бесед говорилось не только о необходимости уважительного отношения к собеседнику, но и к книгам: «Книгу или статью един другому подавать с кротостью, а с яростью не брать и не вырывать другому, но кротко примать и подавать»⁵. О книгах было упомянуто не случайно – они являлись важным атрибутом любой беседы. Статья 21-я предписывала: «Наизусть статей или глав не читати, разве только за необходимость в кратком пояснении в беседе или за крайнюю невозможность тоя главизны достати»⁶. В этой статье явно нашло отражение существующая практика: любое высказывание старообрядцы подтверждали соответствующими цитатами из заранее подготовленных книг.

В литературе встречаются упоминания о том, что в ходе прений участники в случае необходимости в кратчайший срок приносили дополнительно книги, чтобы подкрепить свои аргументы авторитетными текстами. Например, как сообщил тюменский миссионер К. Беллюсов, побывавший на «беседе» в с. Исетском в 1890 г., один из оппонентов В.И. Макарова, поморец Ефим Андреевич Сидоров, «потребовал лошадей и довольно скоро съездил домой в деревню Пастухову... и привез два узла старопечатных книг, которые разложил в достоюльном порядке» [6, с. 256].

Определив правила поведения главных участников полемики, автор сочинения перешел к регламентации поведения зрителей. Он предлагал «слушающим сидеть с молчанием», а если не согласны с ораторами, «во оказывающихся сопротивностях являть терпимости, избегая насмешек и руганий» и «со всевозможности удерживаться от смеха». Судя по этим замечаниям, зрители обычно живо следили за ходом беседы и эмоционально реагировали на происходящее. Повидимому, чтобы обеспечить соответствующую обстановку для ведения дискуссии, в правилах предлагалось после выступления главных ораторов давать право на высказывание собственной точки зрения только тем слушателям, которые не нарушали порядка и вели себя «кротимо», т.е. спокойно: «Желающему и могущему законно вступить на смену, сидящего кротимо, допустить, а не сумевшего кротимо, унимать»⁷.

Составитель статей рассчитывал на то, что желание высказаться публично у наиболее активных слушателей могло быть настолько велико, что должно было восприниматься в качестве сдерживающего фактора. Впрочем, заключительные строки сочинения свидетельствуют о том, что сам автор, неоднократно присутствующий на подобных беседах, был реалистом и не был вполне уверен, что во время ожесточенного спора о вере и истине зрители смогут спокойно и беспристрастно слушать ораторов. Об этом свидетельствует статья, предписывающая наказание для присутствующих на беседе: «В нарушении условленных правил, по первом нарушении, мощно реши: «Хорошо ли не соблюдать условие?» По десяти несоблюдениях – наказание с милостию»⁸. Здесь явно нашло отражение реальная практика ведения дискуссий. По предлагаемым правилам слушатель только после 10 предупреждений мог быть подвергнут «наказанию с милостию», т.е. достаточно мягкому.

Попытка наставника тюменских филипповцев регламентировать порядок проведения словесных поединков, взяв под контроль непредсказуемый и эмоционально насыщенный процесс прений является ценным свидетельством интенсивности внутренней жизни общины. Описания некоторых конкретных бесед, помещенных Макаровым в сборники, свидетельствуют, что в действительности предложенные правила выполнялись далеко не всегда. В частности, он в нескольких сочинениях различного жанра, включенных в четвертый том тюменского рукописного свода [7], упоминает о беседе, на которой, с точки зрения Варсонофия Ивановича, были грубо нарушены предложенные им правила.

Беседа состоялась 23 мая 1895 г. в Таватуе, где Макаров проживал в тот момент. Поводом к ней послужило принятие наставником на общее моление нескольких «новоженов». Часть общинников, вероятно «новоженов», была недовольна тем, что подобная практика не станет правилом, другая же придерживалась традиционных для старообрядцев-безбрачников взглядов. Обе группы таватуйских общинников, недовольных своим наставником, обратились за советом к Ивану Андреевичу Воробьеву, который согласился обсудить публично этот вопрос. На беседу с Макаровым в молитвенный дом он пришел, пригласив и волостное начальство. В письме в Москву Варсонофий Иванович так описал эту ситуацию: «Того же мая месяца в 23 день под изветом, будто бы совет со мной чинить, пришли в молитвенный дом с канвоем в числе человек 50: волостной староста и сотской с десятниками со обнаженными знаками, а с ними Воробьев, Кокушкин и Яков Ильин»⁹.

Автор письма акцентировал внимание на агрессивности пришедших: «Кричали: «Стой, стой, молчи, пускай Иван Андреевич (Воробьев. – М.П.) чи-

⁵ Там же, л. 820 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 820.

⁸ Там же, л. 820 об.

⁹ Тюменский областной краеведческий музей им. И.Я. Слоцова. Собрание рукописей. КП 9201/2. Л. 905.

тат». Вместо мирной беседы, на что рассчитывал Макаров, пришедшие якобы начали зачитывать заранее заготовленный текст с обвинениями наставнику. Вот как описана эта ситуация в письме: «А он (Воробьев. – М.П.) отличился тогда и говорил: “Ты 10 лет читал, а теперь я читаю”, – и читал свои складни. Прочитал времени часа за два, а мне никакого ответа подать не дали: как начну что говорить, то подымат крик. Потом пошли из моленной с наругательством, что дедушко против Ивана Андреевича никакого ответа не мог подати». Закончилось дело изгнанием наставника: «Потом 25 мая через волостной суд меня ис Тавагуя выгнали»¹⁰.

Описывая эту неудачную «беседу», наставник, по-видимому, стремился на собственном примере показать читателям, к каким последствиям может привести нарушение правил ведения дискуссии, и предостеречь их от подобных ошибок. Но еще большее внимание старообрядцы уделяли «беседам», которые воспринимались ими как «удачные». Тексты с их описаниями копировались, распространялись среди единоверцев, посылались в другие регионы. Особое место среди них занимают описания прений с миссионерами официальной Церкви, которые массово стали проводиться с 60-х гг. XIX в., когда в связи с относительной либерализацией правительственного курса в отношении старообрядцев и изменением карательной тактики на практику «увещеваний» началась планомерная миссионерская деятельность приходских священников.

В сборнике 2/77 из собрания ИИ СО РАН содержится описание двух «бесед» защитника старого обряда с миссионером. Обе они носят похожие названия – «Беседа опытного человека от числа ученых и образованных людей с простецом, состоящим во обряде староцерковных» и «Собеседование краткоответственное, писанное человеком простецом на предлоги, имеющиеся в числе 25-ти пунктов, написаны достопочтеннейшим человеком от числа ученых и образованных людей»¹¹. Имена участников этих «бесед» не названы, но судя по тому, что в текстах фигурируют «простец» и «ученый и образованный человек», речь идет об одних и тех же людях.

В конце второго «собеседования» имеется переписка рукой В.И. Макарова: «Переписаны по гладе вышеявленныя вопросы-ответы 1886 лета, сентября 3-го, а подаваны были раньше, как около двух или как годов»¹², т.е. сочинение написано было не позднее 1884 г. Вполне возможно, в 1886 г. оно стало вновь актуально для филипповской общины в связи с началом миссионерской деятельности К. Беллюсова. Его предшественником на этом поприще был настоятель тюменской Троице-Никольской единоверческой церкви протоиерей Христофор Иваницкий. Как выяснила современная исследовательница

Л.Н. Сулова, за усердную службу и за борьбу с расколом он трижды получал благодарности от Синода и Тобольского архиепископа, был награжден набедренником, скуфьей, камилавкой, двумя бронзовыми наперсными крестами на Владимирской ленте, двумя знаками Красного Креста, орденом Святой Анны третьей и второй степеней и, наконец, уже в конце своей службы «по ходатайству причтов единоверческой церковью Тобольской епархии и Тобольского Епископа Антония», «за свыше пятидесятилетние труды в сане священника» был награжден палицей [8, с. 215, 229]. Такое обилие знаков отличия вполне позволяло старообрядческому автору назвать его «достопочтеннейшим человеком от числа ученых и образованных людей». Кроме того, в периодическом издании «Истина» за 1883 г. в разделе «Миссионерская переписка» опубликованы его ответы на вопросы «тюменского мешанина» Варсонофия Иванова Макарова [9]. В публикации содержится продолжение полемики по вопросам, затронутым в «беседах» из тюменского сборника, это позволяет отождествить «простеца» с В.И. Макаровым, а «человека ученаго» с Х. Иваницким.

В заглавии сочинений с описанием бесед с миссионером старообрядческий автор выделил важную проблему, которая поднимается в этих текстах – противопоставление образованности, учености и «простоты». Эта проблема была поставлена еще в сочинениях лидеров раннего этапа старообрядческого движения и продолжена в трудах писателей выговской литературной школы. Исследования Н.В. Поньрко [10], Е.М. Юхименко [11] и О.Д. Журавель [12, с. 10–21] показали, что старообрядцы признавали два пути познания истины: через книжную премудрость и через Божественное откровение. В XVIII в. в богословско-полемических сочинениях выговцев, написанных в рационалистическую Петровскую эпоху, больше прослеживалась ориентация на риторику и книжное любомудрие [12, с. 10–21].

В «Беседе опытного человека от числа ученых и образованных людей с простецом...» эта тема получила дальнейшее развитие. Поводом для рассуждений тюменского старообрядца об «учености» стал вопрос миссионера, который он сформулировал так: «Ты, старичек, понимаешь о православной нашей Церкви и пастырях... что у нас теперь все безблагодатно. Но ведь нынешний народ ученой, прошли высококия науки. И неужели жо простой старик, сидя во углу за печью, и мог узнать правду, а ученые люди, архиереи, епископы, митрополиты прошли курсы наук и против бы старика неученаго не могли бы знать? Етова быть не может»¹³. Выступая в защиту «простецов», не имевших образования, В.И. Макаров приводит 12 свидетельств «сбывшихся пророчеств» о рождении и жизни Иисуса Христа из Священного Писания и Предания, полученных в разные времена разными людьми исключительно по божественному открове-

¹⁰ Там же. Л. 905–905 об.

¹¹ Собрание ИИ СО РАН, № 2/77, л. 87–95, 697–721 об.

¹² Там же, л. 721 об.

¹³ Там же, л. 90.

нию. Он подчеркивает, что эти знания не были результатом работы рассудочного ума образованных людей, а были дарованы свыше, увидены духовным зрением, и потому они – истинные.

Однако будучи человеком Нового времени, книжником, владельцем большой библиотеки, в которую входили не только старопечатные и рукописные книги, но и произведения современных авторов, старообрядец не мог, подобно протопопу Аввакуму, полностью отрицать истинность «книжных», приобретенных знаний. Обращает на себя внимание тот факт, что «беседа» изобилует нравочительными сентенциями, которые обращены не только к оппоненту-миссионеру, но прежде всего к читателям-старообрядцам. Каждый ответ представляет собой красноречивую проповедь, призванную напомнить о смысле земной жизни истинного христианина и укрепить читателей в вере. Несмотря на насыщенность сочинения цитатами и точными отсылками к соответствующим фрагментам книг, «беседа» написана живым разговорным языком и ориентирована на произнесение вслух.

О том, что это сочинение было действительно востребовано местными старообрядцами, свидетельствует наличие нескольких его списков. Один из них представлен в составе тюменского рукописного комплекса В.И. Макарова из собрания Института истории СО РАН, другой, более поздний и более полный, дошел в виде отдельного сочинения, в настоящее время он хранится в рукописном собрании Тюменского областного краеведческого музея¹⁴. Наличие некоторых разночтений между списками позволяет увидеть, что переписчик дополнил и углубил первоначальную аргументацию Макарова, сделал текст еще более понятным читателю.

Таким образом, «беседы», включенные в рукописные сборники Варсонофия Ивановича Макарова, свидетельствуют о том, что дискуссии о вере с миссионерами и представителями старообрядческих согласий были важным аспектом религиозной и культурной жизни тюменской филипповской общины. Беседы пытались проводить по четко установленным и заранее оговоренным правилам, которые не всегда удавалось соблюдать. Наиболее интересные дискуссии записывались и распространялись. Тексты «бесед» были ориентированы, прежде всего, на «своих» общинников, а наличие оппонента, представляющего иную точку зрения, было лишь удобным поводом для проповеди, направленной на утверждение единоверцев в вере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беллюсов К. Раскол в расколе // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 23–24. С. 519–520.
2. Белобородов С.А. Материалы для реконструкции библиотеки старообрядческого наставника конца XIX – начала XX вв. В.И. Макарова // Археография и источниковедение истории России периода феодализма: тез. докл. науч. конф. Свердловск, 1991. С. 17–20.

¹⁴ Тюменский областной краеведческий музей им. И.Я. Слоцова. Собрание рукописей. № 43. Описание см.: [13].

3. Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 395–476, 717–739.

4. Беляева О.К., Панич Т.В., Титова Л.В. Описание тюменских старообрядческих сборников из рукописных собраний ИИФ СО АН СССР и УрГУ // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 156–267.

5. Беседы старообрядцев Л.Ф. Пичугина, Ф.Е. Мельникова и Д.С. Варакина. М., 1910.

6. Белобородов С.А. Поморцы и старопоморцы Ялutorовского уезда Тобольской губернии в XIX – начале XX вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. Т. V. С. 246–260.

7. Темплинг А.Я. О четвертом томе из тюменских старообрядческих сборников В.И. Макарова // Древнерусское духовное наследие в Сибири. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 307–315.

8. Суслова Л.Н. Единоверие в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы истории России: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 212–244.

9. Ответы настоятеля Тюменской Троице-Никольской единоверческой церкви, священника Христофора Иваничкокого, на вопросы наставника филипповского согласия, тюменского мешанина Варсонофия Иванова Макарова // Истина. 1883. Кн. 85. С. 1–40.

10. Лопырько Н.В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси. XVII век: разные аспекты исследований. СПб., 1994. С. 104–112.

11. Юхименко Е.М. Невежество и премудрость в интерпретации выговских писателей-старообрядцев // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 508–516.

12. Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. 441 с.

13. Покровский Н.Н. Рукописи и старопечатные книги Тюменского областного музея // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. [Вып.1]. С. 144–148.

REFERENCES

1. Bellyusov K. A schism inside the Schism. *Tobolskie eparkhialnye ведомosti*. 1890, N 23–24, pp. 519–520. (In Russ.).
2. Beloborodov S.A. Materials for reconstructing the library of V.I. Makarov, an Old-Believers' religious community leader of the late XIX – early XX centuries. *Arkheografiya i istochnikovedenie istorii Rossii perioda feodalizma: tezisy dokladov nauchnoi konferentsii*. Sverdlovsk, 1991, pp. 17–20. (In Russ.).
3. Ecclesiastic literature of the Old-Believers of Eastern Russia in the XVIII–XX centuries. *Novosibirsk*, 1999, pp. 395–476, 717–739. (In Russ.).
4. Belyaeva O.K., Panich T.V., Titova L.V. Descriptions of Tumen Old-Believers' collections from manuscript collections of the Institute of History and Philosophy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science and the Ural State University. *Istochniki po istorii obschestvennoi mysli i kultury epokhi pozdnego feodalizma*. Novosibirsk, 1988, pp. 156–267. (In Russ.).
5. Dialogues of Old-Believers L.F. Pichugin, F.E. Melnikov, and D.S. Varakin. Moscow, 1910. (In Russ.).
6. Beloborodov S.A. Ports and Old-Pomortsy of Yalutorovsk district of Tobolsk province in XIX – early XX centuries. *Uralskii sbornik. Istoriya. Kultura. Religiya*. Ekaterinburg, 2003, pp. 246–260. (In Russ.).
7. Templing A.Ya. On fourth volume of I.V. Makarov's Tumen Old-Believers' collected works. *Drevnerusskoe dukhovnoe nasledie v Sibiri*. Novosibirsk, 2008, vol. 1, pp. 307–315 (In Russ.).
8. Suslova L.N. Edinoverie in Tobolsk province in the second half of XIX – early XX centuries. *Problem istorii Rossii. Vyp. 7: Istochnik i ego interpretatsii. Sbornik nauchnykh trudov*. Ekaterinburg, 2008, pp. 212–244 (In Russ.).

9. Answers of Christopher Ivanitskii, a senior priest of Tumen Troitsk-Nikolsk Church of the edinovertsy, to questions of Varsonovii Ivanivich Makarov, a community leader of Philipovtsy denomination, a Tumen bourgeois. *Istina*, 1883. Book 85, pp. 1–40 (In Russ.).

10. *Ponyrko N.V.* Aesthetic views of writers belonging to the Vyg literary tradition. *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. XVII vek: Raznye aspekty issledovaniia*. St. Petersburg, 1994, pp. 104–112 (In Russ.).

11. *Yukhimenko E.M.* Ignorance and wisdom in the Vyg Old-Believers writers' opinion. *TODRL*. St. Petersburg, 2004, vol. 55, pp. 508–516 (In Russ.).

12. *Zhuravel' O.D.* Literary works of Old-Believers of the XVIII – early XXI centuries: subjects, issues, and poetics. Novosibirsk, 2012 (In Russ.).

13. *Pokrovsky N.N.* Manuscripts and early books of the Tyumen regional museum. *Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri*. Novosibirsk, 1975, [Vyp.1]. pp. 144–148 (In Russ.).

Статья принята
редакцией 09.07.2015

DOI: 10.15372/HSS20150305

УДК 279.99-285.4

Н.А. СТАРУХИН

«ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА» В СОЧИНЕНИИ «ПОКАЗАНИЕ ИСТИНЫ» СТАРОВОРА-«АВСТРИЙЦА» Г.А. СТРАХОВА

Николай Алексеевич Старухин, канд. ист. наук,
научный сотрудник,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
Институт истории СО РАН,
e-mail: prognostika@mail.ru

В статье рассматриваются эсхатологические построения, изложенные в сочинении середины 1890-х гг. «Показание истины», которое атрибутируется писателю-сибиряку Г.А. Страхову. Анализируются особенности эсхатологических взглядов писателя, источники, на которые он опирался. Это позволяет расширить представления о литературе и идеологии белокриницкого («австрийского») согласия во второй половине XIX в. Делается вывод, что круг вопросов, обозначенных автором, вполне соответствовал уровню внутренней и внешней полемики староверов указанного периода. Показано, что в ряде выводов сибирский писатель заходит гораздо дальше разработок других белокриницких апологетов. Это касается трактовки чувственного понимания природы антихриста, оценки деятельности российских самодержцев, осмысления творческого наследия раннего староверия. Несколько по-иному оценивается им тема преследований староверов, и, соответственно, проблема их взаимоотношений с властями, собственной иерархией. Последнее в значительной мере сближает Г.А. Страхова с радикальным крылом «австрийцев».

Ключевые слова: старообрядчество, белокриницкое согласие, полемика, эсхатология, апологетика, литература, идеология.

N.A. STARUKHIN

“THE END TIMES” IN THE “TESTIMONY OF TRUTH” BY AN “AUSTRIAN” OLD-BELIEVER G.A. STRAKHOV

Nicolay A. Starukhin,
Candidate of Historical Sciences, Researcher,
Institute of History SB RAS
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: prognostika@mail.ru

The article introduces for scientific use one of the copies of a polemic writing by a Siberian peasant writer Grigoriy Arefyevich Strakhov from the collection of the Institute of History, SB RAS. The copy has been acquired in one of the Old Believers' settlements as a result of archaographical fieldwork. Using G.A. Strakhov's writing as an example the author considers eschatological issues that remained invariably topical in the Old-Believer literature and perfectly characterized specifics of historiography and ideology of the people at the grassroots level of Belokrinitsky Agreement – one of the last Old Believer agreements. Moreover, addressing the range of eschatological problems (which is a separate research problem) allows to deepen our understanding of both Old-Believers' internal and interfaith polemics, as well as the late Old Believers' political essays written in the latter half of the XIX century.

In the article the author used traditional (general and specific) methods of historical research as the most appropriate for studying the narrative sources: analysis and synthesis, typologization and classification; causal analysis. In this particular case it is of utmost importance to study the historical context and circumstances in which the source was created.

Like any other writer G. Strakhov had, perforce, to take into consideration the situation that had developed in the Belokrinitsky agreement by the time of creation of his work. On the one hand, by the late XIX century the Austrians had increased their influence in the Old Believers' world, while a stand-off between the leaders of other agreements had also taken a serious turn, involuntarily stimulating the literary activities and cultural exchange. On the other hand, civil and ecclesiastical authorities increased their pressure on the Belokrinitsky Old-Believers sharpening their long-standing oppositional sentiments. This was indirectly confirmed by the very fact of addressing the issue of end times.

Key words: Old Believer's faith, Belokrinitskaya hierarchy, polemic, eschatology, apologetics, literature, ideology.

Введение в научный оборот памятников поздней письменности белокриницких староверов является одной из насущных задач археографических исследований. Прежде всего это связано с наличием значительных лагун в наших знаниях о литературе, общественной жизни и идейной борьбе в столичных и региональных обществах «австрийцев» во второй половине XIX и начале XX вв. Крайне злободневное во все времена осмысление событий мировой и отечественной истории в категориях апокалипсиса различными группировками ревнителев дониконовской «старины», отраженное в сочинениях разных жанров, заслуженно является одним из ключевых предметов исследования российских и зарубежных ученых. Именно трактатка старообрядческими апологетами текстов Священного Писания и святых отцов о «последних временах» во многом объясняет идейные постулаты, выработанные тем или иным направлением староверия, проясняет позицию лидеров «ревнителев древлего благочестия» по ряду вопросов насыщенной старообрядческой жизни: от отношения к властям и самоожжениям (или их оценки), до взаимоотношений между многочисленными старообрядческими согласиями, их внутренних конфликтов, стремления максимально дистанцироваться от мира победившего или побеждающего Антихриста.

Острота эсхатологических переживаний, как неоднократно отмечалось исследователями, отличала старообрядческое движение с самых первых шагов его возникновения [1, с. 100–102; 2, с. 145–185; 3, с. 17]. Но при всем, казалось бы, единодушии в оценке церковных реформ патриарха Никона его ревностными оппонентами уже на начальных этапах оформления собственно старообрядческой идеологии оказались крайне важными некоторые аспекты в толковании базовых, авторитетных для всего православного мира, текстов. Развернувшаяся борьба вокруг этих трактовок имела далеко идущие последствия и затронула сферу как идейно-организационной, так и обрядовой жизни, навсегда разделив мир некогда единых противников «никоновых новин». Попутно отметим роль именно эсхатологических настроений в массовых протестных и миграционных движениях, существенно подтолкнувших освоение обширных территорий Российской империи [4; 5, с. 20]. Исследователями неоднократно отмечался повышенный интерес староверов к вечным темам апокалипсиса в переходные эпохи, вполне объяснимы и попытки апологетов «привязать» библейские события к тем или

иным датам. Но, как показывают источники, не ослабевал интерес народных писателей к эсхатологической тематике и в эпохи относительно спокойные, не сопровождавшиеся ярко выраженными социальными потрясениями. Как писал об этом академик Н.Н. Покровский, именно указанная «волна» эсхатологических настроений таит в себе множество неизвестных науке фактов [6, с. 291].

Нам уже приходилось обращаться к творчеству сибирского писателя-«австрийца» Г.А. Страхова. К настоящему времени выявлен круг его основных сочинений, восстановлены этапы творческой биографии. Из вновь найденных трудов писателя введены в научный оборот два: «Оправдание старообрядствующей иерархии по пророку Ездру» и «Показание истины»¹. Последнее сочинение относительно недавно обнаружено в составе другого сборника белокриницких, копия которого также хранится в Собрании Института истории СО РАН². Условно назовем эти два сборника «новосибирским» (*Н*) и «томским» (*Т*). Если исходить из того, что в «Показание» сборника *Н* включена новая авторская глава³, то можно сделать предположение о его более позднем происхождении. Имеются и некоторые другие, не касающиеся содержательной части отличия. Упоминание «царя Николая Александровича» – императора Николая II на одной из последних страниц «Показания», а также включение Г.А. Страховым в состав обоих сборников главы, приуроченной к 50-летию перехода греческого митрополита Амвросия в старообрядчество, позволяют ограничить создание сочинения концом 1894–1895 гг.

Как «Оправдание», так и «Показание» посвящены защите белокриницкого согласия. В том и другом сочинениях «апология» согласия увязывается с разработкой дискуссионных вопросов «последнего времени». Причем в «Показании истины» эсхатологическая тематика очень плотно вплетена в ткань повествования

¹ Более полное название: «Показание истины, служащая ко оправданию православного старообрядчества». – Собрание ИИ СО РАН. № 2/08-г.

² Весьма характерно другое название работы, вынесенное на обложку после поздней реставрации: «Обличение никонианской ереси». – Собрание ИИ СО РАН. № 18/09-г. Описание см.: Описание рукописей XVI–XX вв. из Собрания Института истории СО РАН / сост. Т.В. Панич, Л.В. Титова; отв. ред. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 2011. С. 202–203. Далее все ссылки на сочинение делаются в тексте работы в круглых скобках.

³ «Письмо одного священноиннок к безпоповскому наставнику». – Собрание ИИ СО РАН. № 2/08-г. Л. 257–270.

и выступает связующим элементом в структуре всего сочинения. Вероятнее всего, «Показание» является частью или продолжением какой-то другой работы, но детально обосновать эту гипотезу можно лишь в отдельном исследовании. Новым направлением в полемике белокриницких следует признать обоснование и защиту писателем идеи «народной» церкви.

Тематически «Показание» делится на несколько крупных блоков, касающихся стандартного набора дискуссионных вопросов, связанных с изменениями в «грекороссийской» церкви перстосложения, формы креста, написания имени Спасителя, церковного пения и т.д. И вполне естественно, что Г.А. Страхов, как и многие старообрядческие полемисты, вынужден был использовать богатейшие наработки своих более ранних предшественников. В нашем случае основной акцент делается на известных «Статьях» стародубского инока Никодима. Это далеко не единственный опыт использования труда знаменитого стародубского инока [7, с. 177–190].

Нашей теме посвящены последние главы сборника: 40, 41, 42, 43. Но, как говорилось выше, проблемы «конца света» так или иначе фигурируют в подавляющем большинстве предварающих их глав, вступительной и заключительной частях сочинения. Причем в его составе указанные выше главы представляют самую оригинальную часть как в постановке вопросов, так и в подаче материала. Особое отношение придавал этим частям и сам автор. Вполне закономерным представляется в данном случае использование им исключительно «тяжелой артиллерии» старообрядческой полемики: книг Ветхого и Нового заветов, авторитетных толкований к ним, сборников – Кириллова книга, Книга о вере, Большой Катехизис, Маргарит. Кроме того, используются и отдельные гражданские издания, хотя и очень ограниченно (о чем будет сказано ниже). Главы с 3 по 39 имеют дополнительную разбивку на 37 статей, концовки которых сопровождаются авторскими комментариями.

На создание, по выражению Страхова, его «богодуховенной книги» (!) подвигла присылка ему бывшим белокриницким иноком Исихием (Шляпиным) двух антистарообрядческих сочинений плодовитого православного писателя-миссионера (в прошлом – старообрядца) – Егора Антонова: некоего «Показания» и «Ответов на сто пять вопросов...» (л. 9). Если исходить из текста, то книги Антонова с сопроводительным письмом были лично присланы Страхову и, конечно, не могли остаться без ответа. Это можно связать как с личным, по Томску, знакомством инока с Григорием Арефьевичем, так и с недавней его деятельностью в местном «противораскольническом» Братстве Дмитрия Ростовского. Но были и другие, более глубокие основания для этого отклика. Известно, что давление властей во второй половине XIX в. на старообрядчество вообще и на белокриницкое согласие в частности имело свои результаты. В немалой степени успех этой борьбы определялся и внутренними разногласиями среди самих староверов. Не случайно даже некото-

рые из известных деятелей «австрийцев» в силу ряда обстоятельств были вынуждены не просто перейти в официальное православие, но и пополнить ряды активных противников староверия.

Этот факт подтверждает в своем «предисловии» и Г.А. Страхов (л. 7). Но все эти «отпадения» сибирский писатель связывал не столько с земными, сколько с мистическими причинами. Со ссылкой на Большой Катехизис он констатирует наступление «последних времен» и формулирует важный для всего дальнейшего изложения вывод: «По реченному... мерзость запустения станет на месте святе... Сия убо мерзость толкуется... воинство антихристово, разоряющее церкви божия. Сие... в настоящее время сбывется и существует...» (л. 8). Именно вокруг этого вывода и строится система доказательств писателя.

В определенной мере логика приведенных доказательств вполне предсказуема. Уже на первых страницах своего труда Г.А. Страхов обыгрывает тему гонений на староверов и отступление от «благочестия» после соборов 1654 и 1666 гг. Он пишет об изначальной «великой жертве антихристу», констатирует наступившее после соборов «спустошение» всех церковных таинств. Понятие «спустошение» является одним из ключевых, поскольку позволяет писателю неоднократно и достаточно свободно использовать его при доказательстве выдвинутого тезиса о поэтапном («постепенном») наступлении власти Антихриста, начиная от времени «отпадения» католиков и заканчивая периодом церковных реформ в России. Апологет делает следующий предварительный вывод: «...как ясно видится о настатии антихристове, двоя подобия – первое в предотечах, предуготовляют ему... тако и о печати видится в двух подобиях...» (л. 17). Этим Страхов невольно выражает свое несогласие как с позицией идеологов официальной церкви, считающих, что время Антихриста еще не пришло, так и с позицией некоторых белокриницких апологетов, также относивших пришествие Антихриста к неопределенному будущему, хотя писатель однозначно позиционирует себя сторонником «чувственного» прихода антипода Христа. Но, на наш взгляд, понимает он это гораздо шире. В частности, на одной из страниц сочинения, в очередной раз возвращаясь к теме обрядовых, и, как следствие, догматических нарушений в Русской церкви, последовавших после реформаторской деятельности патриарха Никона, он пишет: «... вместо Христа Антихристу кланяются, и таино (!) душою жертвуют диаволу...» (л. 116 об.–117).

Обращение к известной теории «трех отступлений» и «латинской теме», поднимаемой на страницах сочинения уже первых вождей староверия, позволяет писателю связать воедино не только события мировой, но и отечественной истории. Названная теория является своего рода способом, позволяющим достаточно просто обыгрывать доказательства многочисленных отступлений от «истинной веры» греческой и русской церковью, лишней раз бросить упрек в «окаатоличивании» последней в связи с обрядовыми изме-

нениями и принципом руководства русской церковью после раскола.

В названных случаях Страхов опять же невольно противоречит апологетике «австрийцев», в которой уже с самых первых шагов становления белокриницкой иерархии доказывалась, пусть и с оговорками, «благодатность» тех церковных организаций, от которых первоначально принимались переходящие в ее лоно клирики, а впоследствии после продолжительного перерыва возобновилась архиерейская хиротония. В этом случае логика автора прозрачна – она состоит в попытке связать известное предсказание Кирилловой книги и Книги о вере о «первом отступлении» католической церкви с деятельностью иерархов церкви русской. Понятно, что главным фигурантом в этом деле после римского папы выступает патриарх Никон. При этом Григорий высказывает не известную нам по другим сочинениям белокриницких, но встречающуюся в других сочинениях Страхова точку зрения, что трагическое избрание шестого патриарха «мнози отцы пророчески предсказали» (л. 13). С этим выводом пересекается другой, в котором известный апокалипсический персонаж – «зверь со агничими рогами» – «действовал» не только через тогдашнего главу русской церкви, но царя Алексея Михайловича (л. 242). Уместными видятся в этом случае и резкие, обличительные цитаты отдельных посланий протопопа Аввакума, признаваемые «грубыми» даже самим автором. Рукописная традиция аввакумовских сочинений Страхову незнакома, и он использует известные издания Н.И. Субботина [8; 9].

Весьма сомнительным в конструкции апологета выглядит и «благочестие» русских императоров. Чего стоит вывод сибирского старовера, что монархия в России во всем уподобилась «римской» (т.е. антихристовой), и хотя она, по его мнению, не достигла полной меры «нечестия» последней, но «во всем подобится оной» (л. 123 об.) В то же время Страхов на одной из первых страниц сочинения восхваляет «мудрость» Екатерины II, осудившей, по его мнению, решения «разбойнических» соборов 1666–1667 гг. Да и заканчивается сочинение подчеркнуто молитвенным обращением за правящего «великого государя» Николая II. Наряду с вполне канонической формулой моления за царствующую особу приводится и оригинальный призыв «покорить под нозе его» «всех масонов и вольнодумов, тщащихся безначалием уготовать путь сыну погибельному» (л. 132–132 об.). Этим писатель явно отводит роль апокалипсического «сдерживающего» последнему российскому императору.

Серьезно усложняет восприятие сочинения детализация апокалипсического сюжета о «втором звере». Григорий Арефьевич ставит в один ряд «второго зверя» и «змея-прелестника» из 13-й главы Откровения. Опираясь на авторитет составителя Книги о вере, автор эмоционально восклицает: «... Вот ... этот зверь из земли с двумя агничими рогами и пожирает миллионы российского народа...» (л. 118). Далеко не однозначную трактовку дает и следующий, достаточно

радикальный вывод апологета, сделанный на основе 25-й главы Большого Катехизиса: «... Не глаголет ли и ныне етот предотеча слугами своими яко змий, чрез своих служителей... такожде и слуги антихристовы ... церковь предлагают выше небес бытии, но в соборище бесовское вводят... Ты же бегай от бесовскаго Вавилона, сиречь от сонма злых и нечествых людей, и примет тя Господь Бог ...» (л. 116 об.–117). В этом случае Страхов явно подводит читателя к столь старательно избегаемому другими белокриницкими апологетами «политическому» вопросу, связанному как с недоверием официальной церкви, угодившей, по мнению старовера, под власть противника Спасителя, так и представителям всех властных структур, этой церковью обслуживаемой. Заметим, что с этой мыслью писателя связаны и другие сюжеты его сочинения, подкрепленные его богатым жизненным опытом. С другой стороны, достаточно четко озвучена им и идея «укрывательного» пути – бегства, уходящая своими корнями в идеологию раннего старообрядчества.

Таков в самых общих чертах круг вопросов, на которые пытался ответить в своем сочинении оригинальный белокриницкий писатель Г.А. Страхов. Конечно, в своих разработках писатель был вынужден учитывать общую ситуацию, которая сложилась у «австрийцев» в период создания сочинения, общий уровень разработки темы другими апологетами. Хотя нужно отметить, что при всей кажущейся лояльности белокриницкой верхушки к властям просматривается явное недовольство последними. Косвенным подтверждением политической заостренности являлось уже само обращение к теме «последних времен». Но полного единства в этом вопросе у «австрийцев» не было. Вполне закономерно, что в ряде случаев выводы сибирского писателя звучат гораздо радикальнее известных разработок его единоверцев, чем, возможно, и следует объяснить малую распространенность сочинений Григория Арефьевича в среде братьев по вере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Смирнов П.С.* Внутренние споры в расколе в XVII в. СПб., 1898. 237 с.
2. *Смирнов П.С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. 363 с.
3. *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. 188 с.
4. *Покровский Н.Н.* Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. 394 с.
5. *Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII – в первой половине XIX в. Новосибирск, 1996. 267 с.
6. *Покровский Н.Н.* Народная эсхатологическая «Газета» 1731 г. // Исследования по Древней и Новой литературе. Л., 1987. С. 290–297.
7. *Зольникова Н.Д.* «Статии» инока Никодима и «Поморские ответы» Проблемы влияния и переработки // Вестник церковной истории. М., 2011. № 3–4 (23–24). С. 177–190.
8. *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1879. Т. 5, ч. 2. 423 с.
9. *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1887. Т. 8, ч. 5. 372 с.

REFERENCES

1. *Smirnov P.S.* Internal Disputes in the Schism in the XVII Century. SPb., 1898, 237 p. (In Russ.)
2. *Smirnov P.S.* Disputes and Division in the Russian Schism in the First Quarter of the XVIII Century. SPb., 1909, 363 p. (In Russ.)
3. *Guryanova N.S.* Peasant Anti-Monarchy Protest in the old-Believers' Literature during the Period of the Late Feudalism. Novosibirsk, 1998, 188 p. (In Russ.)
4. *Pokrovsky N.N.* Antifeudal Protest of the Ural-Siberian Peasants-Old Believers in the XVIII Century. Novosibirsk, 1974, 394 p. (In Russ.)
5. *Maltsev A.I.* Old-Believers-Stranniki in the XVIII – First half of the XIX Century. Novosibirsk, 1996, 267 p. (In Russ.)

6. *Pokrovsky N.N.* Popular eschatological "Gazette" of 1731. *Issledovaniya po Drevney i Novoy Literature*. L., 1987. pp. 290–297. (In Russ.)

7. *Zolnikova N.D.* The Articles (Statii) of the Monk Nikodim and "The Pomorian Answers". The Problems of Influence and Revision. *Vestnik tserkovnoy istorii*. M., 2011, no 3–4 (23–24), pp. 177–190 (In Russ.)

8. *Subbotin N.I.* Materials for the History of Schism during Its Early Stage of Existence. M., 1879, vol. 5, part 2, 423 p. (In Russ.)

9. *Subbotin N.I.* Materials for the History of Schism during Its Early Stage of Existence. M., 1887, vol.8, part 5, 372 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 09.07.2015

DOI: 10.15372/HSS20150306
УДК 930.085+94(47)»1860/1880»

Н.П. МАТХАНОВА

ЗАПИСКИ ЕСАУЛА СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА А.П. КАЗИНА*

Наталья Петровна Матханова,
д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье вводятся в научный оборот и анализируются два мемуарных очерка казачьего офицера. Показано их значение для изучения истории военных действий в Средней Азии в 1870-е гг., истории Сибирского казачьего войска, отношения казаков к таким государственным и военным деятелям, как К.П. фон Кауфман, М.Д. Скобелев, взаимоотношений между отдельными группами казачества, а также их быта и нравов. Особое внимание уделено личности мемуариста, отмечена негативная оценка им вооружения и экипировки казаков, обостренное восприятие падения престижа Сибирского казачьего войска.

Ключевые слова: Сибирское казачье войско, мемуары, Кокандский поход 1873–1875 гг., Садык Кенисарин, Пулатхан, М.Д. Скобелев, С.А. Елгаштин, А.П. Казин.

N.P. MATKHANOVA

MEMOIRS OF A.P. KAZIN – ESAUL OF THE SIBERIAN COSSACK ARMY

Natalia P. Matkhanova,
Doctor of Historical Sciences
Institute of History SB RAS
8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: istochnik_history@mail.ru

The principle goal of the article is to introduce for scientific use and to analyze the information potential of memoirs of A.P. Kazin who was an officer of the Siberian Cossack Army. In the first of his essays A.P. Kazin tells about an armed clash between the Siberian Cossacks and a squadron of Sultan Sadyk Kenisarin near the Lake Sari-Kul in 1866, as well as characterizes the military actions of the Russian troops in the well-known battle of Irdzhar. The second essay is devoted to participation of the author, his friends and acquaintances in the Kokand Campaign of 1873-1875. It conveys ordinary Cossacks' evaluations of the contemporary military leaders and statesmen such as D.I. Romanovskiy, K.P. von Kaufman, M.D. Skobelev; describes the military life and the course of military operations including the battle near Telyau; attempts at debunking of a renowned hero of this battle – S.A. Yelgashtin.

*Благодарю руководство и сотрудников Исторического архива Омской области (ИсАОО) за содействие в работе.

The article demonstrates the role of these sources in studying the relationships between various groups of Cossacks, their mentality, attitudes towards the authorities and adversaries. The author of the paper highlights fragments of the memoirs containing pragmatic ideas and hopes typical of the Cossacks – regarding awards, higher wages and plentiful spoils of war. Special attention is paid to the memoirist's personality. His negative evaluation of the Cossacks' weapons and military equipage as well as his keen sense of the decline of the Siberian Cossack Army's prestige are shown. That is the very reason (along with personal enmity) for Kazin's hard-hitting and even sarcastic evaluation of S.A. Yelgashtin's personality, due to Kazin's perception of Yelgashtin as embodiment of all vices typical of many Cossack officers who were undereducated, ill-mannered and unable to carry themselves in a proper way. M.D. Skobelev was admired by the memoirist first of all for his respect for Siberian Cossacks. It is empathized that the memoirist praised the merits and courage of such adversaries as Sultan Sadyk Kenisarín and even the head of Kokand rebels, the cruel Pulat-Khan.

Kazin's memoirs containing numerous details allow us to feel the "real historical atmosphere". His descriptions of everyday life and customs, evaluations of the military officials and troop officers, account of certain historical episodes are of special interest.

Key words: Siberian Cossack Army, memoirs, Kokand Campaign of 1873–1875, Sultan Sadyk Kenisarín, Pulat-Khan, M.D. Skobelev, S.A. Yelgashtin, A.P. Kazin.

История сибирского казачества стала в последние десятилетия одной из самых популярных тем. Исследователи обращают внимание на ее новые аспекты, в том числе на повседневную жизнь казаков, широко вводят в научный оборот новые источники (см., например: [1; 2; 3; 4]). В настоящей статье рассматриваются информационные возможности мемуаров офицера Сибирского казачьего войска, участника военных действий в Туркестане, есаула Алексея Прохоровича Казина¹. Они сохранились в Историческом архиве Омской области в фонде знаменитого историка сибирского казачества генерала Г.Е. Катанаева, который собирал материалы по истории войска, Казахстана, завоевания Туркестана.

Одна из рукописей названа «Из воспоминаний старого есаула» (указано на последнем листе, после подписи), другая – «Воспоминания старого есаула Сиб[ирского] каз[ачьего] 1 Ермака Тимоф[еевича] полка, Старого туркестанца, а также некоторых эпизодов из Кокандского похода». Обе написаны в тетрадях, черными чернилами, на листах линованной желтоватой бумаги форматом 26,5x20,5 см. В обеих имеется авторская правка черными же чернилами, более яркими, частично поверх написанных слов с целью восстановления выцветшего текста. На первых листах вырваны небольшие куски бумаги. Оба мемуарных очерка разделены на главы: один – на три, другой – на пять.

Первым по хронологии описываемого является мемуарный очерк «Из воспоминаний старого есаула», посвященный столкновениям с отрядами знаменитого сына Кесары Касымова – султана Садыка (Сыздыка) в 1866 г. и – коротко – Иридзорскому делу. Во втором мемуарном очерке говорится о службе в 1-м Сибирском полку и участии в ряде важных событий в Туркестане, в том числе в Кокандском походе 1873–1875 гг. Время написания текстов можно определить по их содержанию. В первом, более коротком, очерке говорится: Садык Кенесарин «давно уже принял русское подданство», что произошло в 1877 г. [5, с. 54]. Второй, более обширный, создан после 1885 г., судя по словам о том, что полковник С.А. Елгаштин (1829–1885) [6] уже «покончил свой век». Автор думал о публикации своих сочинений – об этом свидетельствует и стили-

стическая правка, и то, что в самом начале второго очерка подлинное имя Семен Алексеевич Елгаштин зачеркнуто и исправлено на Семен Петрович Елдаков, под которым он и фигурирует в дальнейшем изложении.

В тексте имеется множество ошибок (*подданные, мелиционеры, апетит, орудейный, цытадель, гоубвахта, спитца, выпимшы, десцыплина* и т.д.). Но у автора явно есть некие литературные претензии:

Впереди ехал в коляске К.П. фон Кауфман, окружен[н]ый свитой, джигиты с трех сторон освещали его поезд факелами, он милостиво кланялся и здоровался с каждой частью войска, лошади бежали легкой рысью в экипаже, орудийные выстрелы, духовая музыка, встречные марши и ура! русское ура! На этот раз радушное, а не воинственное; все это переливалось в воздухе и как-то на душе чувствовалось хорошо и приятно, легко, так и думалось, что все сомнения и напряженное состояние, в котором мы были, должно решит[ь]ся приездом этого маленького, но сильного человека! (д. 405, л. 10 об.);

...многим из политиков пришлось познакомит[ь]ся с необозримыми снежными равнинами матушки Сибири, которая с глубоких времен привыкла раскрывать свои широкие объятия для принятия в свое лоно каждого сбившегося с прямого пути гражданина и охлаждать своим холодным лобзанием ненужные и горячие порывы!! (д. 405, л. 12 об.).

В своих воспоминаниях А.П. Казин высоко оценивает одних военных деятелей и резко критикует других. Им представлена субъективная, во многом спорная, но отличная от известных точка зрения на важные исторические события. В ряде случаев он передает распространенные в среде сибирских казаков оценки.

Так, о новом, назначенном в 1866 г., губернаторе Туркестанской области он писал:

Генерал Романовский с первого дня своего приезда произвел на туркестанцев неприятное впечатление, тем более он составлял большую разницу в характере с М.Г. Черняевым, человеком характера открытого, да и при этом сразу зарекомендовал себя при Иридзарском деле не в духе туркестанцев (д. 406, л. 15 об.–16).

Казин вспоминал, что в начале сражения «из вагенбурга, где устроился со штабом генерал Романовский», прозвучал сигнал отступления, который «войска никогда и не слышали и не понимали его значения в военное время. Но к счастью передовыми войсками командовал полковник Абрамов, храбрый из туркестанцев, [он] принял сигнал и дал

¹ ИсАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 405, 406. Далее сноски на эти дела даются в тексте в круглых скобках с указанием номеров дел и листов.

от себя сигнал наступление и усилить огонь». Именно «адский огонь по бухарцам» передовых рот наряду с атакой начальника кавалерии подполковника Пистолькорса с его казаками решили дело. Но в результате слава незаслуженно досталась генералу Романовскому, «ибо все было подготовлено к бою М.Г. Черняевым, да и дух в войскам тоже был Черняевский, которого солдаты боготворили» (д. 406, л. 16 об.–17). По официальной версии, под Ириджаром произошло первое крупное сражение русских войск под руководством Д.И. Романовского с бухарцами. Военный историк М.А. Терентьев, описывая ход битвы, указывал, что командовавшему кавалерией А.В. Пистолькорсу следовало «воротиться назад для содействия» пехоте капитана Абрамова, оказавшейся в затруднительном положении. Но «отойти назад после такого энергического наступления, даже не сразившись... было невозможно», Пистолькорс пустил в ход артиллерию, вслед за которой «влетели и казаки», и одержал победу [7, с. 346–347]. Казин не участвовал в сражении, и сам он указывал источники своей информации: «очевидцы рассказывали» (д. 406, л. 16 об.), т.е. передавал мнение, существовавшее в войске.

Столкновение отряда Казина с садыковцами, чему в основном посвящен первый очерк, также нашло отражение и в официальных реляциях (в журнале военных действий, опубликованном Д.И. Романовским в приложении к его труду), и в литературе (в обобщающем труде М.А. Терентьева). По сравнению с ними в воспоминаниях гораздо подробнее описан ход сражения при озере Сары-Куль. Имеются некоторые разночтения, в том числе в количестве сил у той и другой стороны. «Шайка» или «партия» Садыка, по официальным данным, состояла из 300 чел., а затем была усилена, «по слухам, до 2000» [8, с. 197; 7, с. 343], а русский отряд – из 105 солдат и казаков и около сотни милиционеров. Казин же писал: к моменту решающей битвы «садыковцев было более двух тысяч, а у меня отряд налицо состоял из ста двадцати пяти человек, из них были и больные, и слабые лихорадочные, милицию я не кладу в счет, элемент бесполезный» (д. 406, л. 9 об.).

Несмотря на уничтожительные характеристики противника, Казин высоко ценит мужество, военную удаль и политический авторитет самого Садыка. При появлении Садыка «шайка его, состоявшая из пятидесяти человек, росла моментально в сотни и тысячи. Вся эта армия шла за ним, не требуя от него ни жалованья, ни продовольствия, считала за честь иметь своим вождем такого лихого батыра, как Садык – Кансарин, славного рода Конградовского представитель!!»; «Во всех делах... Садык был всегда в передовых отрядах. Возбудить восстание в мусульманском населении, сформировать отряд хотя бы в русских владениях, это для него не составляло почти никакого труда» (д. 406, л. 1 об., 6 об.). В этом Казин противоречит генералу М.Г. Черняеву, утверждавшему, что Садык «не выказал особенных военных способностей»; а его «деяния были... невелики» [9, с. 28].

Уважение к противнику высказано и в другом мемуарном очерке, в центре которого находится Кокандский поход 1875–1876 гг. Казин отмечает жестокость Пулат-хана, одного из главарей восстания против хана Худояра (Худаяра), с одобрением отмечает, что этот «кроважидный кокандец... искренне ненавидевший русских», был повешен М.Д. Скобелевым. В то же время «Пулат-хан – самозванец, патриот, быть может, своего отечества, но во всяком случае истый враг русских. Но на месте лобном Пулат-хан сохранил вполне свое мужество, не просил пощады у своих врагов, умер настоящим мусульманином, вполне веря [в] предопределение Божие!» (д. 405, л. 9). О союзнике русских хане Худояре Казин отзывается как о жестоком и алчном правителе, восстание против которого было неизбежно, и приводит ходившие среди казаков и солдат слухи о его многочисленных сокровищах.

В этом очерке Казин, как и все историки казачества, высоко оценивает и значение Кокандского похода, и роль сибирских казаков в присоединении Коканда, «где на долю их выпала, можно сказать, самая видная и блестящая роль» [10, с. 52]. При этом он не просто иронически, но издевательски пишет о командире 1-го полка С.А. Елгаштине – одном из героев похода, прославленном в официальной историографии. Автор истории полка и участник событий Н.А. Симонов так описывал роль Елгаштина и действия казаков: «Елгаштин получил приказание выступить» ночью, через час после получения первого известия о вторжении кокандцев в Сыр-Дарьинскую область. «Быстрое движение казаков, прошедших в день 75 верст, заставило» противника отойти от Телляу. На другой день утром генерал Головачев перешел в наступление и «рассеял большую партию кокандцев. Елгаштин весь день преследовал их и только в 11 часов [вечера] вернулся на bivak. В 3 часа утра он снова был выслан навстречу другой партии кокандцев», которую удалось захватить врасплох и уничтожить «лихой атакой» [11, с. 69–70]. В таком же духе охарактеризовано участие С.А. Елгаштина в деле в статье А.М. Белокрыса, введшего в научный оборот его послужной список: «Быстро сориентировавшись в обстановке, подполковник организовал наступление по всем правилам боевого искусства: две сотни ударили во фронт, а еще две – с флангов. Прижав противника к скалам, казаки спешили и продолжили бой... Окончательно довершила поражение неприятеля лихая атака 3-й и 4-й сотен» [6, с. 67].

Рассказ Казина резко отличается:

Не могу не сказать правды, чтобы бестолковые атаки казаков по громадным камням, как будто бы нарочно разбросанным природой по долине, под руководством далеко не опытного к бою, никогда не бывавшего ранее в делах и с превеликого похмелья Елдакова, дали бы какие-либо полезные результаты. Но зато, когда нашим сотням пришлось прикрывать артиллерию, то мы не могли не порадоват[ь]ся тем метким выстрелам капитана Ермолова, который лично наводил орудие и со второго выстрела ясно было видно простым глазом, как ловко попадали щедро отпускаемые разрывные снаряды в самую средину сгустившихся колон[н] Коканд-

ских полчищ на первом перевале гор! Как ловко и метко били стрелки 2 стрелкового Туркестанского батальона, и нам, казаченькам, оставалась легкая работа, гнать и рубить одуревших кокан[д]цев по долинам и щелям. Сто двадцать верст сделали в эти сутки, не слезая с лошадей казаки 1-го Сибирского полка!... Так славно кончилось Телявское дело, которое дало немедленно хорошие результаты... И к удивлению своему С.П. Елдаков попал в герои, получил золотое оружие и с радости запил мертвецкую!! (д. 405, л. 14).

Намек на неподготовленность отряда Елгаштина к немедленному выступлению имеется и в развернутой редакции полковой истории Н.А. Симонова: «Накануне вечером все офицеры полка долго засиделись в лагере, Елгаштин вернулся домой около двух часов ночи, а в три ему подали записку от генерала Головачева» [12, с. 68].

Имя С.А. Елгаштина было помещено в списке выдающихся питомцев Сибирского кадетского корпуса, причем наряду с реальными боевыми заслугами было указано и участие в штурме Андижана, когда полковник якобы «под градом пуль первый с тремя сотнями казаков ворвался в город и занял цитадель и ханский дворец» [13, с. 359]. На ошибочность этого утверждения указал А.М. Белокрыс [6, с. 69], подтверждается это и воспоминаниями Казина.

Трудно сказать, понимал ли А.П. Казин, что в своем стремлении развенчать командира он подвергал сомнению заслуги всех сибирских казаков. Одна из основных идей мемуариста – слава и карьера Елгаштина не заслужены. В самом начале второго очерка он представлен в карикатурном виде: пьяница, не знающий и не соблюдающий приличий, позорящий всех сибирских казаков. Подробно описана скандальная и почти анекдотическая история, произошедшая в саду Минюрок в Ташкенте. В статье А.М. Белокрыса приводится рассказ о «грандиозном гулянье», на которое не были приглашены офицеры 1-го Сибирского казачьего полка из-за неприязненного отношения к их командиру. Обиженный Елгаштин, «подкутивши с офицерами... прибыл к месту гулянья, спешил казаков и приказал им атаковать сад» [6, с. 71]. Казин уточняет: этот эпизод случился в 1873 г., на гуляние были вызваны «по тревоге» приказом командира «несколько сотен казаков нашего полка, спешенных, в боевой амуниции». На широкой поляне около буфета расхаживал Елгаштин, «в казачьих чембарах, казачьих сапогах, на нем отчаянный изорванный китель, казачья простая шапка, фуражка, тоже снятая с казака». Перед ним «казаки песельники в боевой амуниции, лежат на земле носами и чихают, все в пыли» Затем последовал приказ подполковника: ««Чихай! По-собачьи лай! Куси его!» – командует Елдаков, обращаясь к казакам песельникам, все еще лежащим на земле в пыли. – “Это Вы что же делаете, г. подполковник!” – говорю я, обращаясь к Елдакову. – “Дисциплину, значит, восстанавливаю, поход, говорят, скоро будет, так вот, первое дело дисциплина”» (д. 405, л. 4). С трудом удалось уговорить пьяного подполковника исполнить приказ пришедшего генерала и удалиться, помогла и ссылка на супругу

командира: которая «прислала Вам экипаж, она больна и желает Вас видеть» (д. 405, л. 4 об.). «Почтенная публика и начальство с тех пор как-то подозрительно стали смотреть на всех казачьих офицеров, непременно видя в них пьяницу или скандалиста. Но к счастью, скоро подоспел Кокандский поход. А затем славные и геройские дела М.Д. Скобелева с сибирскими казаками 1-го полка восстановили нашу пошатнувшуюся было популярность» (д. 405, л. 7).

Казин стремится доказать, что Елгаштин недостойн своего чина и позорит звание офицера Сибирского казачьего войска. Но совершенно очевидно и другая причина негативной характеристики командира полка – зависть к его блестящей карьере. Уже при описании первых шагов автор утверждает, что тот «случайно попал в Войсковое казачье училище в г. Омске», «случайно попал в образцовую команду в г. Петербург, где так же случайно женился на генеральской дочери, статского генерала» (д. 405, л. 2). Из всей дальнейшей биографии Елгаштина приводятся только сведения о его кутежах, о якобы неудачных действиях под Теляу, о конфликте с М.Д. Скобелевым. Казин всецело на стороне Скобелева: «Неприятные приключения, постоянное неумеренное пьянство г. Елдакова, его дерзкие выходки, грубые казачьи остроты поставили его в очень неприятное положение относительно начальника кавалерии, в то время еще полковника и флигель-адъютанта Михаила Дмитриевича Скобелева» (д. 405, л. 16 об.). Но далее приводятся конкретные примеры недоразумений, и каждый раз оказывается, что начальник кавалерии отдает приказы в обход командира полка его подчиненным. Собственно говоря, именно эту причину взаимного недовольства называет и Н.А. Симонов [12, с. 66], а затем повторяет и А.М. Белокрыс [6, с. 68]. Но доказательства есть только у преклонявшегося перед Скобелевым Казина.

В воспоминаниях Казина нередко проскальзывают такие замечания, которые могут показаться унижающими казачество, но на деле они лишь фиксируют обычные нравы. Вот как воспринята весть о предстоящем возвращении на родину в преддверии Кокандского похода:

Казалось нам странным и обидным идти домой в такое время, когда в воздухе пахло порохом, а вместе с тем мечта о чинах, орденах, усиленное содержание, полугодовые, годовые оклады жалованья не в зачет, для нас были уже недоступны, только в это время не берется в расчет, что можно быть раненым, убитым, эти последние соображения едва ли приходят кому-либо в голову из туркестанцев, лишь бы попасть в действующие войска, а там, что Бог даст! (д. 405, л. 9 об.).

А вот какие мысли появлялись при виде богатства противника:

Яркие и разноцветные цвета халатов и камзолов кокан[д]цев раззадоривали аппетит, как у казаков, так у солдат туркестанских войска, вызывая между ними остроты и желание поскорее завладеть этим добром, ввиду того, чтобы вернувшись на родину в свои станицы и поселки, похвалит[ь]ся своей добычей, большая часть которой немедленно пропивалась и недолго залеживалась в сундуках

при возвращении в родимые станицы и поселки, где долго еще чудится казаку сигнал, призывающий к готовому обеду и ужину с прекрасным свежим мясом, которого им на милой родине едва ли приходится есть в самые светлые и большие праздники, да и то далеко не всем! (д. 405, л. 13 об.).

Казин, разумеется, не видел ничего компрометирующего в корыстолюбивых и честолюбивых устремлениях сослуживцев. Характеризуя положение Сибирского казачьего войска и критически оценивая существовавшие в нем порядки, Казин обвиняет в этом «войсковое начальство того времени. Его небрежное отношение, невнимание, скупость, полная апатия при нарядах казаков в отряды» приводили к тому, что военачальники предпочитали «уральцев, оренбур[г]цев, семирееков». Мемуарист признает обоснованность многих обвинений:

Казаки приходили в отряды на с[к]верных, жалких водовозках, тогда как у нас в Сибири табуны коней необозримы! Огнестрельное оружие в плохом состоянии... Шашки, с едва отпущенным спуском лезвия, в видах экономических, изогнутое древко из родной сибирской березы, с болтающимся наконечником, укрепленным одним плохим гвоздем, громадный обоз, по обстановке более похожий на цыганский табор, все это вместе взятое, производило не только печальное, но удручающее впечатление на военных губернаторов Туркестанского края того времени и ... упрочило славу дурного, ненадежного воинства (д. 405, л. 24–24 об.).

Особо он останавливается на ошибочной, полной предрассудков кадровой политике.

Выбор командиров сотен, да и субалтерн-офицеров, при назначении в отряды на дальние пункты, большею частью падал на офицеров, произведенных из нижних чинов, сиречь «бурбонов»! Люди эти, не получившие никакого образования, усердные поклонники Бахуса, люди корыстолюбивые, нелюбимые и неуважаемые своими подчиненными... Армейские офицеры, вследствие престарелых предрассудков, принимались «да и теперь принимаются» весьма туго и с большим трудом. Выпущенные офицеры из корпусов считались «баричами и белоручками» (д. 405, л. 22 об.–23).

Но еще хуже «бурбонов» были выпускники Оренбургского юнкерского училища.

В него поступали «из писарей, вахмистров, отчасти и из бывших офицерских драбантов; вся эта непотенная публика получала кое-какое научное образование, но цивилизация не коснулась их крылом и снабжала войско людьми с теми же грубыми нравами, дикими взглядами на жизнь, так как переменалась только наружная оболочка, а душа оставалась та же, впрочем, она попорчивалась каким-то странным безверием! Бурбоны-то верили в Бога, не стыдились своего хамского происхождения, не чуждались своих родных, были почтительны не только с начальством, но с уважением относились к офицерам молодым и действительно образованным, державшим себя прилично званию офицера» (д. 405, л. 23–23 об.).

Престиж сибирских казаков – болезненная тема для Казина. Это не является особенностью его индивидуального мироощущения. «К этому времени в об-

щественном мнении господствовало представление о утрате казачеством прежних боевых качеств, низком уровне казачьих офицеров и вообще анахронизме этого вида войск» [14, с. 18]. Не случайно, восторгаясь Скобелевым, он указывал:

М.Д. Скобелев всегда относился к Сибирским казакам с полным сочувствием и видимо симпатизировал сибирякам, повсюду их брал с собою, что возбудило немало зависти у казаков Оренбургских, Уральских и Семиреченских. М.Д. Скобелев приучил нас не только хорошо рубить шашкой, переплывать большие реки, имея в то же время перестрелку с неприятелем, но и научил молодцами ходить на штурм крепостей, словом, только Ему, в то время только начинавшему распускать и расправлять крылья молодого орла! Будущего Героя и Славу Отечества! Не знавшего ни усталости, незнакомаго со страхом ни при какой опасности и вместе с тем действительно отечески заботливого начальника! Мир праху Твоему, герой, слава отчизны! И отец маленьких людей! Только благодаря Тебе упавшая слава и воинственный дух нашего Сибирского воинства воспрянул, Твоим геройским духом! И только благодаря Тебе и в России стали знать, что и в Сибири есть добрые молодцы и лихие казаки! Давно и давно бы следовало воздвигнуть в г. Омске и в Войсковом сквере памятник с Твоим изображением, на память и назидание новому поколению, и в знак того, что и Сибирские казаки знакомы с чувством благодарности!! (д. 405, л. 22–22 об.).

А.П. Казин был награжден боевыми орденами, получил чин сотника, вышел в отставку и умер в 1890 г. в возрасте 49 лет. Полученный им земельный участок его вдова пожертвовала на основанный ею женский монастырь [15, с. 319–320].

Воспоминания А.П. Казина – мемуары военного, казачьего офицера, в них, как это обычно и бывало у авторов данной социально-профессиональной группы, описаны главным образом военные действия, жизнь казачества, приведены характеристики сослуживцев и противников. Ценность рассматриваемых воспоминаний заключается не только в том, что они, как и всякие источники личного происхождения, дают возможность ощутить «живой колорит эпохи», но и в том, что они содержат множество новых деталей и оценок. Особый интерес представляют описание быта и нравов, приведенные оценки видных военных администраторов и строевых офицеров, рассказы о конкретных эпизодах из истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История казачества Азиатской России: в 3 т. / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 1995. Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. 252 с.
2. Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX в.: сб. док. / сост. Н.Е. Бекмаханова. М., 2000. 429 с.
3. Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска. Омск, 2004. Кн. 3: 1846–1861 гг. 397 с.
4. Зуев А.С. Казачество Азиатской России // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2. С. 8–13.
5. Кенесарин А. Султаны Кенесары и Сыздык. СПб., 1889. 133 с.

6. Белокрыс А.М. Семен Елгаштин – полковник из старой песни // Московский журнал: История государства Российского. 2008. № 4 (208). С. 64–71.

7. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1. 529 с.

8. Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб., 1868. 291 с.

9. Черняев М.Г. Султаны Кенисара и Садык // Русский вестник. 1889. № 8. С. 27–39.

10. Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. СПб., 1908. 67 с.

11. Симонов Н.А. Краткая история № 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка. Омск, 1893. 91 с.

12. Симонов Н.А. Очерк службы № 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка. М., 1901. 204 с.

13. Краткий исторический очерк 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1813–1913. М., 1915.

14. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Казачество в колонизационных процессах конца XIX – начала XX века // Tartaria Magna. 2011. № 1. С. 18–28.

15. Виниченко С.Н. Крестный путь игуменьи Евпраксии // Тобольск и вся Сибирь. Т. 14: Сибирское казачье войско. Тобольск, 2011. С.319-324.

REFERENCES

1. History of the Cossacks of Asiatic Russia: in 3 vols. / ed. V.V. Alekseev. Yekaterinburg, 1995. Vol. 2: Second Half of the XIX – early XX centuries, 252 p. (In Russ.)

2. Cossack Armies of Asiatic Russia in the XVIII – early XX centuries: Collected documents / comp. N.Ye. Bekmakhanov. Moscow, 2000, 429 p. (In Russ.)

3. Nedbai Yu.G. History of the Siberian Cossack Army. Omsk, 2004, Bk. 3 (1846–1861), 397 p. (In Russ.)

4. Zuev A.S. Cossacks of Asiatic Russia. *Istoricheskaya Enciklopediya Sibiri*. Novosibirsk, 2009, vol. 2, pp. 8–13. (In Russ.)

5. Kenisarin A. Sultans Kenesary and Syzdyk. St. Petersburg, 1889, 133 p. (In Russ.)

6. Belokryss A.M. Semyon Yelgashtin – a colonel from an old song. *Moscovskiy zhurnal: Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo*. 2008, N 4 (208), pp. 64–71. (In Russ.)

7. Terentyev M.A. History of Central Asia Conquest. St. Petersburg, 1906, vol. 1, 529 p. (In Russ.)

8. Romanovsky D.I. Notes on the Middle Asian Question. St. Petersburg, 1868, 291 p. (In Russ.)

9. Chernyaev M.G. Sultans Kenisara and Sadyk. *Russkiy Vestnik*. 1889, N 8, pp. 27–39. (In Russ.)

10. Katanaev G.Ye. A brief historical review of the Siberian Cossack Army service in 1582-1908. St. Petersburg, 1908, 67 p. (In Russ.)

11. Simonov N.A. A brief History of the 1st Siberian Cossack Regiment named after Yermak Timofeevich. Omsk, 1893, 91 p. (In Russ.)

12. Simonov N.A. An essay of the 1st Siberian Cossack Regiment named after Yermak Timofeevich service. Moscow, 1901, 204 p. (In Russ.)

13. A brief historical essay of the 1st Siberian Cadet Corps named after Alexander I. 1813–1913. Moscow, 1915. (In Russ.)

14. Remnev A.V., Suvorova N.G. Cossacks in colonization processes of the XIX – early XX centuries. *Tartaria Magna*. 2011, N 1, pp. 18–28. (In Russ.)

15. Vinichenko S.N. Way of the Cross Abbes Eupraxia. *Tobolsk i vsya Sibir*. Tobolsk, 2011, vol. 14, pp. 319–324. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 03.06.2015

DOI: 10.15372/HSS20150307

УДК 027.2

Е.А. БАЗЫЛЕВА

БИБЛИОТЕКА ТРОИЦКОСАВСКО-КЯХТИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПРИАМУРСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Елена Анатольевна Базылева, канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15,
e-mail: bazyleva_ea@mail.ru

Статья посвящена истории создания и функционирования библиотеки Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ТКО ПОИРГО) в дореволюционный период. Библиотека формировалась благодаря пожертвованиям от различных научных учреждений и частных лиц, в дальнейшем пополнение фонда происходило преимущественно за счет книгообмена, в меньшей степени путем покупки изданий. Дублетные издания стали основой обменного фонда, способствовавшего росту фонда библиотеки даже при отсутствии денежных средств. Библиотека ТКО ПОИРГО стала хранилищем краеведческих изданий, главным образом местной периодики. Отмечается ее роль в формировании научного и культурного потенциала региона и ее вклад в развитие отечественной книжной культуры.

Ключевые слова: библиотека, Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела ИРГО, Императорское Русское географическое общество, книжная культура.

E.A. BAZYLEVA

THE LIBRARY OF THE TROITSKOSAVSK-KYAKHTA SUBDIVISION OF THE PRIAMURYE BRANCH OF THE IMPERIAL RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

Elena A. Bazyleva,

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
State Public Scientific-Technological Library SB RAS
15 Voshod Str., Novosibirsk, 630200, Russia
e-mail: bazyleva_ea@mail.ru

The article is devoted to the history of creation and functioning of the library at the Troitskosavsk-Kyakhta Subdivision of the Priamurye Branch of the Imperial Russian Geographical Society (TKS PB IRGS) during the pre-revolutionary period. It considers establishment and development of the library's activities with reference to archival and clerical materials, taking into account the data from the scholarly works reflecting the scientific views of the past. Bibliological sources – printing production of the TKS PB IRGS - are analyzed.

The fundamental principles of historicism and scientific reliability, logical and statistical methods allowed reconstructing an overall picture of activities carried out by the library of TKS PB IRGS. The library was formed owing to the donations from different institutions, scientific organizations and individuals. Stocking of the library funds was mainly based on the book-exchange and donations, and to a lesser extent – on purchase of editions. Duplicate copies served as a basis for the book exchange which provided the library collection's growth despite the lack of funding.

The library of the TKS PB IRGS appeared to be the storage for publications of research into local lore, its holdings were substantially replenished with local periodicals presenting various information about the local history, which was eagerly sought by the staff of TKS PB IRGS for carrying out various research in the region. The author stresses the role played by the library of TKS PB IRGS in formation of the regional scientific and cultural potential and its contribution to the development of national book culture.

Key words: library, Troitskosavsk-Kyakhta Subdivision, Priamurye Branch of IRGS, Imperial Russian Geographical Society, book culture.

Деятельность Императорского Русского географического общества (ИРГО) в области библиотечно-го дела дореволюционной России и процесс создания целой системы библиотек ИРГО отражают закономерности развития всей страны. Освоение обширных территорий Российской империи как государственная задача того времени и одно из основных направлений деятельности ИРГО повлекло организацию целой сети филиалов общества. В свою очередь они создавали библиотеки, призванные оказывать поддержку местным исследователям в проведении научных изысканий. Таким образом, до 1917 г. помимо библиотеки центрального общества в Санкт-Петербурге были открыты библиотеки при всех 16 филиалах ИРГО.

Действовала библиотека и при Троицкосавско-Кяхтинском отделении Приамурского отдела ИРГО (ТКО ПОИРГО), организованном в 1894 г. Она начала функционировать одновременно с открытием отделения. Библиотека была образована благодаря пожертвованиям от различных учреждений, научных обществ и частных лиц. Особенно много ценных изданий поступило от Академии наук. Библиотека и музей располагались в ветхом, хотя и каменном здании, в 4 верстах от Кяхты; оно было пожертвовано отделению его почетным членом – купцом А.Д. Старцевым¹.

Библиотека ТКО ПОИРГО, практически не располагавшая никакими средствами, сформировала свой фонд благодаря книгообмену и поддержке со стороны различных научных учреждений как россий-

ских, так и зарубежных, жертвовавших свои издания. Такой способ комплектования фонда привел к тому, что в библиотеке оказалось много ценных изданий, библиографических редкостей, но отсутствовали труды по отдельным отраслям естествознания [1, с. 7].

К числу редких книг из фонда библиотеки относились издания на русском, немецком, французском и латинском языках, начиная с 1726 г. Среди них следует отметить сохранившиеся до наших дней: «Чертежную книгу земли Сибирской, составленную боярским сыном Семеном Ремезовым» (1731), сочинения М.В. Ломоносова (XVIII в.), «Путешествия по Северной части Сибири» (1806) Г.А. Сарычева [2, с. 26]. Основную часть фонда составляли «Труды», «Записки», «Известия» и другие периодические и продолжающиеся издания научных учреждений. Сочинения отдельных авторов, которых было значительно меньше, составляли особый отдел. Однако отсутствие алфавитного карточного каталога существенно усложняло выбор литературы абонентам библиотеки.

В 1897 г. ТКО ПОИРГО состояло в обмене с 89 учреждениями, из них в России находились 72, за границей – 17. Из отечественных изданий в библиотеку поступили: «Записки» Уральского общества любителей естествознания и Общества истории и древностей (Одесса); «Известия» Варшавского университета, Русского астрономического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (Москва), Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете; «Вестник» Русского общества пчеловодства и Российского общества садоводов (Санкт-Петербург); «Протоколы» Казан-

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 3. Д. 387. Л. 13–15 об.

ского экономического общества, Российского общества рыбоводства и рыболовства, Томского общества естествоиспытателей и врачей, обществ врачей Иркутской и Енисейской губерний; «Бюллетень» Московского общества испытателей природы; «Труды» Вольного экономического общества, Московского археологического общества, Антропологического общества при Военно-медицинской академии, Общества киевских врачей, Рязанской, Ярославской и Саратовской ученых архивных комиссий; «Отчеты» Общества сибирских охотников (Иркутск), Забайкальского отдела Общества разномыслия охотничьих и промысловых животных и правильной охоты (Чита), Забайкальского и Якутского областных статистических комитетов, Минусинского и Нерчинского музеев; «Ежегодник» Тобольского музея, а также газеты: «Амурская газета» (Благовещенск), «Байкал» (Троицкосавск), «Восточное обозрение» (Иркутск), «Дальний Восток» (Владивосток), «Енисей» (Енисейск), «Забайкальские областные ведомости» (Чита), «Приамурские ведомости» (Хабаровск), «Санкт-Петербургские ведомости», «Сибирский вестник» (Томск), «Сибирский листок» (Тобольск), «Урал» (Екатеринбург) и др. [1, с. 37–39].

В числе иностранных изданий в 1897 г. в библиотеке ТКО ПОИРГО имелись: «The Geographical Journal» из Королевского Географического общества (Лондон), «Bulletin international» – Академии наук (Краков), «Berichte» – Этнографического музея (Лейпциг), «The American Anthropologist» – Антропологического общества (Вашингтон) и др. [1, с. 39].

Рост фонда библиотеки побудил Распорядительный комитет избрать библиотекаря и поручить ему составление каталогов. В 1897 г. библиотекарем и одновременно консерватором музея стал Владислав Степанович Моллесон – натуралист, уездный учитель, преподававший математику и естествознание в Троицкосавском реальном училище и Троицкосавской женской гимназии (пробыл на должностях библиотекаря и консерватора до самой своей смерти в 1899 г.). Он занимался активной исследовательской работой в Забайкалье, стал одним из организаторов ТКО ПОИРГО, сыграл значительную роль в создании библиотеки и музея. Затем библиотекарем стал Б.О. Сорокин, однако в связи с его непредвиденным отъездом из города в 1906 г. эти обязанности временно исполнял правитель дел. В числе других должность библиотекаря и консерватора музея занимала жена В.С. Моллесона – Мария Ивановна – краевед, преподаватель Троицкосавской женской гимназии. Здесь уместно упомянуть, что дом в г. Кяхта, где жили исследователи края, организаторы и руководители ТКО ПОИРГО и Кяхтинского краеведческого музея – супруги В.С. и М.И. Моллесон, в настоящее время включен в список памятников истории и архитектуры Кяхтинского района Республики Бурятия.

Возвращаясь к работе библиотеки ТКО ПОИРГО, отметим, что В.С. Моллесон разобрал и привел в надлежащий порядок ее фонд, составил подробные каталоги. Поскольку большую часть фонда составляли периодические издания научных обществ, где, как из-

вестно, печатались работы по различным отраслям знания, то при составлении систематического и алфавитного карточных каталогов для более удобного пользования в них были отражены как отдельные сочинения, так и статьи [1, с. 5, 21].

Из 1850 дублетных изданий, а также из «Трудов» и «Протоколов» ТКО ПОИРГО В.С. Моллесоном был сформирован обменный фонд библиотеки. Благодаря этому в 1898 г. библиотека обменивалась с 98 научными учреждениями (77 отечественных и 21 зарубежное), а в 1907 г. их количество возросло до 132 (103 отечественных и 29 зарубежных) [3, с. 48]. Среди зарубежных организаций, с которыми производился обмен, были учреждения Вены, Нью-Йорка, Парижа, Праги.

На приобретение новой литературы средств отпускалось недостаточно. Так, в 1896 г. было выделено 74 руб. 88 коп., в 1898 г. – 55 руб. 10 коп., а в 1906 г. – только 20 руб. 95 коп. [3, с. 48]. Несмотря на это, на 1901 г. был выписан журнал «L'Anthropologie» [4, с. 4] («Антропология» – журнал Парижского антропологического общества, издается с 1890 г.).

В течение 1904 г. в библиотеку поступило 110 названий в 320 томах. На 1 января 1905 г. числилось 1613 названий в 4211 томах. В текущем году прислали свои издания Санкт-Петербургский политехнический институт, Томский технологический институт, сельскохозяйственный музей Нижегородского губернского земства, музей Бессарабского земства, Московский сельскохозяйственный институт, Naturhistorisches Institut в Берлине, Смитсоновский институт в Вашингтоне и др. Основными каналами поступления по-прежнему были обмен и пожертвования. В 1904 г. ТКО ПОИРГО обменивалось с 102 российскими обществами и 28 иностранными [5, с. 10].

В 1906 г. в связи с отъездом из города библиотекаря Б.О. Сорокина, положившего немало сил на приведение библиотеки в надлежащий порядок, эта работа была прервана. Уезжая из города, он принес в дар библиотеке много ценных медицинских сочинений и несколько классических анатомических атласов. Работа в библиотеке была возложена на правителя дел, которому помогал студент Восточного института В.А. Лиадзе, проводивший летние каникулы в Троицкосавске. Из-за недостатка времени им удалось лишь распределить книги с учетом их издания различными обществами, при этом отдельные сочинения (находившиеся в меньшинстве) были выделены в особый отдел. Благодаря изменению порядка расстановки книг, увеличению числа полок после расширения помещения библиотеки еще в 1905 г. пришлось составлять новые каталоги.

Важным источником комплектования фонда стал книгообмен. Так, с 1896 по 1907 г. фонд увеличился с 1032 названий (2022 тома) до 2480 названий (5500 томов). В среднем ежегодный прирост библиотечного фонда составлял 124 названия (316 томов) [3, с. 48].

В 1908 г. продолжалась работа по приведению фонда библиотеки ТКО ПОИРГО в надлежащий порядок. Однако сверена была только третья часть фонда, поэтому точное количество книг к тому времени еще

не удалось установить. В течение года в библиотеку поступило 168 названий книг и периодических изданий, из них пожертвовано авторами – 12 и различными лицами – 10, по взаимному обмену – 133, выписано на средства отделения 3 журнала с 4 бесплатными приложениями². Следует отметить, что в 1908 г. библиотека обменивалась со 107 научными учреждениями, из них 84 российских и 23 зарубежных³.

На собрании 31 января 1912 г. было представлено письмо профессора Б. Лауфера из Чикаго с благодарностью за высланные ему издания ТКО ПОИРГО. Со своей стороны он передал в отделение собственные работы, в том числе «Der Roman einer tibetischen Königin». Библиотекарь доложил о поступлении 24 работ (30 экземпляров) Б. Лауфера. Помимо этого библиотеке пожертвовали свои издания В.А. Обручев – «Золотый город», канцелярия Министерства торговли и промышленности – «Торговля и промышленность в Европейской России по районам» в 13 выпусках с картой [6, с. 3].

28 марта 1912 г. в библиотеку поступила полная на тот момент серия изданий Восточного института из Владивостока [7, с. 3]. В течение 1912 г. в библиотеку всего поступило 294 названия, из которых по взаимному обмену – 275, пожертвовано – 14, выписано – 3 журнала с 2 приложениями. В отчетном году в отделение высылала свои издания 139 учреждений (113 российских и 26 иностранных) [8, с. 86].

В 1912 г. ТКО ПОИРГО обратилось к приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти с просьбой разрешить открыть подписку по Сибири на сооружение нового здания для музея и библиотеки. Н.Л. Гондатти порекомендовал вместо подписки обратиться к меценатам и от себя лично пожертвовал на строительство будущего здания 500 руб.⁴ В этом же обращении сотрудниками ТКО ПОИРГО М.А. Королевым (председатель) и А.В. Барташевым (правитель дел) была дана оценка деятельности отделения. По их мнению, Троицкосавско-Кяхтинское отделение, находясь вдали от научных центров и располагая малым числом работников и небольшими денежными средствами, с настойчивостью и неутомимой энергией вот уже 17 лет проводит время в непрерывной научной работе и достигло значительных успехов, отмеченных и оцененных многими научными обществами как в России, так и за границей. Отделением было организовано несколько научных экспедиций, результаты которых опубликованы в его «Трудах», открыта библиотека и книжный склад, расширяющиеся с каждым годом свою деятельность, наконец, был открыт единственный в своем роде кяхтинско-монгольский музей, где представлен обширный научный материал, имеющий большое образовательное значение⁵.

В «Отчете» за 1913 г. отмечался недостаток «местных рабочих сил, которые пополнялись на окраине

весьма редко, и то лишь благодаря пришлому элементу», опровергались упреки в том, что на общих собраниях обсуждались вопросы, непосредственно не связанные с географией. Объяснялось это тем, что, в первых, ТКО ПОИРГО являлось единственным в городе научным обществом и поэтому его деятельность невольно должна выходить за пределы чисто географических интересов. Во-вторых, было важно, чтобы работа отделения не прерывалась, не ослабевала связь с местной общественностью, «чтобы этот маленький родничок знания не заглох, подчиняясь участи большинства провинциальных ученых обществ»⁶. Именно поэтому была так значима деятельность библиотеки и книжного склада, функционировавшего при ней.

Книжный склад достаточно успешно распространял книги среди населения, а доходы от продаж получало ТКО ПОИРГО. Так, в течение 1904 г. было продано книг на сумму 2453 руб. 32 коп. [5, с. 4]. В начале 1906 г. член ТКО ПОИРГО профессор Санкт-Петербургского университета, монголовед и фольклорист А.Д. Руднев пожертвовал 50 экз. своих «Лекций по грамматике монгольского письменного языка, читанных в 1903–1904 академическом году. Вып. 1» (СПб., 1905) для продажи в пользу Отделения по цене 2 руб. каждый. Лекции А.Д. Руднева реализовывались через книжный склад при библиотеке ТКО ПОИРГО и уже 11 мая 1906 г. на Общем собрании было отмечено, что большинство экземпляров распродано [9, с. 30, 63].

Необходимо указать, что действовала специальная комиссия по делам книжного склада, в которую в 1913 г. входили: заведующая торговлей склада Ф.С. Матренинская, В.В. Мягков и А.Н. Орлова⁷. На 1 июня 1913 г. имущество склада оценивалось в 7315 руб. 88 коп.⁸

Возвращаясь к комплектованию фондов, отметим, что в 1913 г. библиотека отделения пополнилась 661 экз. книг и периодических изданий, из них 431 – на русском языке и 230 – на иностранных. Издания поступали по следующим каналам: пожертвовано авторами и различными лицами – 116, по взаимному обмену – 539, выписано на средства отделения 4 журнала с 2 бесплатными приложениями (согласно кассовому отчету на выписку было потрачено 25 руб. 63 коп.). Среди авторов, пожертвовавших свои труды в библиотеку: профессора Ю.Д. Талько-Грынцевич и В.Л. Котвич, А.П. Болобан, А.З. Носов, Е.И. Омельченко; кроме того, были получены книги в дар от А.В. Барташева – 73 экз., священника И.Н. Серышева – 5 экз. и др. В отчетном году библиотека состояла в обмене с 155 учреждениями (129 – в России, 26 – за границей)⁹. Среди отечественных: Воронежский сельскохозяйственный и Московский коммерческий институты, Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии, Севастопольская биологическая станция Академии наук,

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 225. Л. 199 об.–200.

³ Там же. Л. 200.

⁴ Там же. Д. 387. Л. 13–15 об.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Там же. Д. 209. Л. 31.

⁷ Там же. Л. 29.

⁸ Там же. Л. 37.

⁹ Там же. Л. 36–37, 40.

Якутский и Иркутский отделы Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, Киевское орнитологическое общество, Маньчжурское сельскохозяйственное общество, Тифлисское общество любителей природы, Сухумская садовая и сельскохозяйственная опытная станция, ИРГО и его филиалы и др.¹⁰

В течение 1914 г. в библиотеку поступило 749 экз. книг и периодических изданий, из них на русском языке – 532, иностранных – 185, международном языке эсперанто – 32. Источники поступления были следующие: пожертвовано – 74 экз., взаимобмен – 658, выписано – 17 экз. (три журнала). Пожертвовали свои сочинения И.В. Палибин, В.Ч. Дорогостайский, профессора Н.Ф. Кашенко, В.А. Обручев, А.Д. Руднев, В.Л. Котвич, П.Н. Крылов, М.А. Усов, священник И.Н. Серышев, профессор Б. Лауфер (из Чикаго) и др. В 1914 г. библиотека ТКООИРГО состояла в обмене с 172 учреждениями, из них в России – 146, за границей – 26. На выписку журналов было потрачено 20 руб.¹¹ В настоящее время библиотека ТКООИРГО принадлежит Кяхтинскому краеведческому музею имени академика В.А. Обручева и является самым крупным хранилищем книг XVII–XX вв. в крае.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что библиотека ТКООИРГО функционировала благодаря поддержке местных ученых-энтузиастов и широких кругов общественности. Комплектование ее фонда происходило за счет книгообмена и пожертвований, в меньшей степени благодаря покупке изданий. Книгообменные контакты играли большую роль в пополнении библиотеки, способствуя приобретению периодических и продолжающихся изданий, как русских, так и иностранных, составлявших основную часть фонда. Положительную роль в комплектовании библиотеки сыграл обменный фонд. Наличие определенного числа дублетных изданий, росту которых способствовали случайные пожертвования частных лиц и учреждений, давало дополнительные возможности для роста фонда даже при отсутствии денежных средств. Однако такие случайные пожертвования имели и отрицательные моменты – пополнение различных отделов в библиотеке было неравномерным, а подбор книг не был системным.

Библиотека ТКООИРГО стала хранилищем краеведческих изданий, так как при комплектовании ее фонда делался акцент на местную периодику, публиковавшую сведения по географии, истории, этнографии и статистике региона, столь необходимые сотрудникам ТКООИРГО для проведения научных исследований в крае. Однако в целом библиотека ТКООИРГО, впрочем, как и других провинциальных филиалов Географического общества, созданная для содействия развитию науки и культуры, в значительной степени не решала поставленных перед ней задач, что было связано с недостатком финансирования, удаленностью от центра, отсутствием возможности целена-

правленно и систематически пополнять свой фонд новейшей литературой.

К сожалению, в библиотеке ТКООИРГО не велся систематический учет основных показателей ее работы – книговыдачи и посещаемости. Имеющиеся же в настоящий момент сведения носят отрывочный характер, что не позволяет дать исчерпывающую характеристику уровня работы библиотеки и проследить динамику посещаемости. Однако даже по имеющимся данным можно судить о том, что уровень читательской аудитории был довольно высоким. Читатели библиотеки ТКООИРГО были достаточно образованными, имели ученую степень либо оконченное или неоконченное высшее образование, владели иностранными языками, а книгу рассматривали как способ приобретения систематических знаний, повышения своего научного и профессионального уровня.

В заключение следует отметить, что в дореволюционный период библиотека ТКООИРГО внесла определенный вклад в развитие отечественной книжной культуры, стала очагом накопления духовных ценностей, своего рода проводником научных знаний и сыграла существенную роль в освещении результатов деятельности ИРГО как в научных кругах, так и среди широких слоев российской и зарубежной общественности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткий обзор деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за первый период его существования 1894–1897 гг. и Отчет за 1897 г. М., 1898. 39 с.
2. Тузутов Р.Ф., Орлова А.Н. Старейший музей Забайкалья. Улан-Удэ, 1956. 44 с.
3. Полищук Ф.М. Библиотеки Забайкалья во второй половине XIX в. // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1993. С. 36–50.
4. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1902. Т. 4, вып. 1. 97 с.
5. Отчет о деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1904 г. Хабаровск, 1905. 24 с.
6. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. СПб., 1913. Т. 15, вып. 2. 84 с.
7. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. СПб., 1912. Т. 14, вып. 1–2. 99 с.
8. Отчет о деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1912 г. // Тр. Троицкосавско-Кяхт. отд-ния Приамур. отд. Императ. Рус. геогр. о-ва. СПб., 1914. Т. 15, вып. 3. С. 79–103.
9. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. СПб., 1908. Т. 9, вып. 1. 87 с.

REFERENCES

1. A brief review of the Troitsk-Savsk-Kyakhtin Division of the Priamur Branch of the Imperial Russian Geographical Society activity for the first period of its existence in 1894–1897, and the Report for 1897. Moscow, 1898, 39 p. (In Russ.)

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 209. Л. 36–37.

¹¹ Там же. Д. 491. Л. 303–303 об., 307.

2. *Tugutov R.F., Orlova A.N.* The oldest museum of Transbaikalia. Ulan-Ude, 1956, 44 p. (In Russ.)

3. *Polishchuk F.M.* Libraries of Transbaikalia at the second half of the XIX century. *Izдание i rasprostranenie knigi v Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. Novosibirsk, 1993, pp. 36–50. (In Russ.)

4. Research papers of the Troitsk-Savsk-Kyakhtin Division of the Priamur Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Irkutsk, 1902, vol. 4, iss. 1, 97 p. (In Russ.)

5. The activity report of the Troitsk-Savsk-Kyakhtin Division of the Priamur Branch of the Imperial Russian Geographical Society for 1904. Khabarovsk, 1905, 24 p. (In Russ.)

6. Research papers of the Troitsk-Savsk-Kyakhtin Division of the Priamur Branch of the Imperial Russian Geographical Society. St. Petersburg, 1913, vol. 15, iss. 2, 84 p. (In Russ.)

7. Research papers of the Troitsk-Savsk-Kyakhtin Division of the Priamur Branch of the Imperial Russian Geographical Society. St. Petersburg, 1912, vol. 14, iss. 1/2, 99 p. (In Russ.)

8. The activity report of the Troitsk-Savsk-Kyakhtin Division of the Priamur Branch of the Imperial Russian Geographical Society for 1912. *Tr. Troitskosavsko-Kyakht. otd-niya Priamur. otd. Imperat. Rus. geogr. o-va*. St. Petersburg, 1914, vol. 15, iss. 3, pp. 79–103. (In Russ.)

9. Research papers of the Troitsk-Savsk-Kyakhtin Division of the Priamur Branch of the Imperial Russian Geographical Society. St. Petersburg, 1908, vol. 9, iss. 1, 87 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 21.04.2015

DOI: 10.15372/HSS20150308

УДК 94(47+571).073

Е.Н. ТУМАНИК

ПИСЬМА ВАСИЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА МУРАВЬЕВА К Н.Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ ИЗ СИБИРИ ЗА 1848 г.*

Екатерина Николаевна Туманик, канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: kattum@mail.ru

Статья-публикация посвящена биографии молодого сподвижника генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского – Василия Михайловича Муравьева. В научный оборот вводится комплекс писем В.М. Муравьева из Сибири за 1848 г. – важный источник по истории сибирского управления и истории движения декабристов, в частности, в них содержатся материалы к биографии И.Д. Якушкина. На примере В.М. Муравьева выделяются черты к собирательному портрету молодежи николаевской эпохи, подчеркивается ее нравственная связь с поколением отцов-декабристов, ставится вопрос об идейной преемственности. Освещаются некоторые аспекты семейного воспитания клана Муравьевых–Якушкиных–Шереметевых, подчеркивается моральный авторитет и направляющая роль в нем бабушки Н.Н. Шереметевой.

Ключевые слова: эпистолярка, декабристы, Сибирь, администрация, Н.Н. Муравьев-Амурский, историческая биография, персональная история.

E.N. TUMANIK

LETTERS OF VASILY MIKHAILOVICH MURAVIEV TO N.N. SHEREMETVA FROM SIBERIA, 1848

Ekaterina N. Tumanik,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: kattum@mail.ru

The article deals with the biography of Vasily Mikhailovich Muraviev, a young associate of N.N. Muraviev-Amursky, the governor-general of Eastern Siberia. Vasily Mikhailovich Muraviev (1824–1849) was related by family ties to the Decembrists. He was the third son of Count

*Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-219.2014.6.

M.N. Muraviev-Vilensky and belonged to the most progressive minded young men of his time in terms of his moral qualities, education, career and political views. The article introduces for scientific use V.M. Muraviev's letters written in Siberia in 1848, which are an important source on the history of Siberian administration and the Decembrists. In particular, these letters contain biographical material about I.D. Yakushkin. The author reveals main traits of the collective portrait of youth from the era of Nicholas I as exemplified by Vasily Muraviev. The author focuses on moral and ideological relations between the younger generation and their fathers- fathers-Decembrists raising the question of ideological continuity. This approach is relevant from a perspective of historical concepts dealing with «lesser characters». Vasily Muraviev was no different from the young Decembrists except for the two basic things: he didn't have a conspiratorial mind while being a man of strong Christian beliefs. In his social environment he found conditions for implementation of his social, corporate and civil-political ideas. The author highlights some aspects of his upbringing by the family clan of Muravievs-Yakushkins-Sheremetevs, who highly respected and even worshiped their family's Decembrist past. Grandmother N.N. Sheremeteva, one of the outstanding women of her time, had great moral authority and directed up-bringing of her grandchildren, and this gives a direct link to women's history. It is concluded that glorification of the Decembrist factor was a serious component of V.M. Muraviev's worldview and noble corporate consciousness typical of other young members of his kinship circle.

Key words: epistolary heritage, Decembrists, Siberia, administration, N.N. Muraviev-Amursky, historical biography, personal history

Василий Михайлович Муравьев (1824–1849), третий сын графа М.Н. Муравьева-Вилenskого, принадлежал к числу передовых молодых людей своей эпохи по морально-нравственным качествам, образованию, карьере и политическим убеждениям. Выходец из декабристского родственного круга, он был воспитан в соответствии с семейными ценностями. Василий был связан с декабристами по отцовской и материнской линиям, декабрист И.Д. Якушкин был его дядей. Особое влияние на молодежь семейного клана Муравьевых–Шереметевых–Якушкиных оказывала бабушка Надежда Николаевна Шереметева (1775–1850), выдающаяся женщина своего времени. Ее личность представляет самостоятельный интерес для изучения истории женщин России. К ней адресованы четыре публикуемых ниже письма В. Муравьева из Сибири¹. Н.Н. Шереметева отличалась искренностью, простотой в обращении, деятельным характером. Она горячо любила внуков и принимала живое участие в их судьбе, но к Василию была привязана особо. Он также питал к бабушке почтение и любовь. Сохранилось более 30 посланий В.М. Муравьева к Н.Н. Шереметевой за 1843–1848 гг. – с Кавказа, из Курска, Риги, Иркутска.

Декабристы уделяли большое внимание подрастающему поколению. В детях они хотели видеть идеал «слуги Отечества», сформированный в том числе и на переоценках собственного пути в тайном обществе. Личность Василия Муравьева, прожившего короткую, но яркую жизнь, выковывалась совершенно сознательно. Это яркий пример декабристского воспитания. Среди выявленных отзывов о В. Муравьеве нет ни одного отрицательного. Личность В.М. Муравьева ярко рисуют его письма. Это преданный присяге молодой офицер, не шадящий жизни в военных походах в период службы на Кавказе, мужественный, храбрый и стойкий духом. Он вступил в военную службу около 1843 г. и оставался на передовой до середины ноября 1846 г. Во время летней кампании 1845 г. Василию исполнился 21 год: «...Было время ...что следующий день не считал более своим... Где-то я в день своего рождения? ...В таких местах, в которых у нас в отряде 9 июня положено было человек 100 солдат!»²

С Кавказа В.М. Муравьев был переведен в Ригу адъютантом к генерал-губернатору графу Е.А. Головину. Не снимая военного мундира, он попробовал свои силы на административном поприще. В первые дни 1848 г. ротмистр

В. Муравьев по личному желанию был назначен адъютантом к генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву. В начале февраля он уже выехал из Москвы к новому месту службы. Н.Н. Шереметева собирала в своем архиве отзывы «о Васе от его начальников». Она сохранила отрывок из послания Е.А. Головина к М.Н. Муравьеву: «...Я не без сожаления расстаюсь с вашим сыном, которого хорошие качества подают много надежд, он будет весьма полезен для службы и способен к исполнению обязанностей, требующих деятельности рассудка и основательного постоянства... Я поздравляю Ни[колая] Ни[колаевича] с таким адъютантом...»³.

По пути в Иркутск В.М. Муравьев навестил в Ялуторовске И.Д. Якушкина и оставил в письме от 15 апреля 1848 г. сильное и трогательное описание этой встречи, состоявшейся в начале марта⁴. Отличительной чертой воспитания Василия было его безусловное уважение и пиетет к декабристскому прошлому своей семьи, что ярко проявилось в отношении к дяде-декабристу, а также в общении с Д.И. Завалишиным, человеком непростого характера. Правоммерно сделать вывод, что глорификация декабристского фактора была серьезнейшей компонентой формирования мировоззрения и дворянского корпоративного сознания В.М. Муравьева. Безусловно, это было свойственно всей молодежи родственного круга Муравьевых–Шереметевых–Якушкиных и в этом проявилось огромное влияние бабушки Н.Н. Шереметевой, под духовным авторитетом которой жил семейный клан.

Н.П. Матханова назвала Василия в числе «молодых, образованных и проникнутых идейными устремлениями» приезжих чиновников, входивших в «ближайшее окружение Муравьева в первые годы его генерал-губернаторства» [1, с. 127; 2, с. 148]. Это был лучший адъютант в свите генерал-губернатора в 1848 г. Опора на таких помощников помогла Н.Н. Муравьеву войти в должность, крепко взять в руки управление краем и определиться с направлением политики. В. Муравьев представлял собой классический образ «человека второго плана в истории», у которого были все перспективы со временем выйти на первые роли (см., например: [3]).

Сибирские письма В.М. Муравьева отражают деятельный и напряженный ритм, которым жила администрация Н.Н. Муравьева. Уже 25 марта Василий был командирован на десять дней в Кяхту «на китайскую границу» для исследования торговли⁵ [2, с. 126]. Вторую поездку в Забайкалье

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). 349.34.13. Л. 56–63 об.

² Там же. Л. 15–15 об., 16 об.

³ Там же. 340.35.12. Л. 49–49 об.

⁴ Там же. 340.34.13. Л. 59–59 об.

⁵ Там же. Л. 56, 58.

он совершил в свите генерал-губернатора, в Иркутск возвратился в середине сентября. Преданный своему начальнику, В.М. Муравьев оставил в письмах несколько отзывов как о нем, так и о начале его управления. Его оценки представляются типичными для молодого окружения Н.Н. Муравьева. Но вот как отзывался сам генерал-губернатор о своем адъютанте (письмо к Н.Н. Шереметевой от 23 июня 1848 г.): «...Он славный помощник и славный человек»⁶. И другие свидетельства из подшивки Шереметевой: «Николай Нико[лаевич] благодарит за Васю очень, говорит, что это не адъютант, а клад для него, что он и не предполагал в нем найти столько знания по службе, ...не говоря о прочих достоинствах. ...Он очень деловой молодой человек, он же во все это время один при генерале. <...> Николай Нико[лаевич] пишет, что ...всякое письмо следует мне начать благодарностью за вашего сына. Такого благонамеренного, трудолюбивого, усердного и делового адъютанта я никогда не могу иметь»⁷.

Искренность, скромность, компетентность и доброжелательность позволяли В.М. Муравьеву успешно решать многие сопряженные с адъютантской службой конфликтные вопросы, к примеру, в отношениях с декабристом Д.И. Завалишиным, который также оставил хороший отзыв о молодом Муравьеве, с искусством дипломата организовавшем его первую встречу с новым генерал-губернатором [4, с. 503–504]. Тот же Д.И. Завалишин донес до нас преданность делу и добросовестность В. Муравьева. Их вторая встреча в Чите произошла в начале сентября 1848 г. при возвращении Василия из Забайкалья. Д.И. Завалишин свидетельствовал, что В. Муравьев не мог прийти к нему лично, был «очень болен и не в состоянии одеться, ...это было начало его предсмертной болезни!» Тем не менее он настоятельно хотел поделиться своими переживаниями о службе – даже в столь серьезном положении обязанности были для него на первом месте [4, с. 512–513]. 11 апреля 1849 г., будучи «опять сильно болен», он писал своим родным, что «ему гораздо лучше» и он «собирается в Камчатку». Через два дня В.М. Муравьева не стало...⁸

Определяющим штрихом к портрету Василия Муравьева является глубокая вера, и это формирует его моральный облик в первую очередь. В Иркутске он нашел духовника «необыкновенного ума и отлично хороших свойств», имевшего, пожалуй, наилучшую возможность узнать душу молодого человека, который «любил его беседу»⁹. 29 октября 1849 г. мать В. Муравьева Пелагея Васильевна писала

Н.Н. Шереметевой: «Посылаю Вам описание погребения Васи и Слово, говоренное его духовником, которое всякий раз, что читаю, лишь более и более трогает...»¹⁰. Кончина Василия произвела на всех ошеломляющее впечатление. 22 мая 1849 г. П.В. Муравьева сообщала брату А.В. Шереметеву: «Знаю, сколько тебя огорчит его смерть ...мочи нет как жаль, славный был человек, ...все мы плачем, крепко всякий его пожалеет. Приготовь матушку, ее сильно поразит, она его так любила... ...Нико[лай] Ни[колаевич]... в отчаянии»¹¹. Сам Н.Н. Муравьев назвал смерть Василия «жестоким горем», признаваясь, что они с женой «любили его как сына»: «...Сердце невольно страдает, и мы долго не утешимся от этой потери» (цит. по: [1, с. 236]).

Образ В.М. Муравьева, думается, во многом типичный для 1840-х гг., несколько не вписывается в представления о молодежи того времени, связанные с «печоринским» стереотипом «лишнего человека». По сути, В. Муравьев ничем не отличается от молодого декабриста, кроме двух основных вещей: в нем отсутствует конспиративность сознания, а также у него крепкие христианские убеждения. В окружающем социуме и государстве он находит вполне отвечающие своим потребностям условия для реализации общественных, корпоративных и гражданско-политических запросов. У него нет противоречий с властью, и он, не вступая в конфликт, находит полные возможности для воплощения своих способностей и интересов на поприще государственной службы. Можно ли сделать вывод о том, что николаевская эпоха (в отличие от предшествовавшей ей либеральной александровской) способствовала формированию таких личностей, предоставляла им свободу выбора и давала прекрасные возможности для самореализации на ниве официальной общественно полезной деятельности, что именно такие молодые люди, как Василий Муравьев, были востребованы временем?

Письма В.М. Муравьева из Иркутска освещают начальный период генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева, становления его политики и являются важным источником как вышедшие из-под пера его адъютанта. Неоценимо содержание писем для декабристологии – это не только страничка к биографии И.Д. Якушкина, но живая иллюстрация развития декабризма после восстания. Все послания написаны разборчиво, практически без помарок. Общепринятые сокращения даны по тексту источника, авторские обороты речи не изменены.

1.

Г. Иркутск. 24 марта 1848 года

Уже прошло полтора месяца, любезная бабушка, как, посадив Вас на В[о]здвиженке в повозку, я отправился отсчитывать 5 т[ыс]. верст, и прошла уже одна почта во время нашего пребывания в Иркутске, а я не писал Вам еще ни строчки, но, зная Ваше снисхождение, я уверен, что Вы примите в оправдание наше быстрое путешествие и решительный недостаток времени на месте, не скажу, что и теперь имею его много, но, отправляясь завтра на китайскую границу и зная Ваше участие во мне, я, во что бы то ни стало, выкрал минутку, чтоб изве-

⁶ Там же. 340.34.14. Л. 63 об.

⁷ Там же. 340.35.12. Л. 50, 52.

⁸ Там же. Л. 17.

⁹ Там же. 340.34.14. Л. 41 об.

¹⁰ Там же. Л. 41–42.

¹¹ Там же. 340.35.12. Л. 17–17 об.

стить Вас о себе и оправдаться в поступке, за который меня могут обвинить, а именно, неисполнение обещания в отношении Катерины Федоровны¹², но вот почему я оказался виноват перед нею:

Перед Казанью Николай Николаевич¹³ нагнал меня и, вместо того, чтобы ехать перед ним сутками, я должен был сопутствовать; приехав в Тюмень, откуда мне следовало бы повернуть на Тобольск, и, будучи от Ялуторовска за 80 верст, я счел за грех не повидаться с Иваном Дмитриевичем¹⁴ и, несмотря на приказание генерала ехать прямо в Тобольск и на то, что к 300 верстам через эту поездку я прибавлял еще 160 верст крюку, я все-таки поехал в Ялуторовск; (об свидании с Ива[ном] Дмитр[иевичем] в другой раз постараюсь написать подробнее, теперь же нахожу это неудобным) но так как генерал через три часа должен был отправляться дальше, а мне, чтобы иметь возможность нагнать его, следовало, не мешкая ни минуты, садиться в повозку и продолжать путешествие, не сказавши ни слова Ивану Дмитриевичу, то, видя его желание побыть со мной несколько времени и имея его сам, наконец, увидев надпись на конверте Катер[ины] Федор[овны], что я везу всего 900 руб. и рассчитав, что эта сумма не стоит таких жертв, и что мое явление в Тобольске не может никому доставить особенного удовольствия, я решил последовать совету Николая Николаевича и исполнить свое и Ивана Дмитри[евича] желание, чтоб те 12 часов, которые мне Н[иколай] Н[иколаевич] давал, провести в Ялуторовске, а не на дороге, ибо в Тобольске ни в каком случае более получасу я не мог бы пробыть и, таким образом, оказался виноват перед Кат[ериной] Фед[оровной], но по совести и сердцу считаю себя правым и думаю, что Вы, любезная бабушка, того же мнения и постараетесь оправдать меня перед Катериной Федоровной, чем весьма меня обяжете; поручение же ее я передам Бибикову¹⁵, который сам будет в Тобольске и выполнит его как нельзя лучше. Но истинно виноват я только перед Вами, забыв отдать Ивану Дмитриевичу калоши, за[вт]ра же отправляю их по почте. [О с]ебе скажу, что путешествие совершил благополучно и весьма приятно, благодаря вниманию Ни[колая] Ни[колаевича] и Кат[ерины] Ник[олаевны]¹⁶; поручение Ваше исполнил здесь и теперь, оправившись от дороги, пускаюсь снова в путь посмотреть на китайцев, хотя и не рассчитывал так скоро иметь это удовольствие, но обстоятельства такого рода, что мешкать не следует, и я не в претензии.

Прощайте, любезная бабушка, целую Ваши и тетушкины ручки, дядю, братьев и сестер обнимаю. Марье Яковлевне и Якову Игнатьевичу¹⁷ мое почтение и в ожидании Ваших писем остаюсь Ваш многолюбящий внук

В. Мурав[ьев]

Не раньше как через месяц, т[аким] о[бразом], вернувшись из Кяхты, буду иметь удовольствие писать Вам, любезная бабушка.

НИОР РГБ. 349.34.13. Л. 56–57 об.

2.

Г. Иркутск. 15-го апреля 1848-го года

Христос воскрес! Любезная бабушка, поздравляю Вас с праздником, к которому я постарался вернуться в Иркутск, дабы его здесь встретить и провести, а также ответить на Страстной, почему поездку свою (об ней я Вам уже писал в последнем письме) совершил в десять дней, но, несмотря на краткость времени, исполнил порядочно, и Николай Николаевич остался, кажется, доволен. Два письма Ваши, любезная бабушка, я только что получил и благодарю за память Вашу, по ним-то я увидел, что заехал очень далеко от России (письма Ваши от 25-го февраля получил я 12-го апреля), но если бы не медленность в почте, то, право, нельзя заметить, что 6 000 верст отделяют ото всего родного, впрочем, и это горе вознаграждается Николаем Николаевичем, которого чем больше знаешь, тем больше начинаешь его любить и уважать, и привязываешься всею душою; и янисколько не удивлюсь, если это возрастет до такой степени, что я буду дорожить службою при нем так, что не захочу выехать из Сибири раньше его. Давно желал я встретить такого человека, но, не имевши в том удачи, потерял было и надежду. Богу угодно было навести меня на Николая Николаевича, и в нем нашел я такого начальника, с которым службу можно считать за великое счастье. В первом письме моем к Вам, любезная бабушка, я забыл, кажется, попросить извинение, что не вполне исполнил Ваши поручения, не передал Ивану Дмитриевичу калоши, которые только отсюда отправил, и то недавно; чтоб заслужить Ваше прощение, скажу об жите-бытье Ивана Дмитриевича. Приехавши в Ялуторовск, генерал послал за ним, и когда он вошел в комнату, то мы стояли молча несколько минут друг перед другом, он узнавал меня, и я его по портрету, но признат[ь]ся не решались. Ив[ан] Дм[итриевич] обнял меня первый, и с той же минуты мы считали себя уже как бы давно знакомыми. Несколько часов, которые мне можно было уделить ему, мы про-

¹² Е.Ф. Муравьева – мать декабристов Н.М. и А.М. Муравьевых.

¹³ Здесь и далее: Николай Николаевич – Н.Н. Муравьев-Амурский.

¹⁴ И.Д. Якушкин.

¹⁵ А.И. Бибиков – чиновник особых поручений при Н.Н. Муравьеве.

¹⁶ Е.Н. Муравьева – супруга Н.Н. Муравьева.

¹⁷ Домашние Н.Н. Шереметевой.

говорили об родных, в особенности же об Вас, любезная бабушка, и детях, и тут-то я вполне оценил эту прекрасную душу, но для полноты этой оценки надо видеть, впрочем, и жилище его, а также и школу, и тогда всякому нетрудно убедиться в высокой добродетели и редких качествах этого человека. Сознаюсь, что время пребывания моего в Ялуторовске было весьма приятно, и тут я увидел, что все похвалы, слышанные мною об Ив[ане] Дми[триевиче] слишком слабы, чтобы по ним можно было верно заключить об его достоинствах. Положением своим он доволен и так привык к нему, что не предполагает возможности перемены его. Ивана Дмит[риевича] беспокоит только то, что он слишком много проживает денег (!) и через это отнимает у своих родных, при этом я не мог с сокрушенным сердцем н[е] подумать о детях, которые слишком много тратят на свои прихоти, между тем, как могли бы очень легко увеличить содержание своего отца, весьма незначительное, что я мог легко видеть из образа его жизни.

Прощайте, любезная бабушка, целую Ваши ручки и прошу Вас передать мое поздравление дяде, тетушке, братья[м] и сестрам, а также Якову Игнатьевичу и Марфе Яковлевне. За тем остаюсь Ваш многолюбящий внук

В. Муравь[ев]

Николай Николаевич и Катерина Николаевна поручили мне благодарить Вас за память и передать их поздравление.

НИОР РГБ. 349.34.13. Л. 58–59 об.

3.

Г. Иркутск. 14-го июня 1848

Благодарю Вас, любезная бабушка, за письмо Ваше от 8-го мая, которое я имел удовольствие получить вчера. Об кончине Катерины Федоровны я уже был извещен Каролиною Карловною Козминой¹⁸ и сердечно пожалел, конечно, не о покойнице, ей там будет лучше, но об оставшихся сиротах, и их, вероятно, немало повсюду. Внучка же лучшего мужа, кажется, не могла бы и найти, сколько я знаю Михайла Бибикова, он прекрасный молодой человек во всех отношениях и, вероятно, составит счастье своей будущей супруги, дай Боже им всего доброго¹⁹. Маменька пишет, что Ил[ларий] Михай[лович]²⁰, ожидая сына, старался приискать ему место столоначальника и маленькую квартирку в три комнаты, теперь, вероятно, ни того, ни другого не нужно, а также не нужно будет места при Николае Николаевиче, которое он просил во время проезда нашего через Омск, а потом и письменно, и по приказанию Ник[олая] Ник[олаевича] я отвечал ему, что может рассчитывать, и в скором бы времени было бы сделано представление об этом; что холостому хорошо, то женатому не совсем, в настоящее время, надо полагать, не хочет с женою забираться в такую даль.

Благодарение Богу, что большие ощеринские выздоравливают, теперь по времени года и не к стати хворать²¹. Я же в Иркутске существую как нельзя лучше, и никогда мне так хорошо не было, это истинное мое счастье, что мне удалось попасть под начальство такого человека как Николай Николаевич, все мы, т.е. приехавшие с ним, от него в восторге, зато здешние чиновники с нечистою совестью не очень-то его возлюбили, они никогда и не воображали, что может стрястись такая беда над ихними головами, и было уже время, а то они уже дошли до такой наглости, что и поверить трудно. Много работает Ник[олай] Никол[аевич], да и впредь еще трудов предстоит немало, но с его способностями, желанием добра и рвением все пойдет хорошо, лишь бы хватило силы и здоровья, а народ уже стал чувствовать благодетельную перемену, и везде благословляют имя нового генерал-губернатора. Из маменькиных писем я заключаю, что в России болезнь на женитьбы: Скрипицын и Булыгин²² своею женитьбою крайне удивляют нас всех, кто бы мог ожидать от них такой решимости, и это другому ничему приписать нельзя, как болезни, которая, благодаря Бога, у нас не свирепствует, и я не рискую заразит[ь]ся ею.

Прощайте, любезная бабушка, целую Ваши и тетушкины ручки, братьев и сестер обнимаю, а Вам передаю еще поклоны от Н[иколая] Николаевича и Катерины Николаевны, а также Левашова²³, который недавно приехал в Иркутск, затем, еще раз поцеловавши Ваши ручки, остаюсь Вас многолюбящий внук

В. Муравь[ев]

НИОР РГБ. 349.34.13. Л. 60–61 об.

¹⁸ К.К. Кузьмина (Коз[ь]мина) – гувернантка дочери декабриста Н.М. Муравьева Софьи.

¹⁹ М.И. Бибилов – жених С.Н. Муравьевой, далее идет речь об определении его на службу.

²⁰ И.М. Бибилов – калужский и саратовский губернатор, отец А. и М. Бибиловых.

²¹ Возможно, речь идет об Ощерино – части имения Орловой гр. Орловой, проданной в казну и переданной Константиновскому межевому институту, которым управлял М.Н. Муравьев. В Ощерино могли проживать его воспитанники.

²² Приятели В. Муравьева.

²³ По всей видимости, Н.В. Левашов.

4.

Г. Иркутск. 12-го сентября [1848]

Поздравляю Вас, любезная бабушка, с наступающим днем Вашего ангела и рождения, а также и с другими именинницами, которых 17 сентября у Вас будет не одна, и желаю от всего сердца как этот день, так и последующие, до бесконечности, провести в здравии, спокойно, приятно и радостно. Письмо Ваше от 22 июля, за которое целую Ваши ручки, имел я удовольствие получить на этой неделе по возвращении моем из-за Байкала, где мы, т.е. Николай Николаевич с Катериною Николаевною и я, странствовали; были на китайской границе, и так как Николаю Николаевичу нужно было послать кого-нибудь в Иркутск, а мне немного понездоровилось, то я и был отправлен сюда, а Николай Николаевич прибудет 15[-го] этого месяца. Несколько поотдохнувши, я совсем поправился и теперь, благодаря Бога, готов хоть снова в путь, но едва ли во всю зиму придется тронуться с места, у нас все начинает приходить в такой порядок, что не требует посторонних подталкиваний. Зарин²⁴, губернатор, об котором Вы пишете, любезная бабушка, действительно очень хороший человек, но только до Николая Николаевича, т.е. до его качеств, Зарину также далеко, если еще не дальше, чем мне теперь до Покровского²⁵; надо надеяться, что он употребит все свои старания и способности, чтоб не отставать от несравненного Николая Николаевича, а в противном случае будет неладно. Об хлопотах Вечеслава по случаю смерти Марьи Дмитриевны маменька мне уже писала, и меня нисколько не удивляет поступок Вечеслава, так как я знаю его прекрасное сердце и уверен, что он готов для пользы тех, которых любит и не на такую жертву. Что случилось с Евгением? Где и как он, пишет ли о себе? Последнее, что я об нем знаю, это его водворение в Вене, что было еще весною, а с тех пор не имею об нем ни полвесточки, почему и прошу Вас, любезная бабушка, сообщить об нем, что знаете²⁶. Я же, с своей стороны, могу дать Вам известие, любезная бабушка, о Левашове, который сюда прислан по делам своего департамента, но пребывание его здесь несчастливо; вскоре после приезда у него сделалась опухоль на щеке, которую он застудил так, что она затвердела, и доктора опасались за его жизнь, но после операции ему стало легче, опухоль поуменьшилась, но совсем не прошла и, кажется, лицо останется у него всегда криво, тем более, что, не послушав советов, он недавно отправился за Байкал, несмотря на позднее время года, и немудрено, что он щеку свою застудит окончательно. Василью²⁷ я передал гнев сестры, но он уверяет, что с весны писал три раза, если это так, то, по моему мнению, и достаточно, больше и требовать грешно.

Затем целую Ваши ручки, любезная бабушка, так же, как и тетюшкины. Дядю, братьев и сестер обнимаю, Якову Игнатьевичу, Марье Яковлевне, Анне Егоровне мое почтение и остаюсь Вас многолюбящий внук

В. Муравьев

НИОР РГБ. 349.34.13. Л. 62–63 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998. 428 с.
2. *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. 250 с.
3. В тени великих: образы и судьбы: сб. науч. тр. / отв. ред. Л.П. Репина. СПб., 2010. 400 с.
4. *Завалишин Д.И.* Воспоминания. М., 2003. 608 с.

REFERENCES

1. *Matkhanova N.P.* Governors-generals of East Siberia in mid XIX century: V.Ya. Rupert, N.N. Muraviev-Amursky, M.S. Korsakov. Novosibirsk, 1998, 428 p. (In Russ.).
2. *Matkhanova N.P.* The highest administration of East Siberia in mid XIX century: problems of social stratification. Novosibirsk, 2002, 250 p. (In Russ.).
3. In a shadow of the great: images and destiny. Collected articles. Ed. of L.P. Repina. St. Petersburg, 2010, 400 c. (In Russ.)
4. *Zavalishin D.I.* Memoires. Moscow, 2003, 608 p. (In Russ.).

Статья принята
редакцией 13.05.2015

²⁴ В.Н. Зарин – иркутский гражданский губернатор.

²⁵ Имение Н.Н. Шереметевой.

²⁶ В. и Е. Якушкины – сыновья И.Д. Якушкина, двоюродные братья В. Муравьева.

²⁷ Ординарец В. Муравьева.

DOI: 10.15372/HSS20150309
УДК 94(47)»1921/1922»

А.Л. ПОСАДСКОВ

**ПИСАТЕЛЬ ВС. Н. ИВАНОВ ВО ГЛАВЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА
ВРЕМЕННОГО ПРИАМУРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (1921–1922 гг.)**

Александр Леонидович Посадсков,
д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник,
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, Новосибирск, ул. Восход, 15
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

Статья посвящена истории издательских учреждений Временного Приамурского правительства братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых, существовавшего в Приморье в мае 1921 – июне 1922 г. Освещается роль писателя и журналиста Вс. Н. Иванова в организации и деятельности этих структур печатной пропаганды Белого движения на востоке России. До октября 1921 г. Вс. Н. Иванов являлся уполномоченным меркуловского правительства по информации, осуществлял функции прямого управления издательским делом «белого» Приморья. Позднее Вс. Н. Иванов стал одним из организаторов формально независимой, но фактически финансируемой правительством организации «Дальневосточный союз русских журналистов» с крупным издательским отделом, который заменил прежнее официальное Пресс-бюро. Анализируется работа Вс. Н. Иванова как редактора «Вечерней газеты» и других изданий, выходивших во Владивостоке в этот период, эволюция его общественной позиции.

Ключевые слова: периодическая печать, Приморье, Временное Приамурское правительство, Вс. Н. Иванов, Белое движение, журналистика, издательское дело.

A.L. POSADSKOV

**WRITER VS. N. IVANOV AS HEAD OF PUBLISHING
OF THE PROVISIONAL PRIAMURYE GOVERNMENT (1921–1922)**

Alexander L. Posadskov,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
State Public Scientific-Technological Library SB RAS
15, Voskhod Str., Novosibirsk, 630200, Russia
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

The famous Soviet Far Eastern writer Vsevolod Nikanorovich Ivanov (1888–1971) began his literary career in 1918–1922 as the White Guard journalist and employee of the Russian Society of Typographic Arts in Omsk (1919), the author of journalistic and literary works published in emigrant press of China of the 1920s. There already exists a vast literature on his life and career. However, in particular, his activity in May 1921 – October 1922 in Primorye, which was then under the White Guard government control, is little known to the researchers studying the history of periodical press and literature. The article is intended to fill this information gap.

Vs. N. Ivanov was an active participant of revolution on May 26, 1921, which brought Primorye under the «national and democratic» government headed by brothers S.D. and N.D. Merkulov. On the day of revolt Merkulovs appointed him as Commissioner for Information in the new government. Since that time the daily «Evening Newspaper» had been published as the government’s informal loud-hailer under Vs. Ivanov’s edition. In short time Vs. Ivanov created the Government Press Office, arranged a regular release and distribution of anti-Bolshevist literature. He also selected managerial personnel for anti-Communist propaganda (G.G. Nedler, Ya.L. Beloblotsky, P.P. Vasilyev, et al.).

In November, 1921 Vs. Ivanov and his assistants undertook reorganization of propaganda department by analogy with the reform carried out in the «white» Omsk in May 1919, when the governmental Press-Bureau was replaced by a joint-stock enterprise of the Russian Society of Typographic Arts. In Vladivostok the Press-Bureau was also closed, and the Far Eastern Union of Russian Journalists was created. It had a large publishing department and was formally independent (but secretly financed by the Government). The publishing house started a large-scale activity, publishing two specialized editions for peasants and having at its disposal the newspapers “Slovo” and “Russky kray” in Vladivostok.

The capture of Vladivostok by the National-Revolutionary Army of the Far Eastern Republic and «red» guerrillas put an end to this printed propaganda machine. Vs. I. Ivanov left the city on October 22, 1922, three days before the collapse of the «white» government.

Key words: periodicals, Primorye, Priamurye Provisional Government, Vs. N. Ivanov, the White movement, journalism, publishing.

Фигура классика дальневосточной советской литературы Всеволода Никаноровича Иванова (1888–1971) в последние годы привлекает все большее внимание исследователей. Необычная судьба влиятельного белогвардейского и эмигрантского журналиста, ставшего известным советским писателем, вместила опыт восьми десятилетий истории. Вышла в свет монография хабаровской исследовательницы С. И. Якимовой о жизненном пути Вс. Н. Иванова [1], под ее же редакцией выпускаются сборники статей об Иванове, в Тихоокеанском государственном университете проводятся конференции, посвященные творчеству писателя. Дальневосточная государственная научная библиотека издала биобиблиографический указатель, посвященный Вс. Н. Иванову [2], а Гродековский (краевой) музей в Хабаровске – его дневник и записные книжки за 1944–1965 гг. [3]. Увидела свет статья и подборка документов о начале деятельности Вс. Н. Иванова в Белом движении на востоке России [4]. Неподдельный интерес вызывают и откровенные, не отредактированные советскими цензорами воспоминания самого Всеволода Никаноровича, сокращенный вариант которых был опубликован в 1990-е гг. в журнале «Дальний Восток», а затем был издан отдельной книгой [5] (полная пятитомная рукопись воспоминаний еще ждет своего издателя).

Но биография этого удивительного человека таит в себе много неизученного. Данная статья посвящена одной из ее малоизвестных страниц – периоду с мая 1921 г. по июнь 1922 г., когда Вс. Н. Иванов достиг высшей точки в своей карьере «белого» журналиста и издателя: стал руководителем всей официальной издательской деятельности в Приморье под эгидой Временного Приамурского правительства братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых.

Белогвардейский переворот, поставивший у власти во Владивостоке братьев Меркуловых и свергнувший «розовую» эсеро-большевистскую власть Временного правительства Дальнего Востока, произошел, как известно, 26 мая 1921 г. Но его подготовка началась намного раньше, и Вс. Н. Иванов имел к ней прямое отношение. По его словам, он прибыл во Владивосток «в снежном сыром марте 1921 г.» [5, с. 369] для подготовки организационного центра заговорщиков – «Съезда несоциалистического населения Дальнего Востока».

Идея созыва такого съезда вышла из недр редакции газеты «Слово», издававшейся Н.Д. Меркуловым. Вс. Н. Иванов искренне восхищался в то время Н.Д. Меркуловым, с которым он случайно познакомился в 1920 г. Фабрикант Николай Меркулов представлялся ему выразителем лучших национальных черт русского народа: прямоты, напористости, открытости, деловитости, социального оптимизма. Во Владивостоке Вс. Н. Иванов познакомился и близко сошелся с другим организатором переворота из окружения Меркуловых – с однофамильцем Василием Федоровичем Ивановым, юристом, публицистом и

философом, будущим премьер-министром меркуловского кабинета. Вс. Н. Иванов был в курсе деятельности подпольной меркуловской организации – «Национально-революционного комитета», в который входил В.Ф. Иванов. Всеволод Никанорович являлся к тому же секретарем второго «несоциалистического съезда», который, собравшись в мае 1921 г. (первый съезд прошел в марте), избрал Совет съезда несоциалистических организаций во главе с С.Д. Меркуловым – руководителем новой «национально-революционной» власти в Приморье. Тем самым съезд санкционировал переворот. Днем 26 мая 1921 г. вооруженные отряды «капелелевцев» подавили сопротивление защитников прежнего полукommунистического режима, и Временное Приамурское правительство (ВПП) приступило к работе. В этот же день Вс. Н. Иванов получил от С.Д. Меркулова мандат уполномоченного ВПП по информации [5, с. 377].

В сущности, это была «комиссарская» должность. Никаких инструкций, «правил игры» к мандату не прилагалось. Вс. Н. Иванов должен был сам определить круг своих полномочий, цели и ближайшие задачи работы, структуру управления, штаты и стиль поведения. Единственной директивой Иванову стал правительственный указ об издании официальных «Известий Временного Приамурского правительства». Газета с таким названием начала выходить под редакцией Вс. Н. Иванова с 27 мая.

Сохранился документ, на основе которого в дальнейшем строилась почти вся издательская деятельность ВПП в области прессы и издательства: «Пояснительная записка к схеме деятельности уполномоченного по информации». Правка и дополнения к этой бумаге, написанные характерным почерком Вс. Н. Иванова, не оставляют сомнения в его авторстве. Документ, по-видимому, создавался в первые же дни после переворота. Подробно описав и высоко оценив поставленную «почти на идеальную высоту» большевистскую пропаганду в России, Иванов делает вывод о том, что учесть опыт «красной» издательской деятельности «является насущно необходимым». Собообщая, что «население территории, подведомственной Временному Приамурскому правительству, еще не получает пока никакой антикоммунистической литературы», Иванов подчеркивает важность усиленного финансирования печатных изданий правительства: «излишняя экономия в денежных средствах может в высшей степени вредно отразиться на деле антибольшевистской пропаганды». Как человек, имеющий большой опыт работы в колчаковском Русском бюро печати, Вс. Н. Иванов сообщает ВПП, что им сформирована во Владивостоке организация под названием «Пресс-бюро», для которой подыскивается подходящий служебный персонал. План Вс. Н. Иванова намечал также издание неофициальной (формально независимой) ежедневной газеты «Русский край», которая начала выходить во Владивостоке с 2 июня 1921 г. под редакцией поручика П.П. Васильева – из-

вестного в «белой» Сибири общественного деятеля, друга Вс. Н. Иванова и его спутника во время бегства от большевиков зимой 1919/1920 гг.

Рассчитывая на широкую постановку печатной пропаганды ВПП, Вс. Н. Иванов намечает и ряд других мер. Он пишет: «Независимо от официальных изданий правительства, для распространения в населении антикоммунистических идей, мною при Пресс-бюро предположено основать литературный и художественный отделы, коими будут выпускаться различные листовки, брошюры... плакаты и пр.».

В «Пояснительной записке» Вс. Н. Иванова предусматривается и организация распространения печатной продукции ВПП: «Для более скорого и планомерного проведения в среду населения изданий Пресс-бюро мною разрабатывается сеть информации, служебный персонал которой будет вырастать по мере увеличения территории, подведомственной Временному Приамурскому правительству. Для обслуживания сети информации населения будет организована служба как разъездных агентов, так и агентов на местах».

К «Записке» Вс. Н. Иванов прилагал схемы «деятельности уполномоченного по информации» (т.е. очерчивал круг своих служебных полномочий), «организации Пресс-бюро» и «схему личного состава Пресс-бюро»¹. Он просил ВПП утвердить эти схемы, что, очевидно, и было сделано, поскольку все дальнейшие события в издательском деле Приморья полностью соответствовали изложенному плану. В этом смысле Вс. Н. Иванов вполне может рассматриваться как творец меркуловской пропагандистской машины.

В день переворота Вс. Н. Иванов нашел человека, который возглавил Пресс-бюро. Им стал капитан-лейтенант флота, бывший служащий Морского министерства в Омске Герман Германович Недлер. Документ о приеме его на службу подписан Вс. Н. Ивановым 26 мая 1921 г.² Причем сам Иванов утверждает в воспоминаниях, что Г.Г. Недлер просто явился к нему в числе других посетителей и предложил свои услуги [5, с. 378–379]. Военных, особенно «капеллецев», охотно брали на службу в аппарат Пресс-бюро: так, разъездным агентом работал полковник артиллерии С.Г. Закржевский, штабс-капитан А.М. Седлецкий был рассыльным, как и военный чиновник, губернский секретарь С.В. Майшев³. На должностях в Пресс-бюро оказались и бывшие гражданские чины, студенты, а среди корреспондентов во Владивостоке и на местах – бывшие журналисты белогвардейских газет (И.В. Свитланов, Ф.В. Лодейщиков, А.М. Катенёв и др.)⁴. Но благосклонность Иванова и Недлера не распространялась на представителей

журналистики, связанных с атаманом Г.М. Семеновым. Один из них, С.В. Гортинский (Г. Тинский), перебравшийся из Читы в Токио, жаловался члену руководства Несоциалистического съезда С.П. Рудневу на холодный прием у Вс. Н. Иванова. В июне 1921 г. Гортинский приехал во Владивосток, где, как он сообщал, «при разговоре с Вс.Н. Ивановым ничего конкретного я добиться не мог» и отказался по этой причине «помочь делу, не имея никаких полномочий»⁵.

30 мая 1921 г. меркуловское правительство утвердило временный штат Пресс-бюро из 6 чел., оговорив при этом, что бюро «находится в непосредственном ведении и распоряжении уполномоченного по информации». 18 августа 1921 г. Совет управляющих ведомствами ВПП утвердил уже расширенные штаты Пресс-бюро и «Вестника ВПП» в составе 22 служащих⁶. Упомянутый «Вестник», как и намечал Вс.Н. Иванов, начал выходить 25 июня 1921 г. вместо «Известий». Редакторство в нем совмещал с работой в Пресс-бюро Г.Г. Недлер. Пресс-бюро, как и кабинет уполномоченного по информации, находились прямо в резиденции правительства – в здании Морского штаба.

О том, с каким настроением взялся Вс. Н. Иванов за налаживание печатной пропаганды ВПП, говорят его публикации этих месяцев. Иванов не устал подчеркивать, что ВПП – «первое национальное правительство за всю нашу революцию»⁷ и к тому же – единственное из всех «белых» правительств России – не военное, а гражданское. В ВПП не было ни одного генерала, даже военный и морской министр Н.Д. Меркулов никогда не носил погон.

Строки, вышедшие из-под пера Вс. Н. Иванова, показывают, что он прекрасно сознавал всю неустойчивость приморской политической конструкции перед лицом надвигающейся «красной» России. Тем сильнее было его желание содействовать сохранению приморского анклава, где, по его пониманию, воцарилась, наконец, «национальная демократия», а с нею – мирная сытая жизнь, стремление к правопорядку и развитию экономики. «Мы твердо уверены, – писал Вс. Н. Иванов, – что из всего того ада, который в настоящее время представляет из себя Россия, Приморье есть самый счастливый уголок»⁸.

Помимо собственной печатной продукции, Пресс-бюро снабжало своей информацией, основанной на сообщениях корреспондентов, местные газеты и правительство. Для правительства делались закрытые сообщения. В день Пресс-бюро выпускало около 20 сообщений для прессы в 24–30 экз. каждое и 30 сообщений в 10 экз. для правительства⁹. Официально Пресс-бюро издавало только одну газету – «Вестник ВПП», но его услугами пользовались еще два про-

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-718. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–9.

² Там же. Д. 7. Л. 70–71.

³ Там же. Л. 29, 31–38, 68–69, 99–100.

⁴ Там же. Л. 6, 54–55, 58–61, 63; Д. 5. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 3. Л. 6.

⁶ Там же. Д. 7. Л. 7–11; Д. 9. Л. 3–4.

⁷ [Иванов Вс. Н.]. Скандалисты // Вечерняя газета (Владивосток). 1921. 8 сент.

⁸ [Иванов Вс. Н.]. 100 // Вечерняя газета. 1921. 26 сент.

⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-718. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.

правительственных издания – газета «Русский край» и «Вечерняя газета» (о которой речь еще впереди). Меркуловская власть помогала своей прессе тем, что закупала часть тиражей этих газет, а затем бесплатно распространяла их через экспедицию Пресс-бюро наряду с правительственными материалами [6, с. 12]. С типографских станков Пресс-бюро почти ежедневно сходила новая пропагандистская листовка, только к 8 июня 1921 г. таковых было выпущено 7 наименований («Гражданам об атамане Семенове», «О сельском управлении», «К русскому населению» и др.). Выходили пропагандистские листки, адресованные противникам Меркуловых: «Партизане!», «К Красной армии» и т.д. Изредка Пресс-бюро выпускало и более солидную литературу: была издана, например, тиражом 1000 экз. брошюра протоиерея Антоньева «Почему я не могу быть коммунистом»¹⁰. Листовки Пресс-бюро, как правило, имели тираж 20 тыс. экз.

В течение лета 1921 г. была сформирована некоторая, хотя и не очень густая сеть распространения изданий Пресс-бюро на территории Приморья. На местах работали агенты Пресс-бюро, отвечавшие за распространение литературы во вверенном им районе. Уже 18 августа 1921 г. экспедиция Пресс-бюро ежедневно рассылала 1300 экз. газеты «Русский край» и 1500 экз. «Вечерней газеты», «Вестник ВПП», листовки и брошюры. «Летучек», воззваний и брошюр рассылалось до 136 тыс. в месяц¹¹. Литература поступала также в адреса 11 волостных земских управ для раздачи по деревням (от 2 до 5 экз. газет на каждую)¹².

Но такую рассылку все признавали недостаточной. Газеты и листовки запрашивали у Пресс-бюро воинские части, осведомительные школы при Особом отделе Штаба войск, сельские священники. Экспедиция Пресс-бюро засылала свои издания в националистическую организацию «Русское обновленное общество», отправляла их со специальными рассылными по линии Уссурийской железной дороги, снабжала капитанов пароходов «для передачи представителям русской власти» на причалах по пути следования¹³. Стоило только особоуполномоченному ВПП по Никольск-Уссурийскому району Н.И. Кузьмину пожаловаться в Пресс-бюро на плохое снабжение литературой своего района, как в Никольск-Уссурийск и крупнейшие села (Раздольное, Кневичи, Евгеньевка) выехал с проверкой помощник экспедитора Пресс-бюро А.П. Пушкин¹⁴.

В должности уполномоченного по информации ВПП Вс. Н. Иванов находился до октября 1921 г., затем на этом посту появился другой представитель ВПП – Л.Д. Тяжелов (чья фамилия, как вариант замены Вс. Н. Иванова, появлялась в документах еще в июне)¹⁵.

Уйдя с поста руководителя информацией, Вс. Н. Иванов сосредоточился на том, что считал своим главным делом в «меркуловском» Приморье – на редактировании ежедневной «Вечерней газеты». Случайно или нет, но эта газета явилась ровесницей переворота: ее первый номер вышел днем 26 мая 1921 г., когда по городу еще кружили автомобили с боевыми группами «каппелевцев» (разрешение на ее выпуск Иванов получил от «антоновских» властей буквально накануне). По словам Вс. Н. Иванова, первый номер газеты (с объявлением о перевороте) разошелся тиражом 20 тыс. экз. [5, с. 377], что для Владивостока того времени было феноменальным достижением.

Задачи газеты Вс. Н. Иванов видел «в осознании происходящей действительности, которая во многом напоминает действительность сумасшедшего дома»¹⁶. Редактор не ошибся: все время, пока он находился у кормила редакции, «Вечерняя газета» и события вокруг нее носили нервный, «дуэлянтский», временами скандальный характер. В разгар политической борьбы иного и не могло быть. Газета и ее редактор состояли в постоянном конфликте с другими периодическими изданиями – представителями соперничающих политических сил. До 7 июля 1921 г. – последнего дня выборов в Народное собрание «меркуловского» Приморья – страницы газеты были заполнены агитацией за предвыборный список № 7, выдвинутый Советом съезда несоциалистических организаций.

В те дни Вс. Н. Иванов всецело поддерживал «несосов». Но уже осенью 1921 г., по мере развертывания конфликта между Советом съезда и ВПП в персональном облике С.Д. и Н.Д. Меркуловых, Иванов меняет свои политические позиции. От легких упреков правых депутатов Народного собрания (Нарсоба) в отходе от идеалов 1-го несоциалистического съезда «с его горячим идейным трепетанием единого национального понимания»¹⁷, Вс. Н. Иванов переходит к открытому противостоянию с руководителями Совета несоциалистического съезда Н.А. Андрушкевичем, С.М. Широкогором и др. Они, по мнению Иванова, «почили в самодовольстве высшего бюрократизма» и, опираясь на большинство Нарсоба, плетут интриги против Меркуловых, подтачивают устои «национально-демократической власти». «Не возглавлять русское дело может ваша компания, – восклицает Вс. Н. Иванов, – а его дискредитировать. Совет ваш стал Совдепом, источником разрухи и развала, собранием каких-то действий и выступлений исключительно на почве мелких самолюбий»¹⁸.

Прошло еще немного времени – и в начале 1922 г. Всеволод Никанорович сначала сдержанно, а

¹⁰ Там же. Д. 6. Л. 4–6, 10, 12; Д. 10. Л. 17.

¹¹ Там же. Д. 3. Л. 3 об.

¹² Там же. Д. 10. Л. 16.

¹³ Там же. Д. 1. Л. 13–13; Д. 10. Л. 6–7 об., 9–11, 13, 17.

¹⁴ Там же. Д. 11. Л. 3–5 об.

¹⁵ Там же. Д. 7. Л. 95; Д. 9. Л. 5.

¹⁶ [Иванов Вс. Н.]. От редакции // Вечерняя газета. 1921. 26 мая.

¹⁷ [Иванов Вс. Н.]. Декларация В.Ф. Иванова // Вечерняя газета. 1921. 14 сент.

¹⁸ Иванов Вс. Н. Упразднили (Вынужденный ответ) // Вечерняя газета. 1921. 30 дек.

затем все более резко стал выступать против лидера «несосов» в Нарсобе – своего бывшего друга и бывшего премьера ВПП В.Ф. Иванова¹⁹, который, как выяснилось позже, и был главным «архитектором» внутреннего заговора против Меркуловых [5, с. 393]. Сам же Вс. Н. Иванов до конца оставался верным «меркуловцем». Новый 1922 г. он встретил в занятом (на время) белоповстанцами Хабаровске, куда уехал как журналист сопровождать Н.Д. Меркулова и его делегацию²⁰.

С февраля 1922 г. меняется непримиримый тон Вс. Н. Иванова в отношении Советской России, в которой набирает темпы новая экономическая политика. Читая советскую прессу, Иванов трактует в передовых статьях «Вечерней газеты» НЭП как долгожданное возвращение к нормальному «капиталистическому строю». «То-то и есть, идиоты! – пишет он. – На какой же черт надо было бороться 4 года и расстреливать публику!»²¹.

Работа официальных пропагандистских служб меркуловского режима неожиданно закончилась поздней осенью 1921 г. 5 ноября ВПП приняло решение об упразднении должности уполномоченного по информации, информационного отдела и Пресс-бюро, а 10 ноября сотрудники последнего, включая Л.Д. Тяжелова и Г.Г. Недлера, получили уведомления об увольнении²².

Активное ядро антикоммунистической журналистики, возможно, вполне сознательно переформатировало таким способом свою деятельность. Уже в начале ноября 1921 г. во Владивостоке был создан Дальневосточный союз русских журналистов – из сотрудников «местных и частью харбинских органов несоциалистической прессы». Союз, в сущности, повторил структуру ликвидированного Пресс-бюро: в его состав входило телеграфное агентство «Национал-пресс» и издательский отдел. О своем отношении к ВПП создатели новой организации писали: «Союз не является организацией правительственной, но Союз не скрывает и своего духовного родства с местной национальной властью и своей всегдашней готовности содействовать местному национальному Приамурскому правительству»²³.

По существу, повторилась комбинация, реализованная в колчаковском Омске в мае 1919 г., когда на смену казенному Пресс-бюро в составе правительства пришло «общественное» и «независимое» издательство – Акционерное «Русское общество печатного дела» (АО РОПД). В создании Дальневосточного союза русских журналистов активное участие приняли Вс. Н. Иванов (рекламировавший Союз в сво-

ей газете)²⁴ и еще один бывший деятель АО РОПД – юрист и издатель Яков Леонидович Белоблоцкий, хорошо известный Иванову по бурной работе в Новониколаевском отделении РОПД. В составе учредителей Союза были также П.П. Васильев, С.П. Руднев, Н.И. Сахаров и др.

Издательский отдел Союза, начавший работать 15 ноября 1921 г. под руководством Я.Л. Белоблоцкого, уже к 31 декабря выпустил 130 тыс. различных листовок и воззваний ВПП, многие из которых готовились в спешном порядке. «Отдел, – писал Я.Л. Белоблоцкий в отчете, – имел в своем распоряжении не больше 10 часов с момента получения темы для листовки и [до] сдачи нескольких тысяч отпечатанных листовок». До конца года издательский отдел выпустил 2 номера газеты «Приморский крестьянин» и 3 номера газеты «Народное дело» (с 1922 г. она стала издаваться дважды в неделю тиражом 5 тыс. экз.). Отдел заключил договор с Уссурийской железной дорогой об аренде на 6 месяцев всех дорожных газетных киосков и исключительном праве продажи печатных изданий отдела на 6 крупных железнодорожных станциях, а также в поездах. К началу 1922 г. в портфеле издательства имелись брошюры «Экономическое положение Совроссии», «Сибирь при большевиках», «Деятели ДВР», «Земство и большевики». Печатались циклы листовок «Советская Россия в 1921 г.», «Что делается в ДВР», «В национальном Приморье»²⁵.

В конце 1921 г. организаторы Союза журналистов и Национал-пресс приобрели у бывших владельцев – Съезда несоциалистических организаций – газету «Слово» [6, с. 12]. В полную собственность Национал-пресс фактически перешла и газета «Русский край». Осваивая новую площадку своей деятельности, Вс. Н. Иванов с 20 ноября 1921 г. по 13 февраля 1922 г. поместил в «Русском крае» 12 своих стихотворений и 3 литературно-публицистических статьи. Кроме редактирования «Вечерней газеты», Иванов в 1922 г. выпускал нерегулярное издание – газету «Вечерняя звезда», которая выходила «по праздникам в 12 часов дня». Газета увидела свет лишь 6 раз – 19, 24 марта, 23 апреля (в Пасху), 14 мая (на Троицу), 12 июня и 28 сентября вышли ее экстренные выпуски. После завершения борьбы за власть между Меркуловыми и Нарсобом, с 16 июля по 3 августа 1922 г. Вс. Н. Иванов редактировал еще одну газету – «Вестник национального движения» («орган несоциалистических организаций города»). Под его редакцией во Владивостоке очень недолго издавался небольшой чисто литературный журнал.

Речи нового правителя Приморья – «воеводы Земской Рати» М.К. Дитерихса – на Земском соборе произвели на Вс. Н. Иванова (как и на С.П. Руднева)

¹⁹ [Иванов Вс. Н.]. К созыву третьего съезда // Вечерняя газета. 1922. 3 янв.; Иванов Вс.Н. Голоса с улицы // там же. 21 февр.

²⁰ Иванов Вс. Н. В Хабаровск (Дорожные впечатления) // Вечерняя газета. 1922. 10 янв.

²¹ [Иванов Вс. Н.]. Из советских газет // Вечерняя газета. 1922. 17 февр.

²² РГИА ДВ. Ф. Р-718. Оп 1. Д. 3. Л. 1–2.

²³ Там же. Ф. Р-758. Оп 1. Д. 1. Л. 3–4.

²⁴ Иванов Вс. Н. По поводу Национал-пресс // Вечерняя газета. 1921. 24 нояб.

²⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-758. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2, 4–6.

удручающее впечатление. «Ни разу больше, – вспоминал Иванов, – ни в каком учреждении “Земского края” не бывала моя нога» [5, с. 395]. Из Владивостока Вс. Н. Иванов отплыл в эмиграцию 22 октября 1922 г., за три дня до вступления в город «красных» войск ДВР и партизан.

Эпопея кипучей деятельности Вс. Н. Иванова в стане «меркуловцев» вместила в себя многое: энтузиазм первых месяцев, разочарование в друзьях и идеалах, выстраивание работы редакций и издательских организаций, радость творчества и горечь расставания с Родиной. Не поместилось в ней только примирение с большевистской Россией – слишком свежи были раны прошедших лет. Осознание своей сопричастности судьбе страны, перекроенной революцией, пришло к писателю спустя десятилетие, в начале 1930-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якимова С.И. Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист. Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2013. 215 с.
2. Всеволод Никанорович Иванов – писатель и философ: к 125-летию со дня рождения писателя : библиограф. указ. / сост. Т.В. Кирпиченко. Хабаровск, 2013. 84 с.
3. «Непрерывное движение духа...»: Дневник и записные книжки Вс. Н. Иванова. Хабаровск, 2012. 380 с.

4. Ситников М.Г. Редактор газеты «Сибирские стрелки» // Белая армия. Белое дело: ист. науч.-популяр. альманах. Екатеринбург, 2011. № 19. С. 55–97.

5. Иванов Вс. Н. Исход: воспоминания / В.Н. Иванов; под общ. ред. М.Ф. Асламова. Хабаровск: Союз писателей России, Хабаров. регион. отд-ние, 2008. 400 с.

6. Владивосток, 1922 год: жизнь города на страницах газеты «Голос Родины» / сост. и ред. Н.А. Троицкая. Владивосток : Рос. гос. ист. архив Дальнего Востока, 2012. 138 с.

REFERENCES

1. Yakimova S.I. Vsevolod Nikanorovich Ivanov: a writer, thinker, journalist. Khabarovsk, 2013, 215 p. (In Russ.)
2. Vsevolod Nikanorovich Ivanov – a writer and philosopher: on the 125th anniversary of the writer: biobibliographic index / comp. T.V. Kirpichenko. Khabarovsk, 2013, 84 p. (In Russ.)
3. “Spirit continuous movement ...”: a diary and notebooks by Vs. N. Ivanov. Khabarovsk, 2012, 380 p. (In Russ.)
4. Sitnikov M.G. Editor of newspaper “Sibirskiye Strelki”. *Belaya armiya. Belaye delo: Ist. nauch.-popular. alm.* Ekaterinburg, 2011, no 19, pp. 55–97 (In Russ.)
5. Ivanov Vs. N. Exodus: Memoirs. Khabarovsk, 2008, 208 p. (In Russ.)
6. Vladivostok 1922: city life on pages of newspaper “Golos Rodiny” / comp. a. ed. N.A. Troitskaya. Vladivostok, 2012, 138 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 20.07.2015

DOI: 10.15372/HSS20150310
УДК 002.5(09)

Н.С. ЛИСОВСКАЯ

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ СИБИРСКИХ ФИЛИАЛОВ АКАДЕМИИ НАУК (1946–1950-е гг.)

Наталья Сергеевна Лисовская,
заведующая сектором,
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15
e-mail: linaseveda@mail.ru

В статье поставлена цель – воссоздать историю зарождения научной периодики сибирских филиалов Академии наук СССР в 1946–1950-е гг. В качестве источниковой базы привлекались библиографические указатели, архивные документы, материалы академической периодической печати, а также сами издания «de visu». В результате было установлено, что выпуск научных изданий сибирскими академическими коллективами на момент организации Сибирского отделения явился важным подготовительным этапом в процессе дальнейшего развития системы научной периодики. Инициатива и активная поддержка Академии наук СССР объединила усилия филиалов в создании первого регионального журнала – «Известия восточных филиалов АН СССР» и во многом способствовала дальнейшему развитию издательской деятельности.

Ключевые слова: научные издания, научные журналы, «Известия Восточных филиалов Академии наук», издательская деятельность, Академия наук СССР, Западно-Сибирский филиал, Якутский филиал, Восточно-Сибирский филиал.

N.S. LISOVSKAYA

THE SCIENTIFIC PUBLICATIONS OF THE SIBERIAN BRANCHES OF THE ACADEMY OF SCIENCES (1946-1950s)

Natalya S. Lisovskaya,
Head of Sector,
State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15, Voshod str., Novosibirsk, 630200, Russian,
e-mail: linaseveda@mail.ru

The purpose of the work is to reconstruct the origins of scientific periodicals of the Siberian Branches of the Academy of Sciences. The chronological outline of the process of organization and development of the Siberian Branches of Academy is necessary for the purpose identified. A variety of sources helped to compile a list of periodicals, issued by organizations of the Branches in 1946-1950s; to study them «de visu» and to describe their specific features. The available archival documents, for the first time introduced into scientific use, and academic periodicals were helpful in understanding the role of Academy of Sciences in the development of publishing activities of Siberian Institutes. Analysis of the data obtained has shown, that publishing of scholarly periodicals by the academic teams at the moment of setting up the Siberian Branches of Academy of Sciences was an important preparatory stage in the development of the system of SB RAS scholarly periodicals.

The initiative and active support of the USSR Academy of Sciences helped to join efforts of Academic Branches for establishment of their first regional journal – «Izvestiya Vostochnykh filialov AN SSSR» but in many ways contributed to further development of their publishing activities. Difficulties encountered in publication of scientific literature in the cities of Siberia confirmed the necessity of creating their own print production, training their own personnel and improving the publishing culture.

Keywords: periodicals, journal, «Izvestiya Vostochnykh filialov AN SSSR», publishing activities, Academy of Sciences of the USSR, West-Siberian Branch, East-Siberian Branch, Yakut Branch.

Журналы, выпускаемые научными коллективами Сибирского отделения Российской Академии наук (СО РАН), являются составной частью системы академических журналов и занимают в ней достойное место. Однако в поле зрения историко-книговедческих исследований до сих пор не попадали вопросы зарождения, развития и этапы становления этой системы. Имеющиеся в небольшом количестве публикации содержат лишь отрывочные сведения, констатирующие скудные цифры по итогам издательской работы в контексте создания полиграфической базы для научного книгоиздания Сибири [1; 2; 3].

Вместе с тем изучение и анализ обстоятельств формирования системы сибирской научной периодики представляют интерес не только для выявления ее специфических черт и особенностей научного книгоиздания в Сибири, но и для создания полной картины истории академического книгоиздания, для понимания роли Академии наук СССР в этих процессах.

Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 21 октября 1943 г. о создании Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР (ЗСФ АН СССР) положило начало организации стационарной академической структуры в регионе. Послевоенное восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства указали на необходимость активного освоения ресурсов Сибири и «...радикального изменения в структуре научного потенциала региона, что привело не просто к количественному росту научных учреждений, а к изменению качества научного потенциала, его квалификационного уровня и принципиально иным ориентациям новых научных струк-

тур» [4, с. 83]. Новосибирск, благодаря своему экономико-географическому положению, стремительному росту промышленного потенциала и мощи эвакуированных во время войны предприятий, стал городом, способным наилучшим образом обеспечить условия для развития науки [5, с. 72–74; 6; 7]. В феврале 1944 г. Президиум АН СССР назначил руководящий состав ЗСФ. Были намечены территориальные границы филиала, охватившие Новосибирскую, Омскую, Томскую и Тюменскую области, а также Алтайский и Красноярский края, где должны были развиваться следующие направления научно-исследовательской деятельности:

- изучение ископаемых богатств Западной Сибири с целью подготовки и расширения сырьевой базы черной и цветной металлургии;
- создание эффективных способов добычи полезных ископаемых и разработка новых технологических процессов извлечения металлов;
- разработка научных основ некоторых отраслей химической промышленности (углехимического синтеза);
- изыскание путей и способов наиболее целесообразного использования громадных энергетических ресурсов и развития транспортных связей;
- изучение растительных богатств Западной Сибири и ее животного мира [5; 6].

Соответственно научным направлениям были созданы Горно-геологический, Химико-металлургический, Транспортно-энергетический и Медико-биологический институты.

О завершении организационного периода в создании ЗСФ АН СССР и предварительных итогах научной деятельности академик А.А. Скочинский доложил в январе 1945 г. [6; 8]. Президиум АН СССР одобрил деятельность филиала и признал, что «за короткий срок руководство добилось укомплектования институтов кадрами местных ученых¹ и создало необходимые материальные условия для плодотворной научной работы». Для дальнейшей работы филиала был намечен ряд конкретных мер, среди которых Редакционно-издательскому совету АН СССР поручалось: «...выяснить возможность включения в план 1946 г. издания трудов Филиала» [9]. Таким образом, были подчеркнуты важность и понимание необходимости организации собственных научных изданий как средства информирования научной общественности страны о результатах исследовательской деятельности сибирских ученых и предприняты первые практические шаги для воплощения этих мер в жизнь.

Дальнейшее развитие и расширение академической науки в Сибири было связано с проблемами освоения потенциала гидроэнергетических, топливных и сырьевых ресурсов Восточной Сибири. Решение этих задач стало важнейшим основанием при обсуждении вопроса об организации филиалов Академии в Восточной Сибири и Якутии. В 1947 г. в Якутии была создана академическая база, которая в 1949 г. переименована в Якутский филиал (ЯФ) АН СССР. В период 1947–1957 гг. в республике созданы НИИ языка и литературы с несколькими секторами; химическая лаборатория; станция по изучению космических лучей; Институт биологии, Институт геологии [6]. В феврале 1949 г. по распоряжению Совета Министров СССР в Иркутске организуется Восточно-Сибирский филиал АН СССР (ВСФ АН СССР), в структуру которого вошли Институт геологии, Институт энергетики и химии, биологический сектор, географо-экономический сектор. Позднее были организованы Читинская и Бурят-Монгольская исследовательские группы. В сферу научно-исследовательской деятельности филиала включались Бурятская АССР, Иркутская и Читинская области [6; 10].

Осуществляемая стратегия развития академической науки на востоке страны позволила к 1956 г. организовать за Уралом работу шести филиалов (Уральского, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского, Якутского, Дальневосточного и Сахалинского), а также предусмотреть их специализацию, преодоление дублирования в научных исследованиях и обеспечение концентрации научных работ на направлениях, наиболее важных для развития производительных сил соответствующих территорий. Признавая приоритеты прикладного характера проводимых научных изысканий и их ориентацию на обслуживание

региональных потребностей, одновременно предполагалось повышение уровня фундаментальности осуществляемых в филиалах работ, укрепление теоретических изысканий и формирование научных советов по важнейшим исследовательским проблемам [5, с. 83]. Перед сибирскими учеными были выдвинуты четко обозначенные задачи, решение которых достаточно скоро стало приносить и первые результаты. Накапливаемая «научная продукция» требовала оперативного опубликования, в связи с чем стали организовываться собственные сибирские издания. Всего выявлено 10 наименований изданий, выходивших в 1946–1950-е гг., среди них «Известия...», «Труды» и «Научные сообщения»².

Одним из первых следует отметить «Известия Западно-Сибирского филиала АН СССР», выходившие в двух сериях с 1946 г. Отмечая внешнее сходство с центральными академическими журналами, остановимся на особенностях этого издания. На титульном листе «Известий Западно-Сибирского филиала АН СССР. Сер.: Биологическая» (1946–1951)³ слово «Известия» вынесено в область заглавия, ниже приведено название серии. В первых номерах имелось уточнение на французском языке – «Bulletin de la Filiale de Sibirie Occidentale de l'Academie des Sciences de L'URSS». Далее указаны редактор и место издания (на русском и французском языках). Содержание номеров тематически не структурировано, однако с 1948 г. материалы подбирались в рамках «ботанической» и «зоологической» подсерий с пометкой на обложке и титульном листе. Номера небольшого объема (4–5 п.л., 64–80 с.) содержали от 3 до 7 статей. Чертежи, графики, фотоснимки и рисунки почти не использовались. Статьи оформлялись без соблюдения единых предложенных правил. Даты поступления материала в редакцию и адрес автора (название организации) не приводились. Тематика статей посвящена результатам изучения сибирского края. Выпуски 1946–1948 гг. имели тираж 1000 экз., который в 1949 г. сократился до 300 экз. Всего вышло 7 выпусков, в которых было опубликовано 36 статей 20 авторов.

«Известия Западно-Сибирского филиала АН СССР. Сер.: Геологическая» (1946–1950)⁴ заявлены как сборник, ответственным за выпуск которого являлся научный коллектив Горно-геологического института ЗСФ АН СССР. Содержание номера тематически структурировано: «Горное дело», «Геология», «Краткие сообщения», «Информация». Номер достаточно большого объема (10,5 п.л., 167 с.) включал 12 статей 12 авторов; иллюстративный материал использовался довольно широко. «Известия...»

¹ На 01.01.1945 г. в учреждениях филиала работали 130 сотрудников, из них 73 научных работника, в том числе 1 академик, 1 заслуженный деятель науки, 25 докторов и 36 доцентов и кандидатов наук [9].

² Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Сибири и Дальнего Востока 1789–1980 гг. Новосибирск, 1989. 640 с. [п. 688, 689, 737, 1982, 2172, 2208, 2043, 2035, 1169, 2222, 2223, 2224, 2225, 2226, 1974, 1169].

³ Там же, п. 688.

⁴ Там же, п. 689.

печатались в Типографии № 1 г. Новосибирска тиражом 1000 экз., причем указывался специалист, ответственный за выпуск. В результате изучения библиографических указателей⁵ каталогов, а также консультаций, полученных в библиотеках НИУ СО РАН, удалось выяснить, что из печати вышел только один номер (1946 г.) геологической серии вместо указанных четырех.

«Труды» и «Научные сообщения», за выпуск которых отвечали как отдельные институты, так и филиалы в целом, содержали статьи, доклады и представлялись как сборники («Труды Химико-металлургического института»), «Труды ЯФ») или как неперIODические серии («Научные сообщения ЯФ АН СССР»), и даже как книги («Труды ВСФ, сер.: Техническая. – Иркутск, 1956. Вып. 9: Полукоксование углей Восточной Сибири»).

Первые выпуски изданий филиалов объединяли материалы в широких тематических границах, однако постепенно происходило сужение специализации изданий, в результате появлялись такие серии и подзаголовки, как «Энергетическая», «Транспортная», «Химическая», «Вопросы докембрия Западной Сибири», «О химизме спекания сульфат-глиноземных шихт» и др.

Объемы изданий были различными: от 6–7 п.л. (100 стр., 5–7 статей в номере) имели «Труды» Транспортно-энергетического, Химико-металлургического институтов и «Труды Восточно-Сибирского филиала. Сер.: Геологическая» до 10 п.л. (200 стр., 8–10 статей) доходили объемы таких изданий, как «Труды Горно-Геологического института».

Тиражи колебались от 320–500 до 1700 экз. В изданиях указывались ответственные редакторы («Труды» Транспортно-энергетического, Горно-Геологического институтов) или редакционная коллегия («Труды Восточно-Сибирского филиала»). Материалы активно иллюстрировались рисунками, схемами, фото, однако по-прежнему оформлялись без соблюдения единых правил. Труды печатались как на местах – в Новосибирске, Иркутске, Якутске, так и в типографиях Академии наук СССР в Москве или Ленинграде. Круг лиц, ответственных за выпуск, расширялся за счет редактора издательства, художественного и технического редакторов, корректоров.

Малочисленность специалистов по отдельным проблемам в сибирских филиалах приводила к тому, что один научный сотрудник являлся автором и соавтором большей части помещенных в номере статей, например: «Труды Химико-металлургического института», 1957. Вып. 10: научный сотрудник Е.Н. Лоскутова выступает как автор и соавтор 7 из 15 статей; «Труды ВСФ. Сер.: Химическая», 1955. Вып. 3: Исследование Черемховских углей и продуктов их химической пере-

работки. В. Калечиц является автором и соавтором 11 из 17 статей.

Постепенно издания филиалов АН СССР приобретали облик классических «Трудов»⁶. И хотя немногочисленные научные коллективы еще не могли самостоятельно поддерживать строгую периодичность публикаций, организация собственных сборников, во-первых, продемонстрировала растущий научный потенциал, а во-вторых, опубликованные материалы являлись результатами решения широкомасштабных задач по освоению ресурсов региона и представляли большой интерес для ученых страны.

В связи с этим встал вопрос о создании регулярного научного издания – журнала, общего для всех сибирских филиалов. Решение этого вопроса было оформлено в «Распоряжении Президиума АН СССР № 55-2468 от 12 ноября 1956 г.» об организации постоянно действующего в сибирском регионе научного периодического издания. Распоряжение подписано Президентом АН СССР А.А. Несмеяновым и Главным ученым секретарем Президиума АН А.В. Топчиевым⁷. Документ предписывал Совету по координации научной деятельности АН союзных республик и филиалов организовать при ЗСФ издание журнала «Известия восточных филиалов АН СССР» периодичностью 12 номеров в год, объемом одного номера 10 п.л. и тиражом 3000 экз.

Издавать журнал было предложено Новосибирскому областному издательству с возмещением расходов из фондов АН СССР. Перед журналом ставились задачи: «освещение результатов новых научных исследований; обмен опытом научно-организационных мероприятий по вопросам координации научных работ по физико-математическим, химическим, геологическим, биологическим, техническим, экономическим и гуманитарным наукам». Были утверждены главный редактор и состав редакционной коллегии. Редакцию журнала рекомендовано организовать при Президиуме ЗСФ⁸.

В свою очередь, Совет по координации научной деятельности АН союзных республик и филиалов подготовил документ № 55-670 от 12 ноября 1956 г. на имя председателя Президиума ЗСФ Т.Ф. Горбачева, в котором сообщалось об организации Президиумом АН СССР с 1 января 1957 г. журнала «Известия восточных филиалов АН СССР». Совет призвал научные коллективы к активному сотрудничеству в новом журнале, а редакционной коллегии рекомендовал приступить к выполнению своих обязанностей не позднее декабря 1956 г. В документе определены требования к содержанию подаваемого материала

⁶ Труды – это «произведение печати, выходящие по мере накопления материала, без строгой периодичности, под общим названием, нумерованными выпусками, не повторяющимися по содержанию, однотипно оформленные, непостоянного объема» [11, с. 428].

⁷ Научный архив Сибирского отделения РАН (далее – НАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9976. Л. 387–388.

⁸ Там же.

⁵ Периодическая печать СССР 1917–1949. Журналы, Труды и Бюллетени по естественным наукам и математике: библиогр. указатель. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. С. 73, 109.

Количество статей, опубликованных в журнале «Известия восточных филиалов АН СССР» в 1957 г., по тематическим разделам

Наименование организаций, публиковавшихся в журнале	Тематические разделы журнала и количество опубликованных в них статей					
	экономика	геология	химия	технические науки	биология	хроника
Башкирский филиал АН СССР	–	2	–	–	2	–
Восточносибирский филиал АН СССР	1	6	7	–	10	–
Дальневосточный филиал АН СССР	–	3	1	2	1	–
Западносибирский филиал АН СССР	3	17	2	27	16	–
Уральский филиал АН СССР	1	3	13	4	–	–
Якутский филиал АН СССР	–	4	–	–	3	–
Другие организации*	1	5	8	7	4	–
Всего статей по тематическим разделам	6	40	31	40	36	19**

* Другие организации включают: Институт общей и теоретической химии АН СССР им. Н.С. Курнакова, Байкальская лимнологическая станция при Восточносибирском филиале АН СССР, Институт горючих материалов АН СССР, Сахалинский комплексный научно-исследовательский институт, Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта, Совет по изучению производительных сил АН СССР.

** Статьи раздела «Хроника» подготовлены редакцией журнала.

и необходимое условие «иметь положительное заключение Ученого совета института или научного совещания отдела, лаборатории, подчиненных непосредственно Президиуму ЗСФ, а по научно-организационным вопросам – Президиума филиала». В заключение сказано: «Издание журнала – общее дело всех научных коллективов филиала», необходимо «оправдать доверие ЦК КПСС, разрешившего филиалу АН иметь свой первый научный журнал»⁹.

Изучение номеров «Известий восточных филиалов АН СССР», а также данные библиографических указателей¹⁰ и каталогов библиотек НИУ СО РАН позволили установить, что всего вышло 12 номеров (1957 г.) этого издания.

Журнал «Известия восточных филиалов...» соответствовал образцу журналов АН СССР. На обложке журнала в область ответственности вынесено – «Академия наук СССР», в область заглавия – «Известия восточных филиалов Академии наук СССР», выходные данные показывают порядковый номер (1, 2, ...), год «1957» и место издания – «Новосибирское книжное издательство». Помещенное на обороте обложки оглавление имеет разделы: «Экономика», «Геология», «Химия», «Технические науки», «Биология», «Хроника», а также «Критика и библиография».

На титульном листе в области ответственности уточняется: «Совет по координации научной деятельности АН союзных республик и филиалов АН СССР». На обратной стороне титульного листа указаны адрес редакции¹¹ и состав редакционной коллегии: Ю.П. Булашевич, д-р физ.-мат. наук (УрФ); А.И. Горбанев, д-р тех. наук, глав. ред. (Совет по координации АН СССР); Т.Ф. Горбачев, проф., зам. глав.

⁹ Там же. Л. 385–386.

¹⁰ Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий...

¹¹ г. Новосибирск, ул. Мичурина, 23.

ред. (ЗСФ); К.Н. Коржавин, д-р техн. наук (ЗСФ); В.А. Кротов, канд. экон. наук (ВСФ); М.М. Одинцов, д-р геол.-мин. наук (ВСФ); Г.Л. Поспелов, канд. геол.-мин. наук (ЗСФ); В.П. Ревебцов, канд. тех. наук (УрФ); С.А. Соболевская, д-р биол. наук (ЗСФ). Важно отметить, что в редколлегию, помимо сибирских ученых, входили представители Уральского филиала АН СССР, что способствовало сотрудничеству и координации исследований между филиалами Академии наук СССР.

В редакционной статье, открывавшей 1-й номер, подчеркивалось, что настоящее издание – журнал; формулировались причины его появления и программа развития журнала [12, с. 3]; в рубрике «От редакции» были приведены правила оформления подаваемого для публикации материала. Номера были достаточно большого объема – в среднем 12 п.л. (13–18 статей); материал оформлен в соответствии с предложенными требованиями; в конце каждой статьи указывалась «географическая принадлежность» автора (название организации, филиал); а с № 4/5 – дата поступления статьи в редакцию. Статьи снабжены иллюстративными материалами. «Известия...» печатались Новосибирским книжным издательством на базе Типографии № 1 Полиграфиздата. Издание имело технического редактора и корректора. Тираж составлял 1000–1100 экз. (№ 1 вышел тиражом 2000 экз.).

В таблице показано, что количество опубликованных по тематическим рубрикам статей, примерно равное (от 30 до 40). Анализ «географической принадлежности» авторов позволил выявить приоритетные направления работы филиалов, например: ЗСФ – работы по геологии, биологии и техническим наукам, а Уральский филиал – исследования в области химии. Изучение сроков поступления материалов в редакцию показало, что в среднем рукописи рассматривались 1–3 мес., в редких случаях – 4–5 мес. Достаточно малые сроки подготовки статей можно объ-

яснить тем, что в «молодом» региональном издании редакционный портфель заполнялся не так активно, как в центральных более известных и авторитетных, к тому же материалы предварительно рассматривались и получали одобрение на ученых советах самих НИУ.

Таким образом, издание трудов и учреждение общего журнала сибирскими филиалами АН (1946 – 1950-е гг.) явилось важным подготовительным этапом, который заложил основы для дальнейшего развития системы научных журналов СО РАН. Ведущая роль Академии наук проявилась в инициативе и активной поддержке усилий ученых Сибири по организации издательской деятельности. Первый сибирский научный журнал – «Известия восточных филиалов АН СССР» стал официальным органом академических структур за Уралом, и научное сообщество страны получило возможность регулярно знакомиться с результатами исследований ученых Сибири. Издательская практика помогла выявить сильные и слабые стороны, а также указала на необходимость строительства собственной полиграфической базы, подготовки высококвалифицированных кадров и повышения издательской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лютов С.Н. Организация академического издательства в Сибири. Документальные страницы истории (1957–1958 гг.) // Библиосфера. 2011. № 4. С. 37–44.
2. Лютов С.Н. Создание центра научного книгоиздания в Сибири в контексте системной реорганизации академической науки (1957–1962 гг.) // Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в условиях общественных кризисов XIX – начала XXI в. Новосибирск, 2013. С. 133–140. (Труды ГПНТБ СО РАН. Вып. 3).
3. Лютов С.Н., Панченко А.М. Создание полиграфической базы для академического книгоиздания в Сибири (1957–1971 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 52–56.
4. Лизунова И.В. Сибирское академическое книгоиздание: от монополизма к многообразию издательской среды // Научная книга и проблемы книжной культуры на пространстве СНГ: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 25–26 октября 2012 г.). М., 2012. С. 115–120.
5. Водичев Е.Г. Путь на Восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири (середина 50-х – 60-е гг.). Новосибирск, 1993. 204 с.
6. Российская академия наук. Сибирское отделение: исторический очерк. Новосибирск: Наука, 2007. 508 с.
7. Артемов Е.Т. Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири 1944–1980 гг. Новосибирск: Наука, 1990. 189 с.
8. Куперитох Н.А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины XX века // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2014. № 2 (28). С. 32–40.
9. Митрейкин Б.Н. Предварительные итоги деятельности Западносибирского филиала АН СССР // Вестник Академии наук СССР. 1945. № 3. С. 107–108.
10. В Президиуме Академии наук СССР. О деятельности Западносибирского филиала // Вестник Академии наук СССР. 1946. № 5–6. С. 117.
11. Иркутский научный центр СО АН СССР. Проблемы развития науки / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Иркутск, 1967. С. 3–21.
12. Книговедение: энцикл. словарь. М., 1982. 664 с.
13. Известия Восточных филиалов Академии наук СССР. 1957. № 1. С. 3.

REFERENCES

1. Lyutov S.N. The organization of academic publishing in Siberia. Pages of historical documents (1957–1958). *Bibliosfera*, 2011, no 4, pp. 37–42. (In Russ.)
2. Lyutov S.N. The creating a center of scientific publishing in Siberia in the context of the system organization of academic science (1957–1962). *Knizhnyya kul'tura Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyakh obshhestvenny'kh krizisov XIX – nachala XXI v.*: Trudy GPNTB SO RAN, 2013, iss. 3, pp. 133–140. (In Russ.)
3. Lyutov S.N., Panchenko A.M. Creation of polygraphic base for the Scientific book publishing in Siberia (1957–1971). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2014, no 3, pp. 52–56. (In Russ.)
4. Lizunova I.V. Sibirskoe akademicheskoe knigiizdanie: ot monopolizma k mnogoobraziyu izdatelskoy sredy. *Nauchnaya kniga i problemy knizhnoy kultury na prostranstve SNG. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 25–26 oktyabrya 2012 g.)*. M., 2012, pp. 115–121.
5. Vodichev E.G. The direction to the East: the formation and development of the scientific potential of Siberia (mid-50s – 60s). *Novosibirsk*, 1993, 204 p. (In Russ.)
6. Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Historical Review. *Novosibirsk: Science*, 2007, 508 p. (In Russ.)
7. Artyomov E.T. Formation and development of the academic system of scientific institutions in Siberia (1944–1980). *Novosibirsk: Science*, 1990, 189 p. (In Russ.)
8. Kupershtokh N.A. The West-Siberian Branch of the Academy of Science of the USSR: Projects and realities of the first half of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2014, no 2 (28), pp. 32–40. (In Russ.)
9. Mitrejkin B.N. Preliminary results of the West-Siberian Branch of the USSR. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1945, no 3, pp. 107–108. (In Russ.)
10. The Presidium of the Academy of Sciences of the USSR. The activities of the West Siberian branch. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1946, no 5–6, p. 117.
11. The Irkutsk science centre of the Siberian Branch of the USSR. Problems of development of science / Academy of Sciences of the USSR. *Siberian Branch. Irkutsk*, 1967, pp. 3–21. (In Russ.)
12. Bibliology: encyclopedic Dictionary. M., 1982, 664 p. (In Russ.)
13. Izvestiya Vostochnykh filialov AN SSSR. 1957, no 1, p. 3. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 06.07.2015

DOI: 10.15372/HSS20150311
УДК 930 (57) “15/19»

Д.А. АНАНЬЕВ

ИЗУЧЕНИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ В ГЕРМАНИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Денис Анатольевич Ананьев, канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: denis.ananyev@gmail.com

В статье анализируются основные тенденции развития историко-сибиреведческих исследований в Германии в XX – начале XXI в.; выявляются основные научные центры; анализируется проблематика работ, посвященных начальным векам освоения Сибири. Наибольшее внимание немецкие исследователи уделяли вопросам социально-экономического развития Сибири (К. фон Цепелин, Г. Крамер и др.); особенностям процесса территориальной экспансии России в Северной Азии (О. Хетцш); истории академических экспедиций (Э. Винтер, П. Хоффман, В. Хинцше и др.); проблеме интеграции Сибири в общероссийское пространство (Д. Дальманн, Э.-М. Столберг). В последние два десятилетия в немецком сибиреведении развиваются новые исследовательские направления, продолжается сотрудничество немецких и российских ученых в рамках международных научных проектов.

Ключевые слова: история Сибири, немецкая историография, «остфоршунг», Галле, академические экспедиции, международное научное сотрудничество.

D.A. ANANYEV

STUDYING THE PRE-REVOLUTIONARY HISTORY OF SIBERIA IN GERMANY IN THE XX – EARLY XXI CENTURIES

Denis A. Ananyev, Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher
Institute of History SB RAS
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: denis.ananyev@gmail.com

The paper attempts at reviewing and evaluating main trends in Siberian studies in Germany during the XX – early XXI centuries. The author reveals major research centers dealing with the Russian and Siberian history (Workshop on Eastern European History at the Frederick William University in Berlin; the German Society for East European Studies; Institutes of Eastern Europe at West Berlin Free University and in Munich; University of Cologne, Institute of Social Anthropology in Halle etc.); analyzes a range of problems addressed by researchers of the early period of Siberian history. It is noted that German scholars focused on the problems of socioeconomic development of Siberia (C. von Zepelin, G. Kraher, K. Wiedenfeld, Jos. Klein, W. Klumberg, H.-J. Seraphim); Russian territorial expansion in Northern Asia (O. Hötzschi); history of academic expeditions (E. Winter, G. Mühlpfordt, P. Hoffmann, E. Donnert, U. Grabosch); instruments of extending and preserving Russia's influence, and in general – problem of Siberia's integration into the Russian Empire (D. Dahlmann, C. Witzernath, C. Weiss, S. Frank, E.-M. Stolberg). During the period of confrontation between the USSR and «capitalist world» the West German historians were in fact isolated from their Soviet counterparts. «Cold War» rhetoric influenced the Siberian studies. Many authors in West Germany wrote about the aggressive and military character of colonization of Siberia and the Far East being one of the aspects of Russian expansionist policy. Despite the declining interest in Russia among Western scholars typical for the post-Soviet decades new research directions of Siberian studies in Germany are developed. The ongoing scientific cooperation between the Russian and German scholars within the framework of international research projects provide further acquisition of new historical materials along with methodological and theoretical development of Siberian historiography.

Key words: history of Siberia, German historiography, «Ostforschung», Halle, academic expeditions, international scientific cooperation.

В XX в. на Западе, в том числе в Германии, возникли специализированные научные центры, ориентированные на изучение российской истории. Значительное внимание западные исследователи уделяли сибиреведческой проблематике, предлагая новые теоретико-методологические подходы к ее разработке. Изучение сибирской истории было отмечено преемственностью, существованием историографических традиций и научных школ. Очевидно, что российским ученым необходимо учитывать опыт, накопленный за рубежом, для объективной оценки итогов и перспектив собственного развития. В настоящей статье предпринята попытка обзора и оценки основных тенденций развития сибиреведческих исследований в Германии в XX – начале XXI в.

Германоязычная историография Сибири насчитывает не одно столетие. В эпоху начального освоения русскими Сибири европейская общественность весьма охотно читала сообщения о вновь открытых землях, содержащиеся, например, в сочинениях С. Герберштейна, А. Олеария, Г.А. Шлейссинга, А. Бранда и др. [1; 2, S. 312–394]. В XVIII в. начался качественно новый этап в изучении региона, связанный с участием европейских ученых (в том числе немецких) в академических экспедициях, действовавших на территории от Урала до Северной Америки. [3; 4] Их деятельность подпитывала интерес германской общественности к североазиатским владениям России, в том числе к историческому прошлому Сибири.

В немецкоязычной литературе, опубликованной в первой половине XIX в., основное внимание уделялось начальному периоду проникновения русских за Урал [1]. Присоединение Сибири описывалось как масштабная военная кампания, при этом авторы проводили параллели между покорением Сибири казаками Ермака и завоеванием Америки конкистадорами Кортеса [5; 6].

Во второй половине XIX в. исследователи все чаще указывали на реальный экономический потенциал и геостратегическое значение Сибири, соответственно, преимущественное внимание уделялось истории хозяйственного освоения региона. В работах Э.-Г. Равенштейна, К. фон Цепелина, Г. Крамера, К. Виденфельда, Й. Кляйна, опубликованных во второй половине XIX – начале XX в., рассматривались итоги и перспективы хозяйственного развития Сибири и Дальнего Востока, значение Транссибирской магистрали, в целом – экономическая и военная политика русского правительства в Северной Азии [7; 8; 9; 10]. Проблемы крестьянской колонизации Сибири освещались в трудах В. Клумберга и Х.-Ю. Серафима (оба были выходцами из Российской империи) [11; 12]. Примечательно, что в большинстве своем указанные авторы не являлись профессиональными историками.

В начале XX в. в Германии появились специальные исследовательские структуры, ориентированные на изучение истории восточноевропейских государств, в том числе России. В 1902 г. в Берлинском университете Фридриха Вильгельма (ныне Университет им. Гумбольдта) начал работу Семинар по истории Вос-

точной Европы. В 1913 г. в столице Германии по инициативе профессора Отто Хеттша (1876–1946) возникло Немецкое общество по изучению России (с 1918 г. – «по изучению Восточной Европы»), объединившее специалистов высших учебных заведений, редакторов и журналистов (с 1925 по 1939 г. под его эгидой издавался журнал «Osteuropa»). С июля 1918 г. до 1945 г. в Бреслау действовал Институт Восточной Европы, по образцу которого создавались и другие центры «остфоршунга», возникшие в межвоенный период (в Кенигсберге, Берлине, Лейпциге) [13]. Наряду с продвижением научных исследований такого рода центры должны были содействовать решению разнообразных политических и военно-стратегических задач, стоявших перед Германией в начале века.

Внимание представителей «остфоршунга» привлекали наряду с другими и вопросы освоения русскими Северной Азии. В 1920-е гг. история сибирской колонизации воспринималась немецкими исследователями как пример успешного освоения огромного «жизненного пространства» на востоке Евразии. Изучение восточных регионов СССР предостало объединить с исследованием стран Востока, полагая, что Россия протянула через Сибирь своего рода «мост между культурами Европы и Азии» – идея, высказанная немецкими учеными (Г. Лейбницем, К. Вольфом) еще на рубеже XVII–XVIII вв.

Свой вклад в немецкую историографию Сибири внесли русские историки-эмигранты. Так, в 1937 г. в Берлине увидела свет научно-популярная работа «Покорение Сибири», неоднократно переиздававшаяся в разных странах, в том числе в англоязычном переводе [14; 15]. Ее автор Ю.Н. Семенов (1894–1977) стремился к объяснению причин, по которым России удалось сохранить свои территориальные владения в Азии, и считал незыблемость русского присутствия в регионе итогом последовательной и продуманной политики государства.

В 1930-е гг. изучение вопросов российской и сибирской истории в Германии могло быть более плодотворным, если бы немецкие исследователи не оказались жертвами политической ситуации. В числе тех представителей «остфоршунга», кто пострадал от нацистов, был и О. Хеттш, лишившийся своей университетской должности в 1935 г., после того как согласился стать научным руководителем аспиранта – польского еврея [16]. В итоге его работа, посвященная истории Азиатской России, долгое время оставалась неопубликованной и увидела свет уже после смерти автора [17].

Другой известный представитель «остфоршунга», Клаус Менерт, в отличие от своего учителя Отто Хеттша, предпочел уехать из Германии. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. он преподавал в США, в Школе Тихоокеанских и Азиатских исследований Гавайского университета. К. Менерт разработал собственную программу изучения «русской восточной экспансии», разделяя мнение своего учителя, О. Хеттша об актуальности сопоставления исторического опыта различных регионов Европы и Азии, а также отдавая долж-

ное усилиям русских по созданию континентальной державы.

В послевоенное время в ФРГ сложилась разветвленная сеть учреждений «остфоршунга». В ноябре 1949 г. в Штутгарте при содействии К. Менерта было воссоздано Немецкое общество по изучению Восточной Европы, спустя два года возобновился выход журнала «Osteuropa». В 1951 г. начал работу Институт Восточной Европы при Свободном университете в Западном Берлине [18]. В 1952 г. открылся Институт Восточной Европы в Мюнхене (в 2007 г. Институт переехал в Регенсбург, а в 2012 г. объединился с Зюд-ост-Институтом в Институт изучения Восточной и Южной Европы).

В период «оттепели», начавшейся в СССР в середине 1950-х гг., западногерманским историкам была предоставлена возможность посещать СССР. В 1958 г. соответствующее соглашение было заключено между Министерством высшего образования СССР, Академией наук СССР и Немецким исследовательским обществом (Бад-Годесберг). Впрочем, научные командировки западногерманских ученых в СССР были довольно редкими. Большинство историков предпочитали работать с фондами немецких архивных и книжных хранилищ, например, Баварской государственной библиотеки в Геттингене или библиотеки Института восточноевропейской истории при Свободном университете в Западном Берлине) [19, S. 276–277].

Специальных периодических изданий, посвященных истории Сибири и Дальнего Востока, в ФРГ не издавалось, но ряд статей по этой тематике публиковался в журналах, посвященных истории Восточной Европы и России: «Труды Института Восточной Европы. Серия «История» (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institut: Reihe Geschichte), «Ежегодники истории Восточной Европы» (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas), издаваемых с 1953 г. Институтом Восточной Европы (Мюнхен), а также в «Ежегоднике всемирной истории», «Берлинском ежегоднике восточноевропейской истории» (в 1990-х гг.) и др.

В условиях противостояния между СССР и капиталистическим миром западногерманские и советские историки работали, по сути, изолированно друг от друга. Риторика «холодной войны» повлияла и на содержание сибиреведческих исследований. Западногерманские авторы (например, Э. Саркисьянц, К. Грёппер) писали об агрессивном, военном характере колонизации Сибири и Дальнего Востока как одном из проявлений экспансионистской политики Российского государства [20; 21].

В отличие от своих коллег в США, Канаде и Великобритании, западногерманские исследователи не проявляли инициативы в деле создания специализированных сибиреведческих центров. К изучению отдельных вопросов дореволюционной истории Сибири обращались сотрудники Кёльнского университета (Г. Штёкл, Ф. Жуайе, В. Фауст, С. Штух, А. Каппелер), Мюнхенского института Восточной Европы (Г. Штадтмюллер, Г. Робель), Института восточно-

европейской истории и страноведения в Тюбингенском университете (Д. Гайер) [22; 23; 24]. В Рейнском университете им. Фридриха Вильгельма (Бонн) руководитель кафедры восточноевропейской истории Д. Дальманн проводил семинары по истории Сибири (в 1996 и 2005 гг.).

В то же время в Восточной Германии сформировалась группа специалистов (Э. Винтер, Г. Мюльпфордт [25], П. Хоффман [26]), изучавших историю научных экспедиций в Сибири в XVIII в. Во главе группы стоял Эдуард Винтер (1896–1982) – австрийский историк, после Второй мировой войны переехавший в Восточную Германию, где сначала работал в Галле, затем – в Берлине. В течение послевоенного периода многочисленные исследования по данной теме опубликовали У. Герман, Э. Матес, Э. Доннерт, У. Грабош и др. [27; 28; 29; 30].

После 1990 г. ведущим центром сибиреведческих исследований в объединенной Германии вновь становится Галле. С конца 1990-х гг. немецкие исследователи В. Хинцше, Т. Николь, Д. Дальманн совместно с российскими историками (А.Х. Элерт, О.В. Новохатко и др.) осуществляют здесь издание документальной серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» [31], проводят многочисленные конференции и выставки. С 1999 г. арктической проблематикой занимается Институт социальной антропологии в Галле, где был создан Центр сибирских исследований («Сибирская группа») под руководством К. Ханна, Г. Шлее, И.О. Хабека.

В конце XX – начале XXI в. проблемы дореволюционной истории Сибири разрабатывались такими исследователями, как Л. Томас (Берлинский университет им. Гумбольдта), В. Хинцше (Фонд Франке, Галле), Д. Дальманн (Рейнский университет им. Фридриха-Вильгельма, Бонн), К. Вайсс (Гамбургский университет), Э.-М. Столберг (Университет Дуйсбург-Эссен), К. Виценрат (Грайфсвальдский университет), С.К. Франк (Университет г. Констанц). [32, s. 16].

Исследования указанных авторов носят междисциплинарный характер, методы исторической науки сочетаются в них с методологическим инструментарием антропологии, географии, этнологии, культурологии и других дисциплин. Для современного немецкого сибиреведения также характерно разнообразие теоретических подходов и концепций. Так, влияние теории «фронта» заметно в работах Э.-М. Столберг [33] и А. Каппелера [34]; в рамках «имперского дискурса» написаны работы К. Вайсс и С. Франк. В последние десятилетия появились исследования, посвященные проблематике «воображаемой географии и пространственного мышления» (К. Вайсс, С. Франк, Э.-М. Столберг) [35; 36; 37].

В целом в XX – начале XXI в. немецкими исследователями разрабатывался широкий круг вопросов, связанных с начальными веками сибирской истории. Наибольшее внимание немецкие сибиреведы уделяли проблеме территориальной экспансии России в Северной Азии; изучению инструментов распространения и

сохранения российского влияния; проблеме интеграции Сибири в общероссийское пространство.

Несмотря на относительный спад интереса западных ученых к истории России, характерный для постсоветских десятилетий, в немецком сибиреведении развиваются новые исследовательские направления. Дальнейшим теоретическим и методологическим поискам, расширению источниковой базы способствует и продолжающееся сотрудничество российских и немецких ученых в рамках международных научных проектов. Все это позволяет надеяться, что в наступившем столетии сибиреведческие исследования в Германии выйдут на качественно новый уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Beckmann J. Literatur der Aelteren Reisebeschreibungen. Göttingen, 1807–1809. Bd. 1–2.
2. Henning G. Reiseberichte ueber Sibirien von Herberstein bis Ides. Leipzig, 1906.
3. Hintzsche W. German Scholars and the Exploration of Siberia and Alaska // Science under Sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728–1867: Cook Inlet Historical Society Symposium (Anchorage, Alaska. October 13–14, 2000). Anchorage, 2000.
4. Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18 Jahrhundert. Akademie-Verlag, 1953.
5. Becker D.G.W. Die Entdeckung von Sibirien: Nebst einer kurzen Geschichte der Kosaken. Jena: Voigt, 1813.
6. Müller W. Jermak und seine Genossen, oder die Eroberung von Sibirien. Geschichtliches Sagengemälde. Berlin, 1843.
7. Krahrmer G. Sibirien und die grosse sibirische Eisenbahn. Leipzig, 1897.
8. Wiedenfeld K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung. Berlin, 1900.
9. Zepelin C. von. Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit und seine Lage nach dem Russisch-Japanischen Kriege // Russland in Asien Bd. VIII, IX, XI. Berlin, 1907–1911.
10. Klein Jos. Der Sibirische Pelzhandel und Seine Bedeutung für die Eroberung Sibiriens. Bonn, 1906.
11. Klumberg W. Die Kolonisation Rußlands in Sibirien, Zürich 1914. (Diss.). Zürich: Gebr. Leemann, 1914. 124 s.
12. Seraphim H.-J. Die ländliche Besiedlung Westsibiriens durch Russland. Jena: Fischer, 1923. 204 s.
13. Spiru B. Ostforscher-Ostfaelscher-Ostfahrer // Jahrbuch fuer Geschichte der UdSSR und der volksdemokratistischen Laender Europas. 1959. Bd. 3.
14. Semjonow Y. Die Eroberung Sibiriens, ein Epos menschlicher Leidenschaften, der Roman eines Landes. Berlin, 1937.
15. Semjonow Y. The Conquest of Siberia: an Epic of Human Passions. L., 1944.
16. Burleigh M. Germany Turns Eastward: a Study of Ostforschung in the Third Reich. Cambridge, 1988.
17. Höttsch O. Russland in Asien: Geschichte einer Expansion. Stuttgart, 1966.
18. Восленский М.С. Организация «остфоршунга» и его место в системе боннской психологической войны // Критика западногерманского «остфоршунга». М., 1966.
19. Geyer D. Die Geschichte Russlands in den historischen Forschung der BRD und Westberlins // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Stuttgart, 1976. Jg. 27, h. 5.
20. Sarkisyanz E. Russian Imperialism Reconsidered // Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution / ed. by T. Hunszak. New Brunswick; New Jersey, 1974.
21. Gröppler C. Die Geschichte der Kossaken. Der wilde Osten (1500–1700). München, 1976.
22. Stöckl G. Die Entstehung des Kosakentums. München, 1953.
23. Joyeux F. Der Transitweg von Moskau nach Daurien: sibirische Transport- und Verkehrsprobleme im 17 Jahrhundert. Köln, 1981.
24. Stadtmüller G. Geschichtliche Ostkunde. München; Stuttgart: Bogen-Verlag, 1963.
25. Mühlpfordt G. Halle-Leipziger Aufklärung. Kernstück der mitteldeutsche Aufklärung. Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 2001.
26. Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller (1705–1783). Frankfurt am Main, 2005.
27. Donnert E. Russische Forschungsreisen und Expeditionen im 18 Jahrhundert // Donnert E. (Hg.). Gesellschaft und Kultur Russlands in der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts. Teil 2: Literatur, Wissenschaft und Bildung. Halle, 1983.
28. Gehrman U. Казачество восточных регионов России в освещении немецких источников XVIII века // Australian Slavic and East European Studies. 1993. Vol. 7, N 1.
29. Grabosch U. Studien zur deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Halle (Saale), 1985.
30. Matthes E. Das veränderte Rußland. Studien zum deutschen Rußlandverständnis im 18 Jahrhundert zwischen 1725 und 1762. Frankfurt am Main, 1981.
31. Gerhard Friedrich Müller: Ethnographische Schriften I. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen zu Halle, Harrassowitz Verlag in Kommission, 2010. VIII. Bd. I: Beschreibung der sibirischen Völker (1736–1747).
32. Dahlmann D. Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn: Schöningh, 2009.
33. Stolberg E.-M. The Siberian Frontier and Russia's Position in World History: A Reply to Aust and Nolte // Review (Fernand Braudel Center). 2004. Vol. 27, N 3. P. 243–267.
34. Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. Beck; München, 1992.
35. Kusber J. Mastering the imperial space: The case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research // Ab Imperio. 2008. Vol. 4. P. 52–74.
36. Weiss C. Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19 Jahrhundert. Göttingen, 2007.
37. Frank S.K. Imperiale Aneignung: diskursive Strategien der kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur. Fink Wilhelm GmbH + CompanyKG, 2007.

REFERENCES

1. Beckmann J. Literature of Old Journey Notes. Göttingen: Röwer, 1807–1809. Bd. 1–2. (In Germ.)
2. Henning G. Travel Accounts about Siberia from Herberstein to Ides. Leipzig: Naumann, 1906. (In Germ.)
3. Hintzsche W. German Scholars and the Exploration of Siberia and Alaska. Science under Sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728–1867: Cook Inlet Historical Society Symposium (Anchorage, Alaska. Oct. 13–14, 2000). Anchorage, 2000.
4. Winter E. Halle as a Starting Point for Russian Studies in Germany in the XVIII Century. Akademie-Verlag, 1953, 502 p. (In Germ.)
5. Becker D.G.W. The Discovery of Siberia: with a short history of the Cossacks. Jena: Voigt, 1813. 124 S. (In Germ.)
6. Müller W. Yermak and His Comrades, or the Conquest of Siberia. As Depicted in Historical Legends. Berlin: Deutsche Verlags-Buchhandlung, 1843. Bd. 1–2. 270+231 p. (in Germ.)
7. Krahrmer G. Siberia and the Great Siberian Railroad. Leipzig: Zuckschwerdt & co, 1897. (in Germ.)
8. Wiedenfeld K. The Siberian Railroad in its Economic Significance. Berlin: Springer, 1900. (in Germ.)
9. Zepelin C., von. The Far East, its Geschichte, its Development in the Modern Time and its Condition after the Russo-Japanese War. Russland in Asien Bd. VIII, IX, XI. Berlin: Verlag von Zuckschwerdt & Co., 1907–1911. (in Germ.)

10. Klein Jos. The Siberian Fur Trade and its Significance for the Conquest of Siberia. Bonn: Buchdr. S. Foppen, 1906. (in Germ.)
11. Klumberg W. Russian Colonization in Siberia. (Diss.). Zürich: Gebr. Leemann, 1914, 124 p. (in Germ.)
12. Seraphim H.-J. Russian Settlement in Western Siberia. Jena: Fischer, 1923, 204 p. (in Germ.)
13. Spiru B. Researchers, Falsifiers and Drivers of "Ostforschung". *Jahrbuch Für Geschichte der UdSSR und Der Volksdemokratischen Länder Europas*. 1959. Bd. 3. (in Germ.)
14. Semjonow Y. The Conquest of Siberia: an Epic of Human Passions. A Novel of the Land. Berlin, 1937. 395 p. (in Germ.)
15. Semjonow Y. The Conquest of Siberia: an Epic of Human Passions. London, 1944. 356 p.
16. Burleigh M. Germany Turns Eastward: a Study of Ostforschung in the Third Reich. Cambridge, 1988. 351 p.
17. Höttsch O. Russia in Asia: History of Expansion. Stuttgart, 1966. 176 p. (in Germ.)
18. Voslenskiy M.S. Organization of "Ostforschung" and Its Role in the System of Bonn's Psychological War. *Kritika zapadnogermanskogo "ostforschunga"*. Moscow, 1966, pp. 91–104 (In Russ.)
19. Geyer D. The History of Russia in Historiography of West Germany and West Berlin. *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. Stuttgart, 1976. Jg. 27. H. 5. S. 273–296 (in Germ.).
20. Sarkisyantz E. Russian Imperialism Reconsidered. *Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution* / ed. T. Hunszak. New Brunswick; New Jersey, 1974.
21. Gröppler K. History of Cossacks. The Wild East (1500–1700). München: C. Bertelsmann Verlagsgruppe, 1976. (in Germ.)
22. Stöckl G. The Emergence of Cossacks. München, 1953. (in Germ.)
23. Joyeux F. The Transit Way from Moscow to Dauria: Siberian Transport and Transportation Problems in the XVII Century. Koeln, 1981. 286 p. (in Germ.)
24. Stadtmüller G. Eastern Historical Studies. Munich; Stuttgart: Bogen-Verlag, 1963. 158 p. (in Germ.)
25. Mühlpfordt G. The Enlightenment in Halle and Leipzig. The Core Area of the Mid-German Enlightenment. Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 2011. 389 p. (in Germ.)
26. Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller (1705–1783). Frankfurt am Main, 2005, 393 p. (in Germ.)
27. Donnert E. Russian Research Journeys and Expeditions in the XVIII Century. Donnert E. (Hg.). *Gesellschaft und Kultur Russlands in der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts*. Teil 2; Literatur, Wissenschaft und Bildung, Halle 1983. (in Germ.)
28. Gehrman U. The Cossacks of the Eastern Regions of Russia as Depicted in the XVIII-Century German Sources. *Australian Slavic and East European Studies*. 1993, vol. 7, N 1. (In Russ.)
29. Grabosch U. Essays on the History of Russian Studies in Germany in the XVIII Century. Halle (Saale), 1985, 312 p. (in Germ.)
30. Matthes E. Modified Russia. Studies on Russia's perception in Germany in the XVIII Century (between 1725 and 1762). Frankfurt am Main, 1981, 566 p. (in Germ.)
31. Gerhard Friedrich Müller: Ethnographic Notes I. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen zu Halle, Harrassowitz Verlag in Kommission, 2010. VIII. Vol. Description of Siberian Peoples [1736–1747], 417 p. (in Germ.)
32. Dahlmann D. Siberia. From the XVI Century to the Present. Paderborn: Schöningh, 2009, 438 p. (in Germ.)
33. Stolberg E.-M. «The Siberian Frontier and Russia's Position in World History: a Reply to Aust and Nolte». *Review (Fernand Braudel Center)*. 2004, vol. 27, No. 3, pp. 243–267.
34. Kappeler A. The Russian Empire: a Multiethnic History. Emergence, History, Downfall. Beck, München 1992, 395 p. (in Germ.)
35. Kusber J. Mastering the Imperial Space: the case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research. *Ab Imperio*. 2008, vol. 4, pp. 52–74.
36. Weiss C. How Siberia Became «Ours»: the Russian Geographic Society and its Influence on the Images and Vision of Siberia in the XIX Century. Goettingen, 2007, 261 p. (in Germ.)
37. Frank S.K. Imperial Appropriation: Discourse Strategies of Siberia's Colonization through the Russian Culture. Fink Wilhelm GmbH + CompanyKG, 2007, 448 p. (in Germ.)

Статья принята
редакцией 08.06.2015

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.15372/HSS20150312
УДК 94(47+57)+271.22

Н.Д. ЗОЛЬНИКОВА

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ТУВУ В 1967 г. (К 85-летию со дня рождения академика РАН Н.Н. Покровского)*

Наталья Дмитриевна Зольникова, д-р ист. наук,
главный научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: nnpokrov@gmail.com

Статья посвящена одной из первых экспедиций выдающегося российского историка, источниковеда, археографа, академика РАН Н.Н. Покровского, начавшего обследование старообрядческих поселений Сибири в середине 1960-х гг. Проведен анализ полевого дневника Тувинской группы 1967 г.: рассмотрены состав экспедиции, структура опросов (примерно реконструирован «вопросник», употреблявшийся при работе со староверами), установлено влияние этнографических принципов обследования поселений и применение методов, позже характерных для российской социологии. Методы работы археографов анализируются на примере дневниковых записей, посвященных знаковым фигурам местного старообрядческого общества; проведено сравнение с принципами работы в тех же местах антирелигиозного пропагандиста А.Ф. Емельянова.

Ключевые слова: археографы, старообрядчество, скиты, самоуничтожения, антирелигиозная политика, «свои» и «чужие».

N.D. ZOLNIKOVA

ARCHAEOGRAPHIC EXPEDITION TO TUVA IN 1967 (On the 85th Birthday Anniversary of Academician of RAS N.N. Pokrovskiy)

Natalia D. Zolnikova,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
Institute of History SB RAS
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: nnpokrov@gmail.com

The article aims to define methods and objectives of the fieldwork carried out among the Siberian Old Believers by Academician of RAS N.N. Pokrovsky – an outstanding Russian historian, expert in source studies and archaeography. For this purpose the author has studied the field journal written in 1967 mostly by the students who had completed their first year at the Division of History of the Departments of Humanities of the Novosibirsk State University. They were members of the Tuvian Group of the Archaeographic Task Force of the Siberian Branch, USSR Academy of Sciences. Scope of research included the structure of “questionnaire” whose elements were repeated practically in each interview; an attempt was made to determine the impact of methods of related human sciences. Characteristic features of the field work carried out by the research group and its leader are considered through the example of description of symbolic figures of Old Belief. These included Father Palladius, hegumen of all Tuvian sketes (small monasteries), and I.F. Rukavitsyn who had left Old Believers for the Bolsheviks during the Civil War in Tuva but retained ties with his previous environment. Aims and methods of N.N. Pokrovsky’s work have been compared with these of A.F. Emelyanov – a writer who had

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ (№ 14-01-00217а).

had anti-religious talks with Tuvian Old Believers having access to the classified materials from investigative cases of the 1920s-1930s, including cases of self-destruction. Comparison has also been made within the system “ours”- “alien”. The article presents both general scientific methods and those that are appropriate for the historical anthropology. The research findings include establishing the fact that N.N.Pokrovsky used in his fieldwork practices of classical ethnography and intuitively applied methods that were later described in sociology textbooks published in Russia. The author ascertains that there was a strict division between “ours” and “alien” peculiar to the anti-religious literature while the contacts between Old Believers and archaeographers changed the content of these concepts.

Key words: archaeography, Old Believers, sketes, self-destruction, antireligious policy, their own and others.

Экспедиции Сибирского отделения АН СССР к староверам, возглавляемые Н.Н. Покровским, принесли много открытий. Были обнаружены неожиданно большие и разнообразные крестьянские библиотеки, связанные с церковнославянской традицией. Она поддерживалась не только сохранением книг, но и их перепиской, а также созданием новых сочинений, не исчез даже древний рецепт составления чернил из сажи и чернильного орешка. Археографы своими глазами увидели, что не умерло и умение делать кожаные книжные переплеты, украшать их с помощью изготовленных по древним образцам штампов, снабжать особыми застёжками: все это было нужно как для реставрации старых книг, так и для недавно написанных произведений крестьянской старообрядческой письменности. Уже в первых поездках к староверам, начавшихся в середине 1960-х гг., удалось получить в дар старопечатные книги и рукописи, которые заложили основу Собрания Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне – Институт истории СО РАН). Сейчас оно насчитывает более 1500 единиц хранения.

Экспедиции в Туву были первыми, которые предпринял Н.Н. Покровский, приехав в Новосибирск. В Собрании Института истории СО РАН хранятся полевые дневники большинства археографических групп. Самый интересный из тувинских – дневник 1967 г. (второе посещение Тувы). Он чрезвычайно подробен, информативен и позволяет увидеть, по какому плану строилась археографическая работа, какова была структура опросов. Благодаря тому, что Николай Николаевич начал преподавать в НГУ, он смог взять с собой студентов: началась подготовка будущих специалистов.

Конечно, далеко не все, кто ездил в экспедиции, потом стали археографами. Но впечатления от полевой работы со староверами никем никогда забыты не были. Во всяком случае, та троица лучших студентов, окончивших 1-й курс отделения истории гумфака НГУ в 1967 г. и отправившихся с Н.Н. Покровским в Туву, получила бесценную выучку, несомненно, ей пригодившуюся. Г.П. Енин защитил под руководством Н.Н. Покровского дипломную работу на тему, связанную как с сибирским старообрядчеством, так и с молодой в тогдашней России социологией, на которую возлагалось много надежд: «Борьба старых и новых средств массовой коммуникации в современной старообрядческой общности». Он работал сначала в институте у Н.Н. Покровского, затем, переехав в Ленинград, устроился в Государственную публичную библиотеку

им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (РНБ); несколько лет назад вышел на пенсию, будучи д-ром ист. наук, ведущим научным сотрудником Отдела рукописей. О.К. Крокинская стала видным социологом (первый опыт работы по будущей специальности – в Туве!), ее супруг А.Д. Марголис, один из лидеров своего курса, после окончания НГУ украсил собой коллектив сотрудников музея Петропавловской крепости Ленинграда (работал заместителем директора), с 1991 по 2012 г. – генеральный директор Международного благотворительного фонда спасения Петербурга-Ленинграда, ныне – канд. ист. наук, сопредседатель президиума Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по Санкт-Петербургу.

Именно эти студенты-первокурсники заполняли основную часть дневника (ряд записей сделан супругой Н.Н. Покровского – З.В. Бородиной, его спутницей в первых экспедициях). Конечно, дневниковые записи невозможно сравнить с фиксацией рассказов информантов, которая стала практиковаться позже, когда стали доступны диктофоны. По свидетельству О.К. Крокинской, дневник 1967 г. – плод коллективных усилий: перед тем, как перенести добытые сведения на бумагу, они обсуждались в кругу археографов, нередко – у костра. Так что кто бы непосредственно ни заполнял очередные страницы, они содержали все те сведения, которые вспомнили вместе. В том случае, если что-то было забыто, вносились дополнения – для них специально оставляли свободной оборотную часть страницы. Н.Н. Покровский дневник внимательно просматривал, в нем много его правки, как содержательной, так и стилистической; иногда встречаются и его собственные записи.

Несомненно, экспедиции предшествовала подготовка. Археографам предстояло столкнуться со сложным миром затерянного в горах старообрядчества с его совершенно непривычной системой взглядов и книжной культурой, не похожей на современную. Старообрядческий мир в значительной степени воспринимался как «чужой», предстояло изучить его законы и попытаться понять. Читая дневник, видишь, с каким напряжением этого добивались и студенты – начинающие ученые, и их руководитель Н.Н. Покровский, к тому времени давно состоявшийся как незаурядный источниковед – исследователь средневековой России. О.К. Крокинская, ныне – доктор социологических наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена (Петербург), рассказывает своим студентам об экспедиции 1967 г. в курсе «Методы социологического исследования», в разделе «Включенное наблюдение». Она свидетель-

стает, что хотя социологической подготовки никто из членов группы не имел, в ее работе «можно выделить формы и процедуры, полностью соответствующие научным требованиям... Николай Николаевич работал... в режиме глубокого экспертного интервью, оставив наблюдение среды нам, мы были его глаза и уши за пределами собственно разговоров. Основные правила поведения в качестве “глаз и ушей” мы... обсуждали на подготовительных занятиях»¹.

В дневнике подробнейшим образом записывались все детали рассказов староверов, с которыми состоялись беседы. И эта информация явно структурирована: чаще всего обязательно присутствуют данные о местах выхода, миграциях, семейном положении, родственных и дружеских (иногда – недружественных!) связях, отношениях к старообрядческим монастырям (скитам), отношениях с властью и ее институтами как в прошлом, так и в настоящем. Постоянны расспросы о круге чтения (как светской, так и церковной литературы), о личных и общинных или же скитских библиотеках церковнославянских старопечатных книг и рукописей. Немало места уделялось старообрядческой догматике и обрядности, рассказам о чудесах. Когда возможно, археографы старались выяснить отношение староверов к сравнительно недавним событиям довоенного времени, большая часть свидетелей которых еще была жива. В особенности интересовали сведения о самоуничтожениях, а также объяснения староверами их причин: в 1920–1930-е гг. среди старообрядцев Тувы было несколько вспышек этих трагических событий – как и века назад, связанных с определенными действиями властей.

Значительная часть дневника посвящена подробному описанию старообрядческих скитов, ориентированных (хотя и не полностью) на натуральное хозяйство. Только что описанный «вопросник» здесь дополнялся целыми разделами, основанными на разработках классической этнографии: землепользование, возделываемые культуры, домашний скот, ремесла, обмен (в большой степени без участия денег), жилища, одежда, пища, быт.

Обширная биографическая информация о староверах, другие разнообразные сведения, собранные участниками экспедиции, помогли создать на страницах дневника насыщенную красками картину жизни старообрядчества Тувы в настоящем и прошлом. Одной из самых ярких фигур, вокруг которой концентрировались многие события и к которой притягивался общий интерес, несомненно, был о. Палладий (Петр Карпович Чунарев) – духовный отец монахинь женских скитов, живший в особой келье на территории главного из них². Не удивительно, что ему посвящена изрядная часть текстов дневника.

¹ Крокинская О.К. Письмо от 24.05.2015 (личный архив автора).

² Собрание рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН. Дневник тувинской группы археографического отряда экспедиции ИИФ СО АН, 1967 г. (дневник № 4, тетрадь № 1). С. 40–71 и др.

Отец Палладий обладал очень высоким авторитетом уже при жизни, а после его смерти в Урало-Сибирском патерике, созданном староверами Нижнего Енисея во второй половине XX в., об о. Палладии написано как о человеке, прославившемся чудотворением (имел способность отыскать воду, «ключ», в безводной гористой местности, обладал даром предвидения и т.д.) Рассказ о нем в Патерике построен в соответствии с древнерусскими традициями как повествование о святом в чине преподобного [1, с. 143–150]. К наиболее устойчивым топосам преподобного в православной литературе относятся усердие в молитве и церковной службе, твердость в вере, терпение, труд на благо обители, аскетическое подвижничество, уход от богатства, вообще от мирских соблазнов и т.д. Преподобные, как правило, обладают различными божественными дарами вплоть до чудотворения [2, с. 498, 499].

Записанные в дневнике со слов одной из монахинь и самого о. Палладия биографические сведения о нем также укладываются в рамки традиционной биографии святого: родился в состоятельной (хотя и крестьянской) благочестивой семье, с ранней юности интересовался богословием, пристрастился к книгам, отказался от брака, на котором настаивали родители, даже уходил из дома в связи с этим, преследовался властями (трижды арестовывался в 1930–1940-е гг.), что староверами расценивалось как страдание за веру.

Однако в ходе более широкого опроса обнаружилось, что в старообрядческой среде можно было встретить и прямо противоположную оценку о. Палладия, правда, она оказалась связанной с «идейными разногласиями». Среди староверов, в том числе в Туве, существовали разные представления об антихристе и завершении земной истории. Одни утверждали, что он явится в человеческом образе за 3,5 года до конца света (теория чувственного антихриста). Другие были убеждены, что антихрист духовно господствует в России еще со времени церковной реформы патриарха Никона (теория духовного антихриста). Противостояние адептов этих двух воззрений иногда принимало ожесточенные формы. Так, одна из сторонниц духовного понимания антихриста, обличая противоположную позицию главы тувинских скитов, которую, видимо, рассматривала как ересь, резко высказалась в адрес о. Палладия: «...он сам идет в ад и других за собой тянет»³.

Метод «включенного наблюдения» добавил и другие интересные детали к образу главы тувинских скитов. О. Палладий владел несколькими ремеслами. В ссылке он работал в бригаде плотников и бондарей. Под крышей его кельи располагались и две мастерские: «столярка и кузнечно-слесарная с полным набором инструментов... Келья является и мастерской по переписке книг. Часть переплетного инструмента – в сенях»⁴. Наиболее ортодоксальные члены скитов старались избегать купленных вещей (поступивших из

³ Собрание рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН. Дневник тувинской группы... С. 17.

⁴ Там же. С. 65.

мира, где господствует если не сам антихрист, то его прислужники). Свою обувь, тяжелые сапоги, о. Палладий шил сам. Его «чин» (монашеское одеяние) тоже был самодельным – очевидно, работы скитских матушек. С другой стороны, члены экспедиции видели у него «плащ явно промышленной выделки»; пользовался он и компасом. Богослужения (часто по многу часов подряд) о. Палладий никогда не пропускал и не прерывал ради каких-либо дел, во все их продолжение стоял, хотя в последние годы ради старческой немощи иногда стал «присаживаться». Аскетические подвиги о. Палладия имели и другие ограничители – например, в умерщвлении плоти: каждый вечер перед сном он пламенем свечи уничтожал в своей келье паразитов (клопов, вшей) – это было, как записал в дневнике Н.Н. Покровский, «эффектное зрелище»⁵.

О. Палладий обладал, по-видимому, выдающейся способностью налаживать контакт с «чужими». Так, сначала у скитов были проблемы с тувинцами, которые «чинили им обиды». Но игумен стал помогать им в голодное время (дарил муку), и мирные отношения наладились. Тувинцы в ответ помогали даже чинить «заплоты» вокруг скитских выпасов и пашен⁶. Такое поведение отшельника вполне укладывается в представление о православных добродетелях. Но иногда христианское терпение превращалось в социальный компромисс. Один из ярких примеров – сотрудничество о. Палладия со своим бывшим врагом, Иваном Федоровичем Рукавицыным, который незадолго до приезда в скит археографов активно помогал в обновлении и расширении обветшавших скитских построек, в том числе часовни.

И.Ф. Рукавицын – фигура яркая и неоднозначная, что подтверждали все, кто имел с ним дело. Семья староверов Рукавицыных попала в Туву непрямым путем: ее глава, Федор Рукавицын, из Нижнего Тагила еще до революции мигрировал на Алтай, а в 1917 г., уже после исчезновения монархии, переехал в Урянхай (название Тувы до 1921 г.) В 1967 г. там жили трое его детей: И.Ф. и Г.Ф. Рукавицыны (и их семьи), а также м. Измарагда (Зинаида Федоровна) – одна из самых строгих старообрядческих черноризниц. Все они, как и о. Палладий, грамотные, но учились дома, освоив как церковнославянские книги, так и крюковое пение.

Но если Гермоген Федорович и м. Измарагда всегда оставались истовыми староверами, то Иван Федорович выбрал себе иной удел. Поворотной в его судьбе стала Гражданская война в Туве (1917–1921). Он, по выражению о. Палладия, «ушел в большевики», о чем, как зафиксировала дневниковая запись, «до сих пор жалеет весь скитской мир: он (по словам матушек), отлично знает службу, имеет прекрасный слух и голос, поет и демевственным, и знаменным распевом»⁷. По рассказу одной из староверок, И.Ф. Рукавицын совсем молодым (родился в 1897 г.) воевал в партизанах, затем

очень активно участвовал в утверждении советской власти, причем с годами его влияние усиливалось. С религией тогда он, во всяком случае формально, порвал: в 1920-е гг. он был парторгом в Ужепе. Многие его бывшие единоверцы, как отмечено в дневнике, «до сих пор считают, что все основные мероприятия против скитов и вообще староверов предпринимались в то время по инициативе Рукавицына». Разгромы скитов, аресты, принудительная паспортизация вызвали в 1920–1930-е гг. массовые самоуничтожения среди староверов Тувы, что ставилось в вину ему же.

Мрачный образ ренегата дополнялся рассказами о том, что после ликвидации одного из женских скитов И.Ф. Рукавицын одну из молодых монахинь, м. Варсонофию, взял второй женой – при наличии в доме первой супруги с детьми. Двое маленьких детей Варсонофии, прижитые в этом странном браке, умерли во младенчестве. Варсонофия уже после войны вернулась к скитской жизни, а И.Ф. Рукавицын продолжал процветать в прежнем качестве. Правда, о. Палладий утверждал, что и в 1930-е гг. И.Ф. «неискренне помогал властям, пытался работать на две стороны, за что был арестован и 2 месяца (в одно время с о. Палладием) находился в заключении». По-видимому, стремление реабилитироваться заставило И.Ф. донести на о. Палладия в 1945 г., что он «проводил антисоветскую агитацию и призывал уклоняться» от армии. Тогда обвинения против Палладия доказать не удалось, и его в конце концов отпустили. И.Ф. Рукавицын ставил себе это в заслугу, отрицая факт доноса и утверждая, что советовал о. Палладия отпустить, не делать из него мученика.

После 1945 г. власть несколько ослабила жесткую политику против тувинских скитов. И.Ф. Рукавицын объявил и это исключительно своей заслугой, рассказывая, что неоднократно обращался в обком, призывая прекратить репрессии и действовать исключительно убеждением. Этот миф он активно распространял в 1960-е гг., потеряв к концу 1950-х гг. прежнее влияние во властных сферах, но наладив «широкую сеть небезвыгодных для него экономических связей со скитами»: он использовал помощь скитов в своем хозяйстве – на покосах и т.п.⁸ По собственному признанию староверов, немалое значение в отношении к Рукавицыну имели воспоминания о его роли в довоенные годы и убеждение, что он в какой-то степени продолжает сохранять влияние на власть.

Дневниковые записи тувинской археографической группы 1967 г. – не единственный источник сведений о старообрядчестве Тувы. Им посвящена изрядная литература, призванная изобличать «фанатиков и изуверов», сбивающих народ с социалистического пути. Несколькими годами позже первых археографических экспедиций по этому же краю проехал с расспросами и атеистическими беседами поэт и журналист А.Ф. Емельянов, позже отчитавшийся о них книгой очерков. Первое издание книги вышло в 1978 г. в Ту-

⁵ Там же. С. 47–48, 52.

⁶ Там же. С. 45 об., 46.

⁷ Там же. С. 105–106.

⁸ Там же. С. 68, 69, 106–110.

винском книжном издательстве. Определенный корпус фактического материала (в основном биографии, некоторые заметки о быте) совпадал с наблюдениями археографов. А вот чего у них тогда не могло быть, но оказалось в распоряжении журналиста – материалы судебно-следственных дел 1920–1940-х гг., касающиеся староверов Тувы. В частности, у А.Ф. Емельянова изложена подробная история старообрядческих самоубийств в 1920–1930-е гг., имеются датированные биографические данные о многих староверах. Но такие дела обычно хранятся в засекреченных фондах; допуск к ним получали лишь люди, облеченные доверием власти и соответствующим «спецзаданием»⁹.

Попытка навязать староверам «советский образ жизни» и убеждения, сделать их «своими» для власти вела журналистов к соответствующему способу изображения прошлого и настоящего староверия. Естественно, все судебно-следственные клише тогдашнего правосудия, направленного в данном случае на уничтожение религии, сопротивления коллективизации и т.д., заимствовались такими журналистами с полным доверием, без какого-либо критического осмысления. Все, что было непонятным и чуждым в идеологии старообрядчества для проповедников атеизма, объявлялось ими проявлением изуверства, отсталости и фанатизма. При этом часто подтасовывались факты. Так, история ни с чем не сообразного сожительства И.Ф. Рукавицына со скитской монахиней Варсонофией в одном доме с его семьей подана как рыцарское стремление И.Ф. приобщить ее к колхозной жизни, омраченное деревенскими сплетнями (о прижитых детях умалчивается) [4, с. 56].

И.Ф. Рукавицын показался журналисту «человеком... загадочным и непонятным»: он считался атеистом, «выступал против религии на собраниях и с беседами, – и одновременно помогал монахам строить кельи, запастись топливом и продовольствием, а заодно поставлял... самую разнообразную информацию». Надо отдать должное А.Ф. Емельянову, он отметил реальную двойственность натуры и своекорыстие «загадочного» человека: «...содержал у них (жителей скитов. – Н.З.) свой скот и покосы, использовал монахов как рабочую силу, а они считали его своим человеком» [4, с. 43–46 и др.].

В его книге И.Ф. Рукавицын явно предстает переходным звеном между «чужими» и «своими». То обстоятельство, что старовер мог быть активным сторонником советской власти, казалось, видимо, очень привлекательным журналисту, озабоченному своей сверхзадачей. Он всячески подчеркивал положительную, с его точки зрения, сторону биографии И.Ф. Рукавицына, перечисляя его заслуги и награды, а также примерную жизнь детей-передовиков (они уже воспринимаются как абсолютно «свои»). Что касается о. Палладия, он (как и другие монахи) предстает пара-

зитом, присосавшимся ради материальных благ к доверчивому крестьянству, которое агитировал против советской власти и за самоуничтожение (не мысля этой участи для себя). В целом жизнь игумена тувинских скитов предстает смесью дикости и лицемерия, а сам он позиционируется как представитель того «чужого», что достойно в лучшем случае изживания [4, с. 11, 26, 72–78 и др.].

Такова была заранее заданная атеистическая «истина», которую не нужно было искать, а следовало лишь убедительно проиллюстрировать – константа религиозного сознания, известная с древнейших времен. Научный поиск археографов имел совершенно другие цели (они описаны выше): искомая истина не была ангажирована. Несомненно, исследователи зависели от своей культуры и поначалу воспринимались староверами как «чужие»; впрочем, аналогично и старообрядцы – археографами. Длительное общение, направленное на стремление понять, а не унижить или разоблачить, постепенно выводило ученых из области «враждебного чужого» в некое промежуточное положение между «чужим» и «своим» (но на иных основаниях, нежели характерных для И.Ф. Рукавицына!) Поиск истины, на который археографы часто ссылались при объяснении причин своего интереса к староверам, как таковой был внятен их сознанию (хотя каждая сторона, несомненно, трактовала его по-своему). Плодотворные контакты, длившиеся десятилетиями, принесли выдающийся результат, и это одна из главных заслуг Николая Николаевича Покровского – исследователя энциклопедического уровня, которого именно молва староверов наградила званием академика задолго до решения ученого сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. / отв. ред. Н.Н. Покровский; изд. подг. Н.Н. Покровский, О.Д. Журavel, Н.Д. Зольникова. М.: Языки славянской культуры, 2014. Кн. 1, т. 1–2. 462 с.
2. Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57.
3. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002. 471 с.
4. Емельянов А.Ф. От мира не уйти: документальные повести и очерки. Кызыл, 1984.

REFERENCES

1. Ural-Siberian Patericon: Texts and Comments. In 3 vols. Ed.-in-chief N.N. Pokrovsky. Edition prepared by N.N. Pokrovsky, O.D. Zhuravel, N.D. Zolnikova. M.: Languages of Slavic Culture, 2014, book 1, vol. 1–2. (In Russ.)
2. Rudi T.R. On Composition and Topography in the Hagiography of the Venerable. *TODRL*. Spb., 2006, vol. 57. (In Russ.)
3. Pokrovsky N.N., Zolnikova N.D. Chasovennyye Old-Believers in the East of Russia in the XVIII–XX Centuries. M., 2002. 471 p. (In Russ.)
4. Yemelyanov A.F. One Can't Escape the World. Documentary stories and essays. Kyzyl, 1984. (In Russ.)

⁹ На подобных материалах был написан антирелигиозный очерк А. Шамаро о нижегородских староверах и их скитах [3, с. 264–265].

DOI: 10.15372/HSS20150313
УДК 94(47).083/084.5

В.Н. ФАРОНОВ

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РАБОЧИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Вячеслав Николаевич Фаронов, канд. ист. наук, докторант,
Алтайский государственный университет (АлтГУ)
РФ, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61 а
e-mail: faronoff-vn@mail.ru

В статье исследуется состояние социального обеспечения рабочих Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Несоблюдение техники безопасности, потогонная система эксплуатации рабочего класса, невежество самих рабочих приводили к значительному росту травматизма и профессиональных заболеваний. В большинстве случаев нетрудоспособные рабочие оставлялись на произвол судьбы. Однако государство совершенствовало законы, по которым рабочие, получившие травму на производстве, или члены их семей в случае гибели рабочего на производстве могли получать денежные компенсации. Но эти меры разрешали проблему лишь отчасти. При этом государство предоставляло компенсации казенным рабочим, не особенно заботясь о рабочих частного сектора.

Ключевые слова: рабочие, Сибирь, социальное обеспечение, пенсия, профессиональное заболевание, инвалидность, социальное законодательство.

V.N. FARONOV

SOCIAL SECURITY OF DISABLED WORKERS OF WESTERN SIBERIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Vyacheslav N. Faronov,
Candidate Of Historical Sciences, Doctoral Candidate,
Altai State University (ASU)
61a Lenin Str., Barnaul, Altai Region, 656049, Russia
e-mail: faronoff-vn@mail.ru

The article's objective is to determine the status of social security for workers in Western Siberia in the late XIX – early XX centuries; to characterize measures taken by the government for improvement of situation and to assess their efficiency.

Since the late XIX century the new stage of modernization had begun in Siberia, characterized by the beginning of industrialization and industrial revolution in all sectors of economy. The working class emerged, and one of the pressing issues it faced was inadequate social security for those workers who became disabled through occupational injuries or because of old age. Failure to comply with safety regulations, exploitation of workers in sweatshops, as well as workers' ignorance led to a significant increase in occupational accidents and diseases. The majority of disabled workers were left to their fate and if they had no relatives able to take care of them, they were simply doomed to death, poverty or crime.

However, the government took legislative measures to improve situation in welfare. According to the new laws in the case of occupational injury or death the workers or family members could receive monetary compensations. However, all these measures only partially addressed the problem, so the general situation remained unchanged. The author notes that remnants of estate system affected the State's attitude towards social security for workers. The government provided compensation for state workers, with no regard for workers in private sector.

The research is based on methodological framework of modernization theory. Underlying the study are the principles of historicism, determinism and consistency. Correlation between legislation and the state of affairs in the sphere of social security for workers are investigated based on a historical-systematic method, while the diachronic method is applied to study how this process developed over time.

Key words: workers, Siberia, social security, pension, occupational disease, disability, social legislation.

О злободневности вопроса выплат компенсаций в случае потери рабочими трудоспособности можно судить по далеко не полной статистике роста несчаст-

ных случаев среди рабочих горных округов Сибири: в 1904 г. пострадало 1,4 % горнорабочих, в 1909 г. – 1,5, в 1911 г. – 5,5 % [1, с. 47–48]. Всего же, согласно офици-

альным данным, на предприятиях горнозаводской промышленности Сибири с 1895 по 1916 г. от несчастных случаев пострадали 28 021 рабочий (35 чел. на 1 тыс. рабочих), из которых 724 погибли [2, с. 131]. Только на Анжерских коях произошло несчастных случаев: в 1910 г. – 435, в 1911 г. – 338, в 1912 г. – 696 [3, с. 195]. По неполным данным, в Западно-Сибирской горной области в 1914 г. 3,5 % горняков получили травмы. Из них остались калеками около 14 % и умерли около 2 % [4, с. 163–164].

Не только несчастные случаи, но и условия труда были пагубными для человеческого организма. К.А. Пажитнов писал о последствиях тяжелого труда на золотых приисках: «К 40–50 годам жизни, после 10–16 лет приисковой работы, рабочий представляет из себя преждевременно состарившегося субъекта с расширенными венами, перерожденными артериями, с гипертрофированным сердцем, которое уже отказывается работать; появляются отеки, застой крови, эмфизема легких, гипертрофия и перерождение печени, параличи и масса других заболеваний, начиная от нефрита и оканчивая общим маразмом» [5, с. 77]. «Изношенных» рабочих на приисках называли «ханыгами», так как они быстро вырабатывались – «ханули», пополняя ряды торговцев, спиртоносков, вольностарателей-хищников [6, с. 132].

В других отраслях сибирской промышленности дела обстояли не лучше. Например, имеется описание условий труда на Мариинском винном складе: «Винные пары, влажность, бой посуды приводили к профессиональным заболеваниям, травматизму...» [7, с. 47]. Сходная ситуация была и в типографиях Ново-николаевска, о чем писала в 1913 г. газета «Правда»: «Работают в подвальном сыром, вонючем и темном помещении, выкопанном на 5 аршин в земле; работают круглые сутки с огнем; не соблюдены даже элементарные требования гигиены. При таких условиях приходится часто работать все 24 часа в сутки» [8, с. 53]. Вот свидетельство об условиях труда в одной из тобольских типографий: «Теснота, сырость, темнота, свинцовая пыль, разъедающая наши легкие... помещение подвальное, сырое, с недостатком света, весьма незначительных размеров; в нем нет необходимой вентиляции... работа в течении 8 часов 4-х взрослых и 15-ти мальчиков в возрасте от 13 до 18 лет совершенно невыносима без того, чтобы не влиять пагубно на здоровье тех и других»¹. Таких примеров можно привести множество, и все они свидетельствуют о тяжелых условиях труда, несоблюдении техники безопасности и гигиенических стандартов практически на всех предприятиях Сибири [9, с. 144–146]. Вследствие этих факторов отмечались повышенный травматизм, в том числе и со смертельным исходом, инвалидность и огромные масштабы распространения профессиональных заболеваний.

¹ На суд граждан и товарищей (Костюринская республика) // Вестник Тобольского союза рабочих печатного дела. 1917. 9 сент. № 1.

К теме социального обеспечения рабочих, утративших в силу возраста, профессионального заболевания или несчастного случая трудоспособность, неоднократно обращались исследователи сибирского рабочего класса. Ее затрагивали в своих работах В.А. Скубневский, В.П. Зиновьев и другие авторы. Однако, на наш взгляд, вряд ли можно считать данную тему окончательно исследованной. По-прежнему остаются вопросы, требующие уточнений и дальнейшего изучения. В задачу настоящей статьи входит попытка осветить положение нетрудоспособных рабочих и их семей, состояние законодательной базы соцобеспечения, реальные возможности получения компенсаций по нетрудоспособности. Для решения данной задачи использовались материалы архивов Барнаула и Санкт-Петербурга, данные периодики, законодательных и иных источников. Территориально границы исследования охватывают Западную Сибирь, хронологические рамки – конец XIX – начало XX в.

Зачастую судьба нетрудоспособных по старости или инвалидности рабочих была печальной. Так, К.А. Пажитнов свидетельствует о приисковых рабочих:

«Боясь, чтобы рабочий не умер на прииске, ему отдают паспорт и выводят его подальше от приисков в тайгу, предоставляя ему заблудиться и умереть голодной смертью. Бывают ужасные случаи. От очевидцев слышал, напр., что одного рабочего с гангреной на ноге, истомленного болезнью и голодом, нашли живого еще на муравейнике, объедаемого муравьями... Другого чахоточного отбили от волка, который обкусывал и глодал ему руку в то время, как он еще был жив, но не мог уже подняться с места в окончательной потере сил от усталости, истомления и голода» [5, с. 140].

Впрочем, избавлялись от немощных рабочих не только на приисках. Приведем еще один пример:

«Крестьянин Ипат Коротков служил на рыбных промыслах крупной фирмы П. около 45 лет... имея более 75 лет от роду, окончательно одряхлел и служить ему не под силу. Тогда Короткова на пароходе фирмы привезли в Тюмень и на извозчике доставили к его родной сестре... шестидесятилетней старухе, снискавшей себе пропитание нищенством. Взыла старуха от навязанной ей новой обузы, ибо старику нужен уход и хлеб, которого она, сидя около него, не может добыть даже для себя, а главное квартирохозяин гонит обоих с квартиры на улицу, видя их неплатежеспособность»².

Конечно, в Сибири имелись и больницы, и богадельни для таких людей, но, как утверждает в своей записке «О положении рабочих на частных золотых приисках» М.К. Сидоров, «число их по массе нуждающихся в лечении и призрении рабочего люда, далеко не достаточно и ограничено до такой степени, что повсюду не только в селениях, но и в городах, встречаются обессиленные, больные и увечные, пропиты-

² Хозяин и работник // Вестник Западной Сибири. 1912. 24 авг. № 186.

вающихся попрошайством милостыни, в отягощение обывателей. Не имеющие же никакой будущности, впадают в преступления, и часто валяются по улицам и около кабаков»³.

В лучшем случае рабочие и члены их семей могли рассчитывать в дальнейшем только на крохотные пенсии и пособия от заводов, рудников и иных предприятий, на которых они работали. Других источников существования у большинства рабочих не было, что отмечено, например, в делах о назначении пенсий рабочим Гурьевского и Сузунского заводов, Риддерского и Сокольного рудников, Салаирских приисков и Кольчугинской копи (1909–1913 гг.), где указывалось на то, что такие рабочие не занимаются ни ремеслом, ни хлебопашеством⁴. Впрочем, и эти пособия были доступны немногим – только рабочим казенных предприятий. Что же касается рабочих частного сектора, то их соцобеспечение полностью возлагалось на добрую волю предпринимателя и в лучшем случае могло носить характер акта благотворительности. Выше мы уже приводили примеры типичного отношения хозяев к своим нетрудоспособным работникам.

Потеря кормильца или его нетрудоспособность ставили семью на грань выживания. Большим благом для такой семьи была помощь родственников. Но часто не было и этого. Так, в отмеченных источниках упоминается несколько случаев вдовства, когда у одиноких женщин не было родственников и, соответственно, никто никакой помощи оказать им не мог. Еще хуже обстояли дела, если вдова или жена с нетрудоспособным мужем имели малолетних детей. Экономическое положение таких семей становилось катастрофическим. Эти семьи могли рассчитывать, пока дети были малолетними, только на доход от надомной подработки: стирки, шитья одежды, сдачи в наем помещений и т. п. Дети же в основном по достижению восьми лет, а иногда и раньше шли на какую-либо работу, что часто приводило к раннему истощению и изношенности их организма.

При получении увечий на производстве рабочие могли, согласно статьям 647, 648, 687 гражданских законов, получить возмещение с предпринимателя в судебном порядке, если удавалось доказать его виновность в несчастном случае [9, с. 134; 9, с. 52]. Однако это было сопряжено с большими трудностями и поэтому редко кто из рабочих или членов их семей мог реально получить денежную компенсацию. Косвенно это подтверждается, например, в указанной записке М.К. Сидорова:

«Что же касается до вознаграждения изувеченных на работах наемников, сделавшихся неспособными к снисканию пропитания трудом, равно семейств убитых, вознаграждения выдачею со счета золотопромышленников тройной за весь срок платы: а при

легком увечье, излечению в приисковом лазаретах, то на основании 14 ст. Правил о найме, подобные вознаграждения делаются только в случае непринятия промышленниками предписанных мер осторожности при ведении работ, и при том, по удостоверению ближайшего врача и местного исправника, или по решению судебных мест. А как по селениям и городам нередко встречаются искалеченные в приисковых работах люди, и обезображенные при порохострельных работах, а также приобретенные неизлечимые хронические болезни, то мы невольно приходим к заключению, что положение этих тружеников заслуживает полного внимания»⁵.

Впрочем, законодательная база социального обеспечения со временем совершенствовалась. 3 июня 1903 г. выходят Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнодобывающей промышленности, которые обязывали вознаграждать пострадавших в случаях потери трудоспособности «от телесного повреждения, причиненного им работами по производству предприятия или происшедшего вследствие таковых работ. Если была смерть рабочего, то вознаграждением пользуются члены его семейства»⁶.

Рабочий согласно Правилам не должен был доказывать виновность предпринимателя. Однако если предприниматель доказывал, что причиной несчастного случая был злой умысел или грубая неосторожность самого потерпевшего, то он освобождался от всяких выплат рабочему или его семье. Вполне естественно, что работодатели старались, и часто небезуспешно, доказывать вину самих потерпевших. В тех случаях, когда рабочий добивался выплат, он или его семья могли рассчитывать на 2/3 годовой зарплаты рабочего в случае полной потери трудоспособности. При неполной потере трудоспособности степень ее утраты и размер пенсии устанавливали соответствующие чиновники [10, с. 210].

Позднее были введены основанные на законе 1903 г. правила, касавшиеся работников предприятий определенных категорий: 9 июня 1904 г. – правила о пенсиях мастеровым, рабочим и служащим артиллерийских заведений военного ведомства, 6 июня 1905 г. подобные правила распространяются на фабрично-заводские и горнозаводские предприятия Кабинета, 19 декабря 1905 г. – на государственную типографию и т.д. Ранее, в мае 1901 г., были приняты временные правила о выплатах пенсий рабочим казенных горных заводов и рудников. По этим правилам на пенсии могли рассчитывать не только рабочие, потерявшие трудоспособность в результате несчастных случаев, но и по профессиональным заболеваниям. Впрочем, последнее было отменено законом 1903 г.

В дальнейшем, пытаясь снизить социальный накал, вновь возросший после подавления революции

³ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 270. Оп. 2. Д. 29. Л. 2.

⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 991, 1001, 1002, 1016, 1044, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065, 1067, 1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123.

⁵ АРАН. Ф. 270. Оп. 2. Д. 29. Л. 2.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е: в 33 т. СПб., 1905. Т. 23: 1903. № 23060.

1905–1907 гг., самодержавие продолжало принимать законодательные меры для решения социального вопроса. Одной из таких мер стало введение государственного страхования рабочих законом 23 июня 1912 г. Однако это нововведение относилось только к Европейской России и Кавказу [11, с. 74–75]. В Сибири продолжало действовать старое законодательство, далекое от реального решения проблем в сфере социального обеспечения рабочих, потерявших трудоспособность. Исключением были Ленские золотопромышленные предприятия Иркутской губернии, где с 1913 г. постановлением Совета Министров распространялось действие этого закона. Лишь 25 июня 1917 г. Временное правительство распространило действие закона 23 июня 1912 г. на всю Россию⁷.

Каковы же были размеры компенсаций? В одном из источников дается перечень рабочих из бывших мастеровых Алтайского округа, в том числе погибших от травм, при этом указаны прежние их годовые заработки и назначенные, исходя из них, пенсии. Согласно источнику годовой доход исследуемых рабочих составил в среднем 199,7 руб., а годовой размер пенсий – в среднем 62,3 руб.⁸ Ситуация на первый взгляд была такая же, как и в Европейской России, где средний размер пенсий, получаемый семьями погибших рабочих в 1904–1905 гг., составлял 44,2–49,6 % от заработка потерпевших [12, с. 26]. Однако нужно отметить, что средняя цифра годового размера пенсий, взятая из рассматриваемого нами документа, не дает понимания истинного положения дел, так как большинство компенсационных сумм были значительно ниже указанной средней суммы (соответственно у нескольких рабочих пенсии были выше средней суммы) и составляли у многих 7–14 руб. в год, т.е. мизерную сумму.

Впрочем, основная проблема заключалась в возможности получения пенсий и пособий. В источниках имеется немало количество отказов администраций. Вот только один из примеров подобной практики:

«38 лет отдал фабрике замечательный мастер-камнерез Михаил Андреевич Беляев. Несчастный случай во время работы искалечил ему ладони обеих рук. В момент увольнения на иждивении мастера было семеро детей, несмотря на это, ему даже не выдали пенсии. Среди уволенных был мастер-камнерез Дмитрий Иванович Окулов, полностью утративший трудоспособность за 37 лет работы на фабрике. Наум Федорович Дорохов потерял правый глаз, Ефима Захаровича Тихобаева “давило каменной плитой”, Е.С. Мельникова “давило машиной”. Но никому из них не дали пенсии» [13, с. 58]. А вот строки из рапорта управляющего Колыванской шлифовальной фабрикой от 22 января 1893 г.:

«Рабочие, описывая свое бедственное положение, указывают на полное игнорирование их нужд со стороны конторы и управляющего фабрикою и на при-

страстное распределение пенсий, которые выдаются будто бы только богатым вдовам – родственницам ближайшего фабричного начальства»⁹.

Трудно судить о том, что являлось основанием для произвола начальства и всегда ли он был необоснованным. Остается лишь констатировать его наличие. В.А. Скубневский отмечал по этому поводу:

«Обстановка бесправия народных масс в царской России для сибирских рабочих усугублялась несоблюдением даже существовавших законов по рабочему вопросу... Формальный характер законов по рабочему вопросу для Сибири объясняется отсутствием здесь до 1914 г. фабричной инспекции. Закон о введении инспекции был распространен на Сибирь 7 июля 1913 г. ... Но и после введения в регион фабричной инспекции положение было явно неблагоприятным. Так, в 1914 г. было зарегистрировано 541 нарушение фабрикантами законов» [14, с. 229].

Некоторое представление о реальной возможности рабочих получить компенсацию по нетрудоспособности дают материалы ведомственной статистики. Так, согласно ведомостям о несчастных случаях на предприятиях, подчиненных Томскому горному управлению, в 1904 г. было зафиксировано 46 несчастных случаев, из которых лишь 13 числились по вине хозяев, в 1911 г. хозяева признавались виновными в 4 из 111 несчастных случаев, а в 1912 г. лишь в одном из 209¹⁰.

Но и откровенный произвол администрации казенных предприятий и предпринимателей не был единственным препятствием для получения рабочими компенсационных пенсий. Само законодательство предоставляло работодателям немалые возможности избежать соответствующих выплат рабочим. В первую очередь это относилось к определению степени потери трудоспособности рабочими. Один из врачей, обслуживавших Судженские каменноугольные копи, писал по этому поводу: «Нелегко достается писание свидетельств о повреждениях, полученных на работе, в особенности там, где должна быть произведена оценка потери трудоспособности. Наше законодательство по рабочему вопросу несовершенно и много есть мест, где совершенно теряется, не имея никакой руководящей нити, – таблица, данная для оценки потери трудоспособности, далека от практических требований, а общих положений нет» [15, с. 41]. Часто возникала подобная ситуация, «когда так называемое первое лечение рабочего закончено и рабочий подвергается врачебному освидетельствованию, на этой почве возникает ряд недоразумений. Промышленник избирает одного врача, рабочий другого, и оба они друг с другом не сходятся» [16, с. 109]. Все это выливалось в судебные тяжбы, итог которых, равно как и продолжительность времени, необходимого для их завершения, никто не мог предсказать. В качестве иллюстрирующего примера приведем строки из прошения рабочего Бар-

⁹ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 127.

¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 222. Л. 68–69, 87–88, 128, 157, 160; Д. 224. Л. 5.

⁷ Сибирский листок. Четверг. 1917. 12 окт.

⁸ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1044.

наульского лесопильного завода Григория Соломина, датированного 31 января 1918 г.:

«Мне отказано в назначении пенсии за потерю трудоспособности (до 30 %) на службе в лесопильном заводе, ввиду того, что, по мнению врача Агентова, найденное у меня ослабление зрения не имеет причинной связи с моей работой на заводе... я неоднократно болел глазами именно от работы на службе (при правке пил попадали в глаза наждачные осколки, для извлечения коих делались операции врачом Троновым), то мнению врача Агентова, как не подкрепленное ни научными, ни субъективными данными, я нахожу голословным и неосновательным, а потому, согласно 28 ст. закона 6 июня 1905 года, прошу распорядиться о пересвидетельствовании меня через врача Тронова...»¹¹

Как видим, вопрос о получении компенсаций так и не был до конца доработан.

Подводя итог, мы можем констатировать факт злободневности проблемы соцобеспечения рабочих по нетрудоспособности. Росли травматизм и профессиональные заболевания. Нетрудоспособные рабочие в лучшем случае становились иждивенцами у семьи либо попадали в богадельни, в худшем – выбрасывались на улицу (или в тайгу, если речь шла о приисках) и предоставлялись воле случая, т.е. их обрекали либо на смерть, либо на существование за счет милостыни.

Государство предпринимало лишь робкие шаги для решения этой проблемы, вводя все новые законы о соцобеспечении, носившие характер полумера. Предприниматели также не слишком стремились помочь своим работникам, напротив, они искали всевозможные лазейки в законодательстве, чтобы избежать затрат на содержание нетрудоспособных рабочих. Получить компенсации по нетрудоспособности было чрезвычайно сложно. Кроме того, государство предоставляло пенсии и пособия рабочим казенных заведений, совершенно не уделяя внимания рабочим частного сектора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 годах. Л., 1981. 142 с.
2. Зиновьев В.П., Кузнецов М.С. Условия труда, травматизм и профессиональные болезни горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Том. гос. ун-та. 2014. № 379. С. 127–135.
3. История Кузбасса. Кемерово, 1967. Ч. 1–2. 380 с.
4. Мухин А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. 336 с.
5. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. 305 с.
6. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. 258 с.
7. Мариинский ликеро-водочный завод. 1902–2002 / Б.К. Андрущенко, Л.А. Базаева, В.А. Бузанова [и др.]. Томск, 2002. 284 с.
8. Ленинская правда о Сибири. 1912–1914, 1917 гг.: сб. док. и материалов. Новосибирск, 1982. 136 с.

9. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. 475 с.

10. Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. М., 1904. 344 с.

11. Иванов Л.М. Страховой закон 1912 года и его практическое применение // Отечественная история. М., 1995. С. 73–88.

12. Быков А.Н. Промышленный травматизм, его размеры, значение и возможность борьбы с ним // Охрана труда в промышленных предприятиях. СПб., 1913. 76 с.

13. Савельев Н.Я. Алтайские камнерезы. Барнаул, 1956. 58 с.

14. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е годы XIX в. – февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 1991. Т. 1. 447 с.

15. Борман В.Л. Годичный медицинский отчет по больнице Судженских каменноугольных копей (1907 г.) // Горные и золотопромышленные известия. 1908. № 3–4. С. 39–43.

16. В комиссии по вопросу о вознаграждении увечных рабочих // Горные и золотопромышленные известия. 1905. № 7. С. 98–115.

REFERENCES

1. Kruze E.E. Working and living conditions of the Russia's working class in 1900–1914. Leningrad, 1981, 142 p. (In Russ.).
2. Zinov'yev V.P., Kuznetsov M.S. Working conditions, accidents and occupational diseases of miners in Siberia in the late XIX – early XX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, N 379, pp. 127–135 (In Russ.).
3. The history of Kuzbass. Pt. 1/2. Kemerovo, 1967, 380 p. (In Russ.).
4. Mukhin A.A. Siberian workers in the capitalism era. Moscow, 1972, 336 p. (In Russ.).
5. Pajhitnov K.A. Position of the working class in Russia. St. Petersburg, 1908, 305 p. (In Russ.).
6. Zinov'yev V.P. Industrial cadres of old Siberia. Tomsk, 2007, 258 p. (In Russ.).
7. Mariinsk Distillery. 1902–2002 / B.K. Andryushchenko, L.A. Bagaeva, V.A. Buzanova, V.P. Zinov'yev, V.G. Zykova. Tomsk, 2002, 284 p. (In Russ.).
8. Lenin "Pravda" about Siberia. 1912–1914, 1917: collection of documents and materials. Novosibirsk, 1982, 136 p. (In Russ.).
9. The Siberian working class in the pre-October period. Novosibirsk, 1982, 475 p.
10. Litvinov-Falinsky V.P. Factory legislation and factory inspection. Moscow, 1904, 344 p. (In Russ.).
11. Ivanov L.M. Insurance law of 1912 and its practical application. *Otechestvennaya istoriya*. M., 1995, pp. 73–88 (In Russ.).
12. Bykov A.N. Industrial traumatism, its dimensions, value and possibility to control. St. Petersburg, 1913, 76 p. (In Russ.).
13. Savel'yev N.Ya. Altai stone-cutters. Barnaul, 1956, 58 p. (In Russ.).
14. Skubnevsky V.A. The workers of manufacturing in Siberia (90th of the XIX century – February 1917): abstracts of dissertation of the doctor of historical sciences. Barnaul, 1991, vol. 1, 447 p. (In Russ.).
15. Borman V.L. The annual medical report of the hospital of Sudzhensk coal mines (1907). *Gornye i zolotopromyshlennye izvestiya*. 1908, N 3/4, pp. 39–43 (In Russ.).
16. In the commission on the issue of remuneration of crippled workers. *Gornye i zolotopromyshlennye izvestiya*. 1905, N 7, pp. 98–115 (In Russ.).

Статья принята редакцией 20.06.2015

¹¹ ГААК. Ф. 154. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

DOI: 10.15372/HSS20150314
УДК 94(571)»1914/18»

В.М. РЫНКОВ

**БЕЖЕНЦЫ И ПРИНИМАЮЩИЙ СОЦИУМ:
К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ***

Вадим Маркович Рынков, канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: vadsvet@list.ru

В статье проанализированы особенности приема и размещения беженцев осенью 1915 г. – весной 1916 г., их дальнейшее обустройство на просторах Сибири и Дальнего Востока. Приведенный фактический материал свидетельствует о том, что меры помощи беженцам в значительной степени отделяли их от принимающего социума и сохраняли их маргинальное положение. Лишь на второй год пребывания некоторым из них удавалось занять низшее социальное положение в обществе, трудоустроившись в качестве батраков и низкооплачиваемых рабочих и служащих.

Ключевые слова: беженцы, Азиатская Россия, социальная мобильность, маргинальность, государственная власть, местное самоуправление, благотворительность.

V.M. RYNKOV

**REFUGEES AND ACCEPTING SOCIETIES:
ON THE CHARACTERISTICS OF SOCIAL MOBILITY DURING THE WORLD WAR I**

Vadim M. Rynkov, Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, Russia, 630090,
e-mail: vadsvet@list.ru

The article analyzes some peculiarities of refugees' reception, accommodation and provision of the necessary facilities for the refugees in Siberia and Far East from autumn, 1915 until spring, 1916. The author turned his attention to the details of work of local authorities, municipal and public organizations connected with arrangement of residence places, supplying civilians arriving from near-front zone with clothes, food and employment. The study is based on the two sociological traditions, connected with researching social mobility and marginality. It uses archival documents and materials of periodical press. As factual evidences show, relief measures separated refugees from the receiving communities to a great extent and preserved their marginal status. Activities of state authorities and public organizations aimed at providing relief for refugees were ill-coordinated, inadequately funded and in fact they only isolated refugees from the receiving society. Siberians also did not show any disposition to support exiles, preferring to keep them in isolation. Only the following year some of the refugees managed to occupy the lowest social position working as farm laborers and low-paid workers. Refugees' life regulations initiated by the local authorities usually made social adaptation and integration more difficult.

Key words: refugees, Asian Russia, social mobility, marginality, state authority, local government, charity.

Первая мировая война привела к резкому усилению социальной мобильности населения. Причины не ограничиваются воинскими мобилизациями и фунда-

ментальными переменами экономических систем воюющих государств. Интенсивное перемещение фронтов, оккупация территории противника вынуждали к миграции гражданское население. Большинство стран-участниц войны столкнулись с феноменом массового беженства. Миграция в странах Европы не достигала

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

таких масштабов, как в России, где к тому же части беженцев пришлось преодолеть тысячекилометровые расстояния, переместившись в другие климатические пояса. По разным сведениям, данный людской поток оценивают в диапазоне от 3,2 млн до 7 млн чел. Численность вынужденных мигрантов, переместившихся за Урал, по официальным данным, составила около 3–6 % от общероссийской, но это вполне сопоставимо с количеством беженцев небольшого европейского государства, такого, как Бельгия. Беженство – это не только горизонтальная мобильность в географическом пространстве огромной империи, но и одновременно нисходящее вертикальное перемещение, связанное с потерей жилья, хозяйства, налаженных социальных связей, возможностей применять профессиональные навыки.

В последние годы история российских беженцев Первой мировой войны привлекает все большее внимание отечественных и зарубежных исследователей. Наибольший объем сведений содержится в публикациях российских авторов, делающих акцент на изучении численности, размещения и состава беженцев, усилиях властей по организации их продвижения и приема. Между тем в мировой историографии под влиянием антропологического поворота и социальной истории фокус внимания исследователей давно сместился в сторону анализа социального бытия беженского сообщества, проблем, связанных с их интеграцией в местах вселения, взаимодействия с новой социальной средой. Опыт подобного анализа в российской историографии невелик, что почти неизбежно диктует региональный масштаб изучения. Речь дальше пойдет об азиатской части Российской империи, куда «просочился» лишь небольшой ручеек из многомиллионного потока российских беженцев.

Наибольшие перспективы дальнейшего изучения представляет использование двух социологических подходов, наработанных при изучении феноменов социальной мобильности и маргинальности [1, с. 73–75; 2, с. 859–867, 857–893]. Объем статьи не позволяет рассмотреть все составляющие проблемы социальной мобильности беженцев даже в региональных рамках. Этноконфессиональные аспекты, безусловно, важны, но требуют специального рассмотрения, поэтому остаются за пределами нашего внимания¹.

По официальным данным, всего за Урал выехало 114 тыс. беженцев, хотя только Челябинский пропускной пункт во второй половине 1915 г. пересекли 166 тыс. чел. на восток. Сибирские исследователи в общих чертах реконструировали картину размещения беженцев, описали основные мероприятия государственной администрации и органов городского самоуправления по их приему и трудоустройству [5; 6, с. 208–243; 7; 8, с. 269–303; 9; 10, с. 180–200; 11; 12; 13, с. 283–292; 14; 15]. В оценке социального положения беженцев в Сибири и на Дальнем Востоке исследователи прояви-

ли единодушие, считая, что оно было неудовлетворительно, а государственная помощь – недостаточна. Но при этом все отметили слаженную работу местных властей, мобилизацию ими максимума возможных ресурсов для решения насущных проблем вынужденных мигрантов. Большинство трудностей и срывов истории объяснили крайне слабой материальной базой правительственных и общественных организаций.

За Урал эшелоны с гражданским населением из оставляемых неприятелю территорий стали прибывать с конца августа 1915 г., когда европейские губернии России уже познакомились с беженской проблемой и наработали обширный опыт ее решения с помощью общественных объединений. 30 августа 1915 г. правительство приняло закон о беженцах, который отнес расходы по их перемещению и содержанию на местах вселения к государственным обязательствам. В сентябре заработало Особое совещание по делам беженцев, призванное координировать и финансировать работу местных учреждений по обеспечению нужд вынужденных мигрантов. Поэтому в Азиатской России беженская проблема должна была разрешаться мягче. Так на первый взгляд и было. В городах Сибири и Дальнего Востока организовали 36 комитетов по приему беженцев, причем многие – заблаговременно, а распределение прибывавших контингентов планировалось централизованно.

Сразу оговоримся, что абсолютное большинство беженцев в явной или скрытой форме были принуждены русской армией покинуть свои жилища, хозяйства многих подверглись сознательному уничтожению или грабежу. Запоздалый комплекс законодательных мер по организации социальной поддержки беженцев являлся шагом по пути к восстановлению социальной справедливости. Государство выразило готовность частично восполнить ущерб, нанесенный своим подданным.

Если взглянуть на дело глазами сибирских чиновников, то местные власти действительно сделали максимум возможного для скорейшей интеграции беженцев в сибирское общество и приобщения к нормальной жизни. Причем вся «беженская» работа навалилась на плечи местной администрации. Движение беженцев в Сибирь имело стихийный характер, а расселение их из городов в сельскую местность – плановый. Размещение происходило в соответствии с чаяниями самих прибывающих, в абсолютном большинстве – крестьян. Усилиями крестьянских начальников в волостях удалось организовать попечительства, взявшие на себя заботу об удобном расквартировании прибывавших. Они же распределяли среди нуждавшихся казенные пособия. Отсутствие в сельской местности интеллигентных сил, по уверениям томского губернатора, совершенно не помешало успешному решению всех поставленных задач².

Органы городского самоуправления и общественные организации, напротив, в своих отчетах утвержда-

¹ На общероссийском материале этот вопрос в значительной мере решен (см., например: [3, pp. 142–170; 4, с. 208–247]).

² ГАТО. Ф. Ф-7. Оп. 2. Д. 1. Л. 18–21.

ли, что именно им пришлось выполнять работу нерасторопных государственных учреждений. Они занимались регистрацией прибывавших беженцев, подразделяли их на категории, спешно подыскивали работу квалифицированным трудоспособным лицам, распределяли нуждавшихся по больницам, приютам, большинство же направляли за получением переселенческих документов³. Масштабы этой деятельности в городах не могут не впечатлять. В Красноярске еще до прибытия вынужденных мигрантов, которых ожидалось около 1000 чел., был организован комитет помощи беженцам, состоявший из президиума и шести секций, в рамках которых к участию привлекли 308 общественных деятелей⁴. Омский городской комитет помощи беженцам насчитывал 85 членов⁵. Хабаровский комитет попечения о беженцах, имевший шесть отделов и насчитывавший 40 чел., принял за 3 мес. на обслуживание 274 чел. [6, с. 217–218]. Впрочем, представление о бурной деятельности городских учреждений нуждается в корректировке. До 13 сентября 1915 г. в Томск прибыло 3 тыс. беженцев, на прием, размещение и продовольствие которых комитет для оказания помощи беженцам истратил 6 тыс. руб.⁶, т.е. по 2 руб. на человека. Красноярское городское управление тоже ограничилось выделением нескольких сотен рублей на организацию беженской столовой, признав при этом, что опекаемые предпочитают брать кормовые пайки наличными.

В уездных городах обнаруживалась похожая картина. Приведем типичный пример. 14 сентября в Боготоле собрание «видных общественных деятелей» постановило организовывать в базарные дни сбор денег и одежды для беженцев. Но автор заметки об этом констатировал очевидность буквально «муравьиного» масштаба усилий по сравнению с тем, что требовалось. В город ежедневно и, по словам автора, совершенно неожиданно для всех прибывали десятки голодных, раздетых людей, включая детей и нетрудоспособных взрослых, которыми никто не занимался. Справиться с этой проблемой одними благотворительными акциями маленький сибирский город оказался не в состоянии. Обращение за государственной субсидией было неизбежно, но ее получение требовало длительных согласований⁷.

То есть вся работа протекала практически без вложения средств. А без финансирования много ли можно было сделать? Прибывшие в Сибирь беженцы неделями оставались в вагонах никому не нужные, проживая «как сельди в бочках». Более того, в это время желез-

нодорожное ведомство настойчиво их выселяло, ссылаясь на страшную нужду в свободном подвижном составе. Ничего, кроме скромной и низкобюджетной помощи Переселенческого управления, такие беженцы долгое время не получали, а выселенные из вагонов вынуждены чаще всего были жить на вокзалах⁸.

Несмотря на все приготовления, прибытие первых эшелонов с людьми в сибирские города стало для местного населения и власти настоящим шоком. Администрация со страхом писала об обилии беженцев, наводнивших вагоны третьего класса, станции и привокзальные площади, приносивших с собой мусор и грязь, опасность распространения эпидемий⁹. Директива МВД, предписывающая срочно подыскать помещения, достаточные для расселения беженцев, на местах реализовывалась с явным стремлением изолировать бегущую от войны и неустроенности массу людей, обрекая их на еще большую, а главное, существенно более продолжительную неустроенность.

В поисках жилья для беженцев губернская администрация обратилась к переселенческим и акцизным чиновникам, железнодорожному начальству. Первые крайне неохотно предоставляли доступ к инфраструктуре, предназначенной собственно для переселенцев – приемным и питательным пунктам, ночлежкам, предпочитая «жертвовать» технические помещения. Акцизное же ведомство проявило готовность выделить казенные винные склады. Опыт недавней масштабной мобилизации, когда больше не востребованные по своему прямому назначению винные склады использовались для сбора новобранцев, свидетельствовал о возможности приспособить эти огромные и неудобные помещения для кратковременного вселения 500–700 чел. при минимальных вложениях. Поэтому они в первые месяцы стали весьма частым местом концентрации беженской массы, использовались не только для проживания, но даже под лазареты¹⁰. Примечательно, что там, где имелись нереализованные остатки спиртной продукции, акцизные чиновники потребовали выставить охрану. Так что кое-где беженцам пришлось начинать жизнь в Сибири чуть ли не под конвоем. На аналогию с неволей напрашивается и другой пример. Подходящим местом для размещения беженцев власти сочли многочисленные этапные здания, которых в одном Барнаульском уезде набралось 25¹¹. В Омске значительную часть беженцев размещали в изоляционно-пропускном пункте, построенном специально для эпидемических больных военнопленных¹². Но до трети беженцев в крупных сибирских городах так и осталось в вагонах¹³. Проявляя готовность помочь нуждавшимся беженцам, сибирская бюрократия и общественность в то же время неосознанно осуще-

³ Вестник Красноярского городского общественного самоуправления (Красноярск). 1915. № 13. С. 22–24; № 14. С. 19–20; Известия Татъянинского комитета (Пг.). 1916. № 13. С. 15–16; 1917. № 16. С. 12–13; Отчет о деятельности Омского городского комитета помощи беженцев за время с 19 августа 1915 года по 1 января 1916 года. Омск, 1916. С. 2.

⁴ Вестник Красноярского городского общественного самоуправления, 1915. № 16. С. 403–408; 1916. № 6–7. С. 87.

⁵ Отчет о деятельности Омского городского комитета... С. 45–49.

⁶ Сибирская жизнь. 1915. 16 сент.

⁷ Там же. 23 сент.

⁸ Там же. 29 сент., 8 окт.

⁹ ГАТО. Ф. Ф-7. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 6–6 об.

¹¹ Там же. Л. 17.

¹² Отчет о деятельности Омского городского комитета... С. 5.

¹³ Вестник Красноярского городского общественного самоуправления. 1915. № 17. С. 18.

ствили символическое противопоставление «чужаков» «коренному» сибирскому населению.

Описав кампанию по приему и расселению беженцев, большинство сибирских авторов считали свою исследовательскую задачу исчерпывающе решенной. На самом деле ее завершение оказалась лишь короткой остановкой перед продолжением мытарств прибывавших из прифронтовой зоны.

Едва перезимовав в наспех подготовленных помещениях, многие беженцы вновь оказались в роли выселяемых. Томский округ путей сообщения настойчиво потребовал освобождения временно предоставленных помещений. Аналогичным образом поступило Переселенческое управление, настаивая, что за несколько месяцев многие мигранты трудоустроились и более не нуждаются в коллективном казенном жилье. Одним из важнейших мотивов стала необходимость использовать площади при проведении очередной мобилизации в армию¹⁴. Эпопея с выселением растянулась до поздней осени 1916 г. Беженские организации яростно упирались и настаивали, что они уже затратили средства на переоборудование производственных помещений под жилые.

Часто и подготовленные для беженцев помещения оказывались никуда не годными. В Томске часть прибывавших разместили в здании солодоварни пивоваренного завода Р.И. Крюгера. Врачебно-санитарный совет города санкционировал вселение туда большого количества людей. Лишь когда помещение осмотрел врач посторонней организации – санитарного бюро по оказанию помощи бедным жителям Заисточья (район Томска), был поднят вопрос о вопиюще антисанитарных условиях жизни обитателей солодоварни. По отзыву осмотревшего помещение врача, в здании было сыро, холодно, тесно и темно, обитатели масово заболели, а оказать медицинскую помощь не представлялось возможным ввиду отсутствия света и предельной скученности проживающих¹⁵. В Иркутске приспособленные под общежития бараки обслуживались настолько неудовлетворительно, что превратились к ноябрю в заразные изоляторы [16, с. 153, 159, 168]. Описаний качества помещений и медицинского обслуживания беженцев в Омске в источниках не выявлено. Но даже опубликованные цифры официального отчета говорят о многом. В последнем квартале 1915 г. в городе учли 662 ребенка беженца, из которых 88 не дожили до начала 1916 г.¹⁶ В Новониколаевске на попечение беженцев через Татьянинский комитет была отпущена субсидия от губернской организации в 9,4 тыс. руб., и 2,7 тыс. руб. удалось получить за счет местной благотворительности. При этом только на оборудование приемлемого помещения для беженцев требовалось 32 тыс. руб.¹⁷

В конце октября 1915 г. инспекционную поездку в Сибирь совершила представитель Союза земств и городов А.И. Шингарева. Она охарактеризовала беженские комитеты как насаждаемую чиновниками казенщину, как органы, не способные справиться со стоявшими перед ними задачами. Питание беженцев во время транзита и на местах вселения было организовано из рук вон плохо, санитарно-медицинское обслуживание не налажено. Причину она видела в том, что данным вопросом занимались коменданты станций и руководители ведомств, а не представители общественных организаций. Размеры пайка по Сибири колебались от 3 р. 20 к. до 10 руб., что ставило в неравное положение прибывших в разные губернии и области Сибири. Сами правила выдачи средств тоже зависели от произвола властей. В частности, в Акмолинской области губернский комитет по делам беженцев постановил выдавать пайки на руки принимающим хозяевам¹⁸. Последнее, видимо, объяснялось желанием стимулировать крестьян брать вынужденных мигрантов в свои дома.

Местная пресса, регулярно освещавшая кампанию по приему вынужденных мигрантов, приводила немало свидетельств пустой канцелярщины и формальности в работе ответственных за прием и размещение чиновников, а также представителей многочисленных общественных организаций. Общественное мнение крайне критично оценивало результаты работы чиновников, чиновники при проверках обнаруживали вопиющую нераспорядительность общественных деятелей¹⁹.

Возникает весьма интересное впечатление: повсеместно работали службы продовольственной, медицинской помощи, регистрации и правильной организации потоков двигавшихся по железной дороге вынужденных мигрантов, но всюду они прибывали стихийно, не получая еды, одежды и иных знаков внимания со стороны местных властей и населения. Способ «подачи помощи» со стороны местных беженских организаций постоянно давал повод прибывшим в Сибирь мигрантам чувствовать себя изгоями. Чего, например, стоила с трудом и с большим опозданием организованная выдача бесплатной пищи находившимся совершенно без средств беженцам, если при этом отсутствовали приборы для еды²⁰.

Во всех перипетиях беженской эпопеи пассивная и в целом незлобная отстраненность сибирского социума бросается в глаза и диссонирует с иным, сочувственным, отношением населения прилежавших к фронту районов. Там крестьяне и горожане выдержали куда более мощный натиск беженцев, нередко принимавших беды этих горемычных людей, как свои. И здесь не должны вводить в заблуждение бодрые отчеты прессы о готовности горожан пожертвовать свои силы и средства на обеспечение лиц, пострадавших от

¹⁴ ГАТО. Ф. Ф-7. Оп. 1. Д. 32. Л. 21–21 об., 25, 27–29, 33, 36, 41, 48 об., 54, 62, 66 об., 87.

¹⁵ Сибирская жизнь. 1915. 30 сент.

¹⁶ Отчет Омского городского комитета... С. 39, 41.

¹⁷ Жизнь беженцев. Пг., 1916. № 2. 1916. С. 14.

¹⁸ ГАТО. Ф. Ф-233. Оп. 2. Д. 3779. Л. 414–415 об.

¹⁹ Сибирская жизнь (Томск). 1915. 21 авг., 7 окт.

²⁰ Там же. 9 окт.

войны²¹. По отзывам самих беженцев, именно в Сибири они встретили наихудший прием²². Сибирские власти жаловались, что мало кто добровольно готов был размещать беженцев у себя дома. Устроить на частные квартиры удавалось буквально десятки из тысяч. Именно это стало причиной, вынуждавшей местную администрацию распределять беженцев небольшими партиями по окрестным селам. Горожане возлагали на беженцев вину за рост цен на базарах, отказы исполнять предлагаемую тяжелую физическую работу оценивали как проявление иждивенческих настроений. Правда, большинство рапортов и докладов местного полицейского начальства констатирует благожелательное отношение населения, особенно сельского, к беженцам²³. Впрочем, часто респонденты отделялись фразами, транслируемыми в каждом ежемесячном отчете.

Процесс интеграции беженцев в сибирский социум был сложным и с трудом просматривается по отдельным источникам. Легче он протекал в уездных центрах. Второе лето многие переживали совершенно в других условиях. В частности, по сведениям бийского уездного исправника, к лету 1916 г. практически все имевшиеся на территории уезда беженцы (980 чел.) покинули город, несмотря на наличие там специальной бесплатной столовой, и устроились на жительство в сельскую местность. Там они нанялись на различные работы, а некоторые даже получили возможность завести приусадебное хозяйство²⁴. В других местах нормализацию положения беженцев, прежде всего в результате перевода на жительство в сельскую местность, тоже относили к весне 1916 г. и связывали с началом полевых работ²⁵. Адаптация приезжих к условиям жизни в Сибири успешнее происходила естественным путем. Но им приходилось занимать наименее престижную нишу батраков и в лучшем случае вливаться в низший слой сельскохозяйственных производителей, отдаваясь на милость принимавшего их сельского общества. Беженцам платили за работу меньше, чем местным жителям. На Дальнем Востоке, напротив, легче протекало трудоустройство в крупных городах, тогда как в малых и в сельской местности беженцам оказалось сложнее адаптироваться [6, с. 225]. К тому же избыток предложения там «желтого» труда не позволял вынужденным мигрантам эффективно конкурировать в сфере занятости.

Вмешательство властей обычно напоминало о маргинальном положении беженцев. В Иркутске, например, на совещании губернатора не нашли ничего

лучше, как дать беженцам три дня для самостоятельного и добровольного выбора места проживания в сельской местности, после чего приступить к принудительному выселению²⁶. Местные власти стремились поскорее занять беженцев производительным трудом. Поэтому устанавливались правила, по которым трудоспособные имели право на пособие в одних местах только неделю, а в других (Тобольская губерния) – и вовсе три дня [6, с. 224]²⁷. Все это – плоды «чуткого» регулирования беженского вопроса губернских, уездных и городских комитетов по устройству беженцев. Беженцы и так вынуждены были занимать самые низшие ступени на рынке занятости, а подобные меры местной власти толкали их на самые отчаянные шаги в вопросах трудоустройства. Но сложно было изменить в лучшую сторону положение значительной части беженцев нетрудоспособных, отягощенных маленькими детьми матерей (обе группы в совокупности составляли большинство вынужденных мигрантов), а также тех, кому не удалось «приискать» дешевый угол. Даже в 1917–1918 гг. беженские бараки и общежития никогда не пустовали, а на попечение городских комитетов помощи беженцев оставалось от нескольких десятков (в уездных центрах) до нескольких тысяч беженцев. С лета 1916 г. благотворительные сборы стали давать ничтожные результаты, а казенные пособия урезались на фоне роста цен [8, с. 294–296].

Беженство следует рассматривать как направленный вниз социальный лифт, приводимый в движение условиями войны, деятельностью государства и армии. Уже в годы Первой мировой войны определились особенности социальной мобильности беженцев, ставшие их родовыми признаками и затруднявшие процесс «возвращения» в нормальный российский социум. Беженство «выпрямляло» социальную дифференциацию всех участников вынужденных миграций, формируя из них относительно единую группу людей, оказавшихся в результате утраты жилья, большей части личного имущества, стабильных доходов, исключения из привычных социальных сетей и длительного вынужденного перемещения на грани нищенства и выживания, а порой и за этой гранью.

Принятые на законодательном уровне меры социальной защиты беженцев не обеспечивались необходимыми средствами, в результате не соблюдались или выполнялись символически. Часто они корректировались местными властями в сторону резкого понижения нормативно гарантируемых стандартов. Следует оговориться, что это не было специфическим явлением, свойственным России периода Великой войны. Речь должна идти о конкретном проявлении более общей тенденции по изоляции беженцев от населения и минимизации материальных расходов общества на их адаптацию, наблюдавшейся и в других странах и дожившей до современности [2, с. 971–972; 18; 19, р. 195–199]. Сибирское население продемонстрировало нежела-

²¹ Помощь беженцам // Сибирская жизнь. 1915. 3 сент.

²² Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 9–10. С. 46; многочисленные материалы подтверждают более теплый прием беженцев населением европейской части страны (см.: [17, с. 130–132]).

²³ ГАРФ. Ф. 102. Делопроизв. 4. Оп. 124. 1915. Д. 108, ч. 1. Л. 11; Оп. 125. 1916. Д. 108, ч. 1. Л. 2–2 об.

²⁴ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 2. Д. 6928. Л. 66 об., 87, 148.

²⁵ Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 6–7. Приложения. С. 59.

²⁶ Там же. 1916. № 9–10. С. 45.

²⁷ Там же. 1915. № 17. С. 18.

ние принять временно в свою среду и абсорбировать беженцев. Имевшие длительный опыт взаимодействия со ссыльными и каторжанами, сибиряки привыкли подолгу отталкивать чужаков, держать их на ощутимом социальном расстоянии. Помощь беженцам обернулась своеобразной формой социальной инклюзии, консервировала изолированность большинства беженцев от основного сибирского населения. Понадобился год, чтобы меньшая часть вынужденных мигрантов включилась в хозяйственную жизнь Сибири, заняв низшие ступени социальной лестницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маргинальность в современной России / Е.С. Балабанова, М.Г. Барлуцкая, А.Н. Демин, А.В. Качкин. М., 2000. 207 с.
2. Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: в 15 т. М., 2007. Т. 15: Стратификация и мобильность. 1029 с.
3. Gatrell P. Whole empire walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indianapolis, 1999. 336 p.
4. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 2014. 327 с.
5. Горюшкин Л.М. Беженцы в Сибири в годы Первой мировой войны // Бахрушинские чтения, 1977 г.: сб. науч. тр. Новосибирск, 1977. С. 93–102.
6. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 365 с.
7. Горелов Ю.П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь. XX век. Кемерово, 2002. Вып. 4. С. 66–73.
8. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. 385 с.
9. Еремин И.А. Прием и размещение беженцев в Томской губернии в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 272–276.
10. Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): учеб. пособие. Барнаул, 2010. 293 с.
11. Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 276–278.
12. Чудаков О.В. Деятельность Омского городского самоуправления по организации помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 2000. С. 183–188.
13. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы войны и социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013. 422 с.
14. Щетинина А.С. Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007.
15. Островский Л.К. Деятельность польских общественных организаций Томской губернии по оказанию помощи беженцам Первой мировой войны (1914–1918 годы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: история, филология. 2011. Вып. 1. С. 74–78.
16. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары...: Дневник 1914–1918 гг. / ред.-сост. С.Г. Андреев, П.К. Конкин; коммент. П.А. Новикова. Иркутск, 2008. 592 с.
17. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны. 1914–1925 гг. М., 2014. 432 с.
18. Витковская Г.С. Вынужденные переселенцы из ближнего зарубежья: проблемы интеграции в российский социум // Миграционные процессы после распада СССР. М., 1994. С. 53–70.
19. Gatrell P., Nivet F. Refugees and Exile // The Cambridge History of The First World War. V. III: Civil Society. Cambridge University Press, 2014. 186–215.

REFERENCES

1. Marginality in contemporary Russia / E.S. Balabanova, M.G. Barlutskaia, A.N. Demin, A.V. Kachkin. Moscow, 2000, 207 p. (In Russ.)
2. Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. Fundamental sociology: in 15 vol. Moscow, 2007, vol. 15: Stratification and mobility, 1028 p. (In Russ.)
3. Gatrell P. Whole empire walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indianapolis, 1999, 336 p.
4. Tumanova A.S. Public organizations in Russia during the World War I (1914 – February 1917). Moscow, 2014, 327 p. (In Russ.)
5. Goryushkin L.M. Refugees in Siberia during the World War I. *Bakhrushinskiye chtenia*, 1977: Collection of research papers. Novosibirsk, 1977, pp. 93–102. (In Russ.)
6. Ikonnikova T.Y. Far-East back areas of Russia in the years of the World War I. Khabarovsk, 1999, 365 p. (In Russ.)
7. Gorelov Y.P. Receiving refugees in Siberia during the World War I. *Siberia. XX vek*. Kemerovo, 2002, issue 4, pp. 66–73. (In Russ.)
8. Gorelov Y.P. Siberians at defense of homeland during the wars at the beginning of XX century. Kemerovo, 2003, 385 p. (In Russ.)
9. Eremin I.A. Receiving and lodging of refugees in Tomsk governorate during the World War I. *Istoricheskiy opyt khoziaystvennogo i kulturnogo osvoenia Zapadnoy Sibiri*: Tchetvertiye nauchnyye chtenia pamiati prof. A.P. Borodavkina. Barnaul, 2003, vol. 2, pp. 272–276. (In Russ.)
10. Eremin I.A. West Siberia during the World War I (June 1914 – March 1918): textbook. Barnaul, 2010, 293 p. (In Russ.)
11. Nam I.V. The number and ethnic composition of refugees in Siberia during the World War I. *Istoricheskiy opyt khoziaystvennogo i kulturnogo osvoenia Zapadnoy Sibiri*: Tchetvertiye nauchnyye chtenia pamiati prof. A.P. Borodavkina. Barnaul, 2003, vol. 2, pp. 276–278. (In Russ.)
12. Tchudakov O.V. Omsk municipal government activity on organizing relief for refugees during the World War I. *Problemy istoriografii, istochnikovedenia i istoricheskogo kraevedenia v vuzovskom kurse otechestvennoy istorii*. Omsk, 2000, pp. 183–188. (In Russ.)
13. Tchudakov O.V. Municipal government in Siberia during the war and social earthquakes (June 1914 – the first half of 1918). Omsk, 2013, 422 p. (In Russ.)
14. Schetinina A.S. Refugees in the South of Western Siberia 1914–1923: the sources and methods of study: author's abstract on candidate of historical sciences. Barnaul, 2007. (In Russ.)
15. Ostrovsky L.K. Relief work for refugees of Polish public organizations in Tomsk governorate during the World War I (1914–1918). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Issue: istoria, filologia. 2011, issue 1, pp. 74–78. (In Russ.)
16. Serebriannikov I.I. Experiencing strokes of fate... The diary 1914–1918 / C.G. Andreev, P.K. Konkin, P.A. Novikov. Irkutsk, 2008, 592 p. (In Russ.)
17. Belova I.B. Internally displaced persons: refugees and prisoners of war. 1914–1925. Moscow, 2014, 432 p. (In Russ.)
18. Vitkovskaya G.S. Forced migrants from the near abroad countries: problems of integration in Russian society. *Migratsyonnye protsessy after break-up of the Soviet Union*. Moscow, 1994, pp. 53–70. (In Russ.)
19. Gatrell P., Nivet F. Refugees and Exile. *The Cambridge History of The First World War*. Cambridge University Press, 2014. V. III: Civil Society, pp. 186–215.

DOI: 10.15372/HSS20150315
УДК 94(571)''192''

В.А. ИЛЬИНЫХ

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1920-е гг.: ЭТАПЫ, ТЕНДЕНЦИИ*

Владимир Андреевич Ильиных,
д-р ист. наук, заведующий сектором аграрной истории,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: agro_iwa@mail.ru

Выявлены этапы изменения соотношения основных типов социальной мобильности сибирского крестьянства в 1920-е гг. В начале десятилетия базовым трендом его вертикальной мобильности являлось пополнение за счет других групп сельского населения и обратных мигрантов из городов, основным направлением социальных сдвигов в деревне стало обеднячивание. В середине 1920-х гг. начали нарастать масштабы сельско-городской миграции и перемещения крестьян в иные страты, горизонтальная социальная мобильность приобрела восходящую направленность. В 1928–1929 гг. миграция крестьян резко возросла, высокими темпами увеличивалась численность колхозников, рабочих совхозов и других государственных предприятий, замедлился прирост лиц, занятых кустарными промыслами, произошло снижение удельного веса зажиточных крестьянских хозяйств.

Ключевые слова: социальная мобильность, крестьянство, социальные лифты, сельско-городская миграция, стратификация деревни, нэп, аграрная политика государства, Сибирь.

V.A. ILYINYKH

SOCIAL MOBILITY OF THE SIBERIAN PEASANTRY IN THE 1920s: STAGES AND TENDENCIES

Vladimir A. Ilyinykh,
Doctor of Historical Sciences, Head of the Agrarian History Sector,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: agro_iwa@mail.ru

The article analyzes correlation between the main types of social mobility of the Siberian peasantry in the 1920s. The article's problem field deals with determining basic trends and results of social changes the country underwent under NEP conditions. This issue caused much controversy amongst the Russian and foreign researchers of the Soviet history. In the course of the research the author applied comparative-historical and statistical methods. The analysis is based on the theoretical and methodological framework of contemporary peasant studies. Identification of stages in dynamics of vertical and horizontal social mobility of Siberian peasantry along with description of their specifics during the given period have become the major outcomes of the research.

The early 1920s were marked by the ascending trend of the Siberian peasantry's vertical mobility owing to other groups of rural population and returning migrants from the urban settlements. In mid 1920s the peasant migration into towns (including the push-pull migration) resumed and increased. The share of other strata of rural community (handicraftsmen, public servants, intellectuals, workers) also increased owing to the influx of peasants. At the end of the decade rural-urban migrations increased sharply. The number of collective and state farmers, other workers of state enterprises rose sharply. At the same time increment of persons employed in handicraft industry slowed down.

In 1920–1922 the main trend in peasantry horizontal mobility was transition to the less wealthy groups ("obednyachivanie"). In 1923–1927 social mobility again demonstrated an upward trend when the share of the middle class rose significantly at the expense of the poor. A comparison of the Siberian peasantry's social structure in 1920 and 1927 shows that the NEP village of the mid-1920s was characterized not by the growing numbers of "middle" peasants (serednyaks), but by the "leveling" of peasants on the lower social layer. At the end of the decade the vector of social dynamics changed again. The share of the mid-sized farms grew while that of the wealthy ones fell.

Key words: social mobility, peasantry, social lifts, rural-urban migration, village stratification, New Economic Policy, state agrarian policy, Siberia.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

Самой крупной социально-классовой группой в Сибири в 1920-е гг. являлись крестьяне. Их удельный вес в общей численности населения региона на протяжении всего десятилетия превышал 80 %. В силу абсолютного количественного преобладания крестьян над иными стратами их социальная мобильность имела определяющее значение для социально-экономического развития региона.

Для крестьянства характерны два типа вертикальной мобильности: смена социального статуса в связи с миграцией в городские поселения и перемещение в иные страты внутри сельского социума. Интенсивность сельско-городского миграционного движения в течение 1920-х гг. изменялась от минимальной в начале десятилетия до максимальной в конце. Более того, связанное с последствиями войн и революций резкое ухудшение материального благосостояния городского населения привело к увеличению размеров обратной миграции. Жители городов, спасаясь от голода, бежали в деревню. Причем многие из них были недавними выходцами из сельской местности. По мере развития восстановительных процессов на базе нэпа перемещение крестьян в города и рабочие поселки стало нарастать. На свое прежнее место жительства возвратилась и большая часть обратных мигрантов. В конце 1920-х гг. основным фактором расширения масштабов сельско-городской миграции стала набиравшая обороты индустриализация. В 1927–1929 гг. механический прирост городского населения Сибири превышал естественный прирост более чем в 3 раза [1, с. 95].

В середине 1920-х гг. основной контингент сельских жителей, перебравшихся в город, составляла беднота и неудовлетворенная своим социальным статусом молодежь из более состоятельных категорий сельских жителей. В конце десятилетия в числе мигрантов стала лавинообразно нарастать доля зажиточных крестьян, которых выталкивала из деревни приобретающая все более агрессивную «антикулацкую» направленность аграрная политика большевистского режима. Переселившиеся в городские поселения крестьяне в основном пополняли ряды рабочего класса [2, с. 223–225]. Значительно меньшее число сельских мигрантов становились ремесленниками и служащими.

Для анализа основных направлений и содержания внутридеревенской вертикальной мобильности крестьянства необходимо определить границы между социальными группами сельского населения. Это диктуется отсутствием внешних социокультурных различий между крестьянами и представителями большинства иных страт сельского социума. Так, культура и быт собственно крестьян и проживавших на селе ремесленников были едины, тем более что практически все деревенские ремесленники также занимались сельским хозяйством, а часть крестьян вели стационарные и отхожие промыслы.

Крестьянами, по нашему мнению, являются жители деревни, семьи которых основной доход получают от сельскохозяйственного производства как в собственных хозяйствах, так и в других крестьянских хозяйствах по найму. Крестьян с относительно высо-

ким уровнем дохода от стационарных и отхожих не-земледельческих занятий (ремесло, охота, рыболовство и другие лесные промыслы, извоз, работа по найму в промышленности, строительстве, на транспорте, служба в государственных и кооперативных учреждениях и т.п.) можно отнести к переходным социально-профессиональным группам. Колхозники, не имевшие собственных дворохозяйств (члены сельхозартелей и коммун), также рассматриваются нами как переходная (маргинальная) группа. Рабочие совхозов составляют сельский отряд рабочего класса.

На рубеже 1910–1920-х гг. доля несельскохозяйственных доходов в заработках крестьян, а также удельный вес не крестьян в сельском населении Сибири сократились. В середине 1920-х гг. эти показатели стали увеличиваться. По данным 10 %-ной сельскохозяйственной переписи 1927 г., только для 5,6 % обследованных дворов Сибирского края основной источник заработка находился вне сферы аграрного производства, что позволяет не считать их крестьянскими. Население 78,9 % дворов было занято исключительно аграрным трудом, 12,1 % сочетали его с несельскохозяйственным в качестве побочного источника заработка, 3,4 % обследованных дворов получали основную часть своих доходов от работы в других крестьянских хозяйствах, т.е. относились к батрацким¹. В 1926/27 г. в Сибирском крае на отхожие промыслы ушло около 50 тыс. крестьян, что составляло 6,4 чел. на каждую тысячу сельских жителей².

Увеличивалось число проживающих в сельской местности служащих, интеллигенции, рабочих государственных сельскохозяйственных и иных предприятий, лиц, занятых в несельскохозяйственном секторе сельской экономики, в том числе кустарей и ремесленников. Так, численность учительских кадров в послереволюционное десятилетие увеличилась в сибирской деревне в 2 раза. Врачей также стало больше в 2 раза, фельдшеров – в 1,5 раза. С 1923 по 1927 г. агрономический персонал вырос в 5 раз, землеустроительный – более чем в 3 раза, ветеринарный – в 2 раза [3, с. 150]. Крестьянство являлось абсолютно преобладающим источником пополнения иных страт сельского социума. Базовым лифтом для рекрутирования интеллигенции стала система высшего и среднего специального образования. Рост числа управленцев обеспечивался в основном за счет так называемого выдвиженчества, заключавшегося в назначении на руководящие должности в партийном, советском и хозяйственном аппарате «передовых» крестьян, прежде всего членов партии, которые приобретали опыт и знания в ходе практической деятельности.

Согласно демографической переписи 1926 г. удельный вес различных социально-профессиональных категорий жителей деревни (вместе с членами се-

¹ Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928. С. 162–163.

² Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27 г. М., 1929. С. 15.

мей) в общей численности сельского населения имел следующие значения: крестьян-земледельцев, включая батраков, работавших в крестьянских хозяйствах, и колхозников – 91,7 %, лиц, занятых в других отраслях сельского хозяйства, – 1,7, кустарей-ремесленников – 1,9, служащих – 1,8, рабочих государственных промышленных, сельскохозяйственных и других предприятий – 3,2 %³.

В конце 1920-х гг. вертикальная социальная мобильность сельского населения Сибири имела разноректорный характер. Ускорился прирост количества служащих. Возросла интенсивность отходничества. В 1928/29 г. сибирская деревня отпустила в отход 194 тыс. чел. [4, с. 567]. Развернувшееся индустриальное строительство требовало все больше рабочих рук. Резко увеличилось налогообложение ряда неземледельческих занятий [5, с. 41–42], что замедлило прирост соответствующей категории сельских жителей. После принятия XV съездом ВКП(б) курса на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства численность колхозников⁴, а также рабочих совхозов стала быстро увеличиваться.

Классическим типом вертикальной мобильности крестьянства является его социально-классовая дифференциация в условиях развития капиталистических отношений. Менее состоятельные крестьяне разорялись, лишались собственного хозяйства и становились профессиональными сельскохозяйственными рабочими. Часть более зажиточных крестьян по мере накопления капитала преобразовывала свои крестьянские хозяйства в предпринимательские (фермерские) и вливалась в класс сельской буржуазии. В конце XIX – начале XX в. под влиянием развития рыночных отношений имущественная дифференциация сибирского крестьянства приобрела более ярко выраженный социальный характер. В низших слоях деревни проявлялись элементы пролетаризации, в высших – фермеризации.

В ходе Гражданской войны капиталистические хозяйства, в том числе имевшие крестьянское происхождение, были ликвидированы. В условиях нэпа имущественная дифференциация крестьянства так и не вышла на уровень социально-классовой. Численность работавших в сфере аграрного производства предпринимательских хозяйств была статистически ничтожной. Зажиточные крестьяне, в том числе официально отнесенные к разряду кулаков, продолжали вести крестьянское хозяйство, социокультурно от крестьянства не обособлялись, а оставались его особым социально-имущественным слоем. Зажиточность являлась одним из имманентно присущих крестьянскому семейному дворохозяйству этапов его социального саморазвития, детерминированного изменениями в размере и составе крестьянской семьи. Так, молодая семья, состоявшая из мужа, жены

и малолетних детей, была относительно бедной. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходило наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких молодых семей в составе материнского хозяйства вероятностным образом приводили к его превращению в зажиточное. Раздел семьи означал появление новых, относительно менее состоятельных дворов. Таким образом, многолюдное крестьянское хозяйство, как правило, являлось зажиточным, а малолюдное – маломощным⁵.

Батраки, работавшие в крестьянских хозяйствах на постоянной основе, также являлись составной частью крестьянства. Многие из них не были способны вести собственное хозяйство по экономическим или психологическим причинам. В 1927 г. среди работников, нанятых в крестьянских хозяйствах Сибири, 45 % составляли одиночки (бобыли, бездетные вдовы и вдовцы, сироты и т.п.) [8, с. 177]. Часть семей, члены которых постоянно работали по найму, в начале 1920-х гг. бежали от голода из Поволжья в Сибирь. Они не успели завести хозяйство, но стремились к этому. Исходя из вышеизложенного, мы относим социально-имущественную дифференциацию сибирского крестьянства в 1920-е гг. к проявлению горизонтальной мобильности, которая заключается в смене социальной позиции в пределах данного социума. Выделяется три основных типа горизонтальной мобильности крестьянства: восходящий (переход хозяйств в более высокие имущественные группы), нисходящий (переход в менее состоятельные группы) и нивелировка (увеличение удельного веса одной из социально-имущественных групп за счет других).

Крестьянство имело сложную и постоянно изменяющуюся внутриклассовую структуру. Традиционно сами крестьяне (а вслед за ними и эксперты) выделяли в своей среде три основные социальные группы, которые имели не только имущественные, но и социокультурные различия: бедняки, середняки и зажиточные (кулаки). Указанные группы, в свою очередь, были стратифицированы по имущественному признаку, существовали переходные группы. Определение границ между основными и переходными группами крестьянства, являющееся одной из традиционных проблем отечественной историографии, имеет аналитически спекулятивный характер. Эксперты, а затем и историки, решая данную задачу, исходили из собственных идеологических и политических убеждений [9; 10].

Установить четкие рубежи между отдельными стратами внутри крестьянства практически невозможно в силу их подвижности в историческом времени и

³ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 23. С. 2–3, 59, 61–63.

⁴ На 1 июля 1927 г. в колхозах состояло 0,7 % крестьянских дворов Сибирского края, на 1 октября 1929 г. – 6,7 % [6, с. 219, 281].

⁵ По данным гнездовой динамической переписи 1927 г. в Сибирском крае, дворы без средств производства состояли из 2,7 чел., включая 1,3 трудоспособных, со средствами производства стоимостью до 100 руб. – соответственно из 3,7 и 1,8 чел., от 101 до 200 руб. – из 4,2 и 2,1 чел., от 201 до 400 руб. – из 4,9 и 2,4 чел., от 401 до 800 руб. – из 5,8 и 2,8 чел., от 801 до 1600 руб. – из 6,7 и 3,3 чел., со стоимостью средств производства свыше 1600 руб. – из 8,1 и 3,9 чел. [7, с. 277].

природно-географическом пространстве. В каждом районе, в каждой деревне были свои критерии принадлежности к той или иной группе. Даже применение относительно совершенных методик может привести лишь к условным результатам. Однако условность внутриклассовых границ не является препятствием для

достаточно точного определения основных тенденций социальной мобильности крестьянства. Вполне применимыми для данной цели являются группировки крестьянских хозяйств по натуральным признакам: посеvu, рабочему и продуктивному скоту, которые приведены в табл. 1 и 2.

Т а б л и ц а 1

Группировка крестьянских хозяйств Сибири по обеспеченности посевом по данным выборочных переписей, %*

Год	Без посева	С посевом, дес.							
		до 2	2–3	3–4	4–6	6–8	8–10	10–16	свыше 16
1920	12,9	21,9	12,1	10,5	16,1	9,8	6,1	7,7	2,9
1922	7,7	44,0	26,7		11,8	7,3		2,0	0,5
1923	3,6	39,0	30,7		14,5	9,6		2,2	0,4
1924	3,7	35,3	18,7	14,2	15,8	6,9	2,8	2,1	0,5
1925	7,1	33,5	17,3	13,0	15,8	6,9	3,3	2,5	0,6
1926	5,7	25,9	15,8	13,3	18,2	9,7	5,0	4,9	1,5
1927	6,9	24,1	14,3	12,8	18,3	10,3	5,7	5,9	1,7
1928	6,6	22,8	13,5	12,5	19,3	11,6	6,2	6,1	1,4
1929	5,4	21,1	13,2	12,9	20,7	13,2	7,1	5,7	0,7

*Составлено по: Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 98–101; [11, стб. 700]; Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 270–271.

Т а б л и ц а 2

Группировка крестьянских хозяйств Сибирского края по обеспеченности скотом, %*

Год	Без скота	Со скотом, голов			
		1	2	3	4 и более
<i>С рабочим скотом</i>					
1920	9,4	20,1	30,6	19,7	20,2
1922	9,7	28,6	33,7	15,5	12,5
1923	11,8	31,0	32,3	14,4	10,5
1924	8,8	27,9	36,4	15,8	11,1
1925	10,0	28,9	36,5	14,9	9,7
1926	10,7	29,3	37,3	14,0	8,7
1927	10,2	28,6	38,1	14,3	8,8
1928	8,7	27,0	39,3	15,5	9,5
1929	8,0	28,1	43,7	13,9	6,3
<i>С коровами</i>					
1920	8,8	32,1	29,9	14,1	15,1
1922	8,4	43,1	29,6	10,8	8,1
1923	10,4	43,5	26,8	10,3	9,0
1924	8,3	42,8	29,5	10,4	9,0
1925	7,8	40,5	30,7	11,7	9,3
1926	7,6	37,3	30,9	12,7	11,5
1927	6,6	36,0	31,5	13,6	12,3
1928	6,1	34,9	31,7	13,8	13,5
1929	6,4	39,0	32,4	11,8	10,4

*Составлено по: Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. М., 1927. С. 149; Сибирский край. С. 270–271.

Примечание: Сведения за 1920, 1924–1929 гг. приводятся по данным выборочных сельскохозяйственных переписей, за 1922 и 1923 гг. – по данным гнездовых динамических переписей.

Сравнение данных сельскохозяйственных переписей 1920 и 1922 гг.⁶ позволяет сделать вывод о нивелировке сибирского крестьянства на существенно более низком (бедняцком) имущественном уровне. Произошло резкое снижение числа хозяйств, засевающих от 6 до 10 дес. (с 15,9 до 7,3 %) и свыше 10 дес. (10,6 до 2,5 %), и не менее значительное увеличение удельного веса хозяйств, засевающих до 2 дес. (с 21,9 до 44,0 %) соответственно. Доля дворов с посевом от 2 до 4 дес. выросла с 22,6 до 26,7 %, а от 4 до 6 – сократилась с 16,1 до 11,8 %. Свообразным проявлением обеднячивания сибирской деревни стало снижение удельного веса беспосевных дворов (с 12,9 до 7,7 %). Сокращение числа зажиточных крестьян привело к уменьшению спроса на наемную рабочую силу, и бывшие батраки, чтобы выжить, вынуждены были произвести посев.

За два года удельный вес малоскотных хозяйств увеличился (с одной головой рабочего скота – с 20,2 до 28,6 %, с двумя – с 30,6 до 33,7 %; с одной коровой – с 32,1 до 43,1 %), а доля дворов, имеющих более двух голов скота, снизилась (по рабочему скоту – с 39,9 до 28,0 %, по коровам – с 29,2 до 18,9 %). Доля дворов, не имеющих скота, изменилась незначительно.

Основной причиной тотального обеднячивания сибирского крестьянства стал глубокий сельскохозяйственный кризис начала 1920-х гг., вызванный сверхнормативным обложением деревни в рамках продразверстки и первого продналога, а также двумя подряд неурожаем зерновых и трав.

Начавшееся в 1923 г. восстановление аграрного сектора экономики Сибири на базе нэпа позитивно сказалось на динамике социальной мобильности крестьянства, которая приобрела восходящую направленность. В 1922/23–1923/24 учетных годах⁷ существенно сократился удельный вес беспосевных дворов и хозяйств, засевающих до 2 дес. (с 44 до 35,3 %), увеличилась доля групп с посевом от 2 до 16 дес. С 1924/25 г. началось сокращение удельного веса хозяйств, засевающих от 2 до 4 дес. (с 48 до 61 %). Отличительной чертой 1924/25 г. стал заметный рост числа беспосевных дворов (с 3,7 до 7,1 %), что свидетельствует о восстановлении рынка наемной рабочей силы. В 1925/26 г. процесс перехода из низших посевных групп в высшие ускорился. При этом наибольший прирост дали группы с посевом от 6 до 10 дес. и свыше 10 дес. (соответственно на 43 и 93 % от уровня предыдущего года). В 1926/27 г. темпы сокращения доли малопосевных и увеличения средне- и крупнопосевных снизились.

Уменьшение удельного веса бескоровных и однокоровных дворов и увеличение доли хозяйств с двумя и более коровами началось в 1923/24 г. и происходило относительно медленно. Аналогичная тенденция

в изменении соотношения групп по обеспеченности рабочим скотом проявилась лишь в 1926/27 г. Количество безлошадных дворов увеличивалось вплоть до 1925/26 г. В 1923/24 г. удельный вес хозяйств с одной головой уменьшился (с 31 до 27,9 %), а с двумя и более – вырос (с 32,3 до 36,4 %). Итоги 1924/25 и 1925/26 гг. были менее позитивными: произошел рост групп с одной и двумя лошадьми и сокращение числа более обеспеченных хозяйств.

Социальная мобильность крестьянства в середине 1920-х гг. в официальных документах большевистской партии, а затем и в советской историографии однозначно трактовалась как осереднячивание. В это время действительно произошло значительное увеличение удельного веса средних слоев за счет бедноты. Однако для того, чтобы выявить итоги социальных сдвигов, произошедших в сибирской деревне в годы нэпа, нужно соотнести материалы сельскохозяйственных переписей 1927 и 1920 гг. (см. табл. 1, 2). Удельный вес беспосевных и малопосевных дворов в 1927 г. по сравнению с 1920 г. в зависимости от того, какую из обозначенных в историографии границ между низшей и средней группой крестьянства принять, либо несколько снизился (в 2 дес. – на 3,8 п.п., в 3 дес. – на 1,6 п.п.), либо незначительно вырос (в 4 дес. – на 0,7 п.п.). Доля дворов без коров и с одной коровой увеличилась на 1,7 п.п. Удельный вес дворов с одной головой рабочего скота и не имеющих такового повысился с 29,5 до 38,8 %. Абсолютное число этих хозяйств выросло, по нашим подсчетам, более чем в 1,5 раза. Хозяйств с посевом от 8 дес. и более в относительных величинах стало меньше в 1,3 раза, с посевом от 10 дес. и более – в 1,4 раза, с 4 коровами и более – в 1,2 раза, с 4 головами рабочего скота и более – в 2,3 раза.

В итоге в сибирской деревне в 1920–1927 гг. произошло сокращение числа зажиточных хозяйств, но в то же время доля бедноты не только не уменьшилась, но даже увеличилась, поскольку абсолютное большинство дворов с одной головой рабочего скота применительно к региону можно с полным основанием отнести к бедняцким.

В 1927/28 г. в Сибири наблюдалась в целом положительная динамика социальной мобильности. Удельный вес дворов без коров и лошадей и с одной головой снизился, а всех остальных групп – повысился. В группировке по посеву наблюдалось продолжение снижения доли малопосевных. Однако впервые за 5 лет число хозяйств с посевом более 10 дес. не только не повысилось, но даже несколько уменьшилось. Начавшаяся нивелировка крестьянства стала следствием политики государства по расширению помощи бедноте и экономическому ограничению зажиточных слоев.

В 1928/29 г. усиление экономического и политического давления на зажиточных крестьян привело к нарастанию нивелировки деревни. Весенняя выборочная сельскохозяйственная перепись 1929 г. зафиксировала продолжающееся сокращение доли беспосевных и малопосевных хозяйств. Удельный вес хозяйств с посевом более 10 дес. снизился почти в 1,2 раза. По-

⁶ Итоги выборочной сельскохозяйственной переписи 1921 г. по Сибири в целом не выявлены. Гнездовая перепись 1921 г. проводилась только в западной части региона.

⁷ Под учетным годом понимается период между двумя переписями, проведенными в предшествующий и текущий годы.

высилась доля хозяйств с одной и двумя головами и снизилась – с тремя и более (в том числе с 4 и более рабочими лошадьми – на 1/3, с 4 коровами и более – более чем на 1/5). В дальнейшем в течение года процессы снижения мощности зажиточных хозяйств, их самоликвидации и сокращения удельного веса еще более усилились. Соответственно нарастающими темпами уменьшалось число работающих в крестьянских хозяйствах батраков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Население Западной Сибири в XX веке: [кол. моногр.] / отв. ред. Н.Я. Гушин, В.А. Исупов. Новосибирск, 1997. 172 с.
2. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.): [кол. моногр.] / отв. ред. А.С. Московский. Новосибирск, 1982. 425 с.
3. *Осташко Т.Н.* Сельская интеллигенция Сибири. Конец 1919 – 1927 г. Новосибирск, 1988. 174 с.
4. Историческая энциклопедия Сибири / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2009. Т. II. 808 с.
5. Политика раскрестьянивания в Сибири / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. 214 с.
6. *Гушин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. 520 с.
7. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. 320 с.
8. Историческая энциклопедия Сибири / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2009. Т. I. 716 с.
9. *Ильиных В.А.* Социальная мобильность сибирского крестьянства: дискурс 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 85–89.
10. *Ильиных В.А.* Социальная мобильность сибирского крестьянства в 1920-е гг.: историография проблемы // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1: История. С. 150–157.
11. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. II.

REFERENCES

1. West Siberian population in the XX century. Novosibirsk, 1997, 172 p. (In Russ.)
2. The working class of Siberia in the period of socialism building (1917–1937). Novosibirsk, 1982, 425 p. (In Russ.)
3. *Ostashko T.N.* Rural intelligentsia of Siberia. Late 1919–1927. Novosibirsk, 1988. 174 p. (In Russ.)
4. Historical encyclopedia of Siberia. Novosibirsk, 2009, vol. II, 808 p. (In Russ.)
5. The policy of “raskrestyanivaniya” in Siberia. Novosibirsk, 2000. Iss. 1: Stages and methods of liquidation of the peasant farms. 1930–1940, 214 p. (In Russ.)
6. *Gushchin N.Ya.* Siberian village on the road to socialism. (Social-economic development of the Siberian village during the socialist reconstruction of the national economy. 1926–1937). Novosibirsk, 1973, 520 p. (In Russ.)
7. *Danilov V.P.* Pre-collective farm Soviet village: population, land use, peasant farm. Moscow, 1977, 320 p. (In Russ.)
8. Historical encyclopedia of Siberia. Novosibirsk, 2009, vol. I, 716 p. (In Russ.)
9. *Ilyinykh V.A.* Social mobility of Siberian peasants: discourse of the 1920s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2014, N 4, pp. 85–89. (In Russ.)
10. *Ilyinykh V.A.* Social mobility of Siberian peasantry in 1920s: the problem historiography. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya*. 2015, vol. 14, iss. 1: istoriya, pp. 150–157. (In Russ.)
11. Siberian Soviet encyclopedia. Novosibirsk, 1931, vol. II. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 22.04.2015

DOI: 10.15372/HSS20150316
УДК 94(571)»1899/1933»

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

ТРАНСПОРТНАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.: ОТ РЫНОЧНОЙ К РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Галина Михайловна Запорожченко,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: galinakoop@yandex.ru

В центре внимания автора – опыт кооперативов рабочих и служащих железнодорожного и водного транспорта Сибири в 1899–1933 гг. Автор исследует причины и обстоятельства утраты транспортной потребительской кооперацией статуса самостоятельной организации, закончившейся ее организационным поглощением государственной торговлей. Показано резкое ухудшение условий хозяйственной деятельности кооперации на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с проведением индустриализации и коллективизации, централизованным распреде-

лением фондов, усилением партийно-государственного контроля, финансовой зависимостью от государства и т.п. Существенную роль, по мнению автора, сыграли и теоретические представления о «второсортности» кооперативной формы собственности в сравнении с государственной и общенародной, а также объективные сложности, связанные с неустойчивой рентабельностью широко раскинувшейся торговой сети транспортной кооперации.

Ключевые слова: потребительская кооперация, транспортное потребительское общество, новая экономическая политика, закрытые распределители, отделы рабочего снабжения, Сибирь.

G.M. ZAPOROZHCHENKO

TRANSPORTATION CONSUMER COOPERATION IN SIBERIA IN THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY: FROM A MARKET TO DISTRIBUTION MODEL

Galina M. Zaporozhchenko,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: galinakoop@yandex.ru

The article considers the historical experience of transportation consumer cooperatives established on the Siberian railways. During the pre-revolutionary period there were both independent railway co-operative societies and those that were dependent on the State. During the period of «military communism» when market relations were restricted the consumer societies shifted from trade to distribution. Shares, dividends, voluntary membership reappeared in the co-operative practice only under the New Economic Policy (NEP). NEP's positive momentum resulted in the increased business activity indicators of transportation consumer societies. Industrialization and collectivization in the 1920s–1930s led to sharp deterioration of the conditions of trade. The growth of turnover and profits slowed down, efficiency and quality of service decreased. The crisis was exacerbated by the declining state funding and goods flow after a number of reorganizations. In 1931 transportation cooperation turned into a network of «closed distributors» with rationing for its employees. In 1933 its functions and property were transferred to «departments of workers supply» at enterprises. Centralized distribution of funds, rigorous State and party control and financial dependence deprived the co-operation of independent status and determined its organizational absorption by the state trade. Theoretical ideas about inferiority of co-operative form of ownership as opposed to the state-public socialist property, as well as objective difficulties associated with far-flung network of sales outlets, some of which were loss-making, also played a significant role.

Key words: consumer cooperation, transportation consumer society, New Economic Policy, «closed distributors», «departments of workers supply», Siberia.

Актуальность исследования всех форм кооперативного движения объясняется дискуссионностью вопроса об оценке состояния кооперации в целом накануне «великого перелома». Угасала ли она постепенно на протяжении нэпа и в конце 1920-х гг. оказалась в глубоком кризисе, что было обусловлено наличием антагонистических противоречий с государством? Или кооперация не исчерпала своих возможностей и подверглась административному слову в 1929 г.? [1, с. 8].

История транспортной потребительской кооперации в Сибири охватывает немногим более трех десятилетий – с 1899 по 1933 г. Ряд исследователей изучали ее развитие в дореволюционный (Н.А. Рожков, С.П. Днепровский, Л.Ф. Берсенев, И.А. Коряков, Л.Х. Корякова, В.А. Кригер, И.И. Курьян, М.К. Яковенко, А.П. Толочко, Ю.П. Плотников, Н.Г. Лашков) и советский (А.С. Шикалов, Е.И. Нечаев, В.И. Дудкалов, В.Н. Воробьев) периоды. В данной статье обобщены итоги исторического пути потребительской кооперации; показана эволюция кооперативной сущности транспортных потребительских организаций под влиянием социально-политических и экономических факторов.

На обширных редконаселенных пространствах Сибири транспортная потребительская кооперация

играла исключительно важную роль, обеспечивая продовольствием и промышленными товарами железнодорожные станции, разъезды, пристани, а также поездные и судовые бригады, находившиеся в пути. Железнодорожная кооперация возникла в России в дореволюционный период в зависимой форме, неизвестной в западноевропейских странах. По мнению современников, содействие администрации, ссуды, казенные помещения, льготный тариф могли гарантировать ее от убыточности [2, с. 39]. На самом деле в железнодорожных обществах, находящихся под «насилственной опекой начальства»¹, было мало кооперативного. Одним из крупнейших среди 40 кооперативов на железных дорогах России являлось Общество потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги, действовавшее с 1899 г. на территории от Иркутска до границ Китая и Амурской области. К 1917 г. оно имело 28 тыс. членов, 1 млн руб. капиталов и 6,5 млн руб. товарооборота. Возникшее одновременно с ним аналогичное общество на Сибирской железной дороге с конторой в Томске разорилось в 1908 г. На обслуживавших железную дорогу каменноугольных копей в Томской губернии были организованы обще-

¹ Союз потребителей (Москва). 1917. № 25. С. 8.

ства потребителей: в 1905 г. – в Судженске, в 1911 г. – в Анжерске. В 1916 г. общества потребителей появились на линиях Томской² и Омской³ железных дорог, действовали они параллельно с продовольственными комитетами, созданными их администрацией при помощи правительственных субсидий⁴.

Независимые железнодорожные потребительные общества, уделявшие внимание развитию самостоятельности, кооперативной демократии, культурной работы, функционировали с 1913 г. в Чите, на станциях Тайга, Иланская, Боготол, Слюдянка, Мысовка, Топки⁵ и др. Большие группы железнодорожных рабочих и служащих вступали в городские всеобщие потребительные общества в Красноярске, Иркутске, Чите, Верхнеудинске, Нижнеудинске, Новониколаевске, Омске [3, с. 63–96]. К 1917 г. потребительные общества были созданы речниками в Красноярске и Омске.

Революционные события и Гражданскую войну Забайкальское общество потребителей пережило с наименьшими потерями, приняло меры по демократизации устава, сохранило и увеличило капиталы и обороты, в отличие от российской железнодорожной кооперации, которая практически лишилась в этот период своих оборотных средств и начала восстанавливаться только в 1923 г. из остатков пайкового довольствия Наркомпрода⁶. Уцелели и просуществовали до 1935 г., до перехода городской кооперативной сети в государственную торговлю, созданные железнодорожниками кооперативы в Красноярске, Верхнеудинске, Чите.

В результате преобразований 1918–1920 гг. в кооперации было введено обязательное для всех граждан членство, работала она с помощью прямого продуктообмена без паев и дивидендов, распределяя продовольственные пайки по нарядам государственных органов. Транспортная потребительская кооперация стала организационно оформляться как разновидность рабочей. Во всероссийском масштабе продовольственные комитеты и кооперативы на транспорте объединились в Продпуть – автономную хозяйственную организацию при Всероссийском железнодорожном профессиональном союзе, а затем при Наркомпроде. В Сибири на базе Омской заготовительной конторы возник Сибпродпуть с отделениями в Новониколаевске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, Мариинске, Бийске, Канке, Ачинске, Семипалтинске, Усть-Каменогорске, Павлодаре, Славгороде⁷. На I Краевом съезде транспортной кооперации Сибири в октябре 1921 г. в Новониколаевске констатировалось «прекращение кооперативного бытия на железных дорогах», отмечалось, что «Сибпродпуть превратился в технический аппарат Сибпродкома для распределения госпайка между тружениками сибирского транспорта»⁸.

Переход к новой экономической политике вызвал необходимость в пересмотре отношений государства с кооперацией, которая, по словам В.И. Ленина, «находилась в состоянии чрезмерного задушения»⁹. Декретами от 7 апреля и 26 октября 1921 г. ей возвращались имущество, хозяйственная инициатива и финансовая самостоятельность, а в начале 1924 г. – добровольное членство, паи и дивиденды. Но, несмотря на проведенный еще в 1917 г. кооперативный закон, кооперация продолжала работать под контролем государства, диктовавшего размер пая, цены, нормы коммерческого накопления, объемы кредитования в обмен на денежную помощь. Профсоюзы и Управления дорог также оказывали кооперации существенную поддержку.

В системе потребительской кооперации, возглавляемой Центросоюзом, в 1921 г. было создано Центральное управление по снабжению работников транспорта (ЦУСТРАН), а затем Транпосекция с выборными органами управления и хозяйственной автономией. 18 июля 1922 г. Транпосекцией был утверждено Положение о Сибтранпосекции с нормой представительства при выборах из расчета один уполномоченный от 500 членов¹⁰.

К весне 1922 г. в стране действовало 84 транспортных потребительских общества (ТПО), из них 8 – в Сибири¹¹. К концу лета 1923 г. их преобразовали в 6 ТПО: Иркутское (с Красноярском), Томское (с Новониколаевском), Алтайское (с Омском, Тюменью и Челябинском), а также Енисейское и Омско-Тюменское водные¹². Сеть железнодорожных, водных и смешанных ТПО обслуживала большую часть транспортников и их семей (262 тыс. чел.) вплоть до самых дальних и малоллюдных уголков¹³.

Пережив трудный период организационной перестройки, ТПО от распределительных функций постепенно перешли к торговой работе, заново вступив на путь первоначального накопления собственных средств¹⁴. Уже в 1923 г. в сибирских ТПО наблюдалось превышение доходов над расходами: 736 085 против 252 786 руб. золотом¹⁵. Рабочие реализовывали через магазины ТПО в среднем 40 % своего бюджета¹⁶. 28 тыс. рабочим был предоставлен товарный кредит на 215 226 руб. из полученного в конце 1923 г. от правления Сибирской железной дороги натурального и денежного фондов. Около 70 % товаров ТПО закупали у государственных органов и других кооперативных организаций, 28 % – у частных предпринимателей. Расширению ассортимента товаров способствовала промышленная и сельскохозяйственная деятельность. ТПО имели мельницы, пимокатное, сапожное, кожевенное, мыловаренное, колбасное, хлебное производ-

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 458. Л. 6.

³ РГИА. Ф. 1288. МВД. Оп. 15. 1915 г. Д. 163. Л. 28.

⁴ Союз потребителей. 1918. № 29–30. С. 9.

⁵ Труженик (Иркутск). 1919. № 6. С. 7.

⁶ ГАНУ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

⁷ Там же. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 1036. Л. 15.

⁸ Там же. Д. 977. Л. 42.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 64.

¹⁰ ГАНУ. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 1036. Л. 2.

¹¹ Там же. Д. 977. Л. 43.

¹² Там же. Д. 1691. Л. 27.

¹³ Там же. Л. 17.

¹⁴ Там же. Д. 976. Л. 11.

¹⁵ Там же. Д. 1691. Л. 29.

¹⁶ Там же. Л. 33.

ства, племенные питомники, огороды, пасеки, покосы, полеводческие сельхозугодья¹⁷.

Введение в 1924 г. добровольного членства осуществлялось на основе перерегистрации обществ, поднявшей интерес к кооперации. Структурная реорганизация призвана была усовершенствовать ее деятельность. В 1925 г. водная кооперация как самостоятельный вид была признана экономически невыгодной и ликвидирована, а снабжение рабочих водного транспорта было передано рабочей и общегражданской потребительской кооперации на местах¹⁸. Реорганизация железнодорожной кооперации в соответствии с измененными границами железных дорог в Сибирском округе путей сообщения к концу 1925 г. завершилась созданием четырех ТПО: Новосибирского, Томского, Красноярского и Забайкальского, а также Омского дорожного потребительского союза¹⁹.

Положительный импульс нэпа сказался в динамике развития сибирской транспортной кооперации. К середине 1924 г. она охватывала 72,7 % всех транспортников: из 54 171 их общего числа 39 392 являлись членами ТПО, что превышало средние показатели по стране (69,6 %). В течение 1922–1924 гг. на треть возросло количество лавок и магазинов, которых насчитывалось около 100, удвоились торговые обороты²⁰. На пленумах Сибирского краевого кооперативного совета в октябре 1927 г. и марте 1928 г. отмечалось, что транскооперация Сибири укрепились численно и хозяйственно, повышала рентабельность, снижала торговые расходы и цены²¹.

Однако относительно благоприятный период для кооперации был кратковременным: 1924–1927 гг. Обследование Сибтранспосекцией балансов сибирских ТПО показало, что их финансовое положение являлось очень напряженным. Не хватало оборотных средств, слабой оставалась материальная база. Пай вырос до размеров месячного заработка, но собрать его в полной мере не удавалось, несмотря на двухгодичную рассрочку. Собственные средства составляли 11 % всего оборотного капитала, т.е. кооперация торговала в основном на государственные средства, что давало повод для администрирования и вмешательства во внутренние дела. В активной части балансов основную долю составляли труднореализуемые и малоподвижные ценности, значительные долги числились по рабочему кредитованию²². Слабым местом являлись раздутость персонала, слабая ассортиментная политика, недостаточная культурно-просветительная работа, растраты²³ [4, с. 1–3; 5; с. 4; 6, с. 1].

На рубеже 1920–1930-х гг. условия торговой работы резко ухудшились в связи с ускоренным проведением

индустриализации и коллективизации. Произошел переход от свободной закупки товаров к их централизованному целевому поступлению от Наркомторга с учетом важности объектов снабжения. Вместе с тем внимание системы, которая привыкла получать централизованное снабжение, переключалось на развитие собственных заготовок и производства, введение хозрасчета²⁴. Налицо было противоречие между призывами к рачительности и предприимчивости в условиях свертывания рынка.

Сократилось финансирование кооперации, ухудшились условия расчетов по всем видам кредитов, ставки оплаты займов повышались с 12 до 20 %, директивные нормы коммерческого накопления не обеспечивали поступления средств на развитие операций²⁵. В порядке партийной дисциплины кооперативы обязывали торговать продуктами сельского хозяйства ниже себестоимости. Транспортная кооперация имела больше возможностей для коммерческого накопления, так как пользовалась льготным железнодорожным тарифом (за исключением Забайкальского ТПО), но разбросанность по линии железных дорог и мелкие размеры многих линейных торговых пунктов снижали общую рентабельность торговли в ТПО²⁶.

Взросшие тяготы повседневной деятельности потребительской кооперации представлялись как «повышение ответственности потребкооперации за индустриализацию». Установка состояла в том, чтобы кооперация, не рассчитывая на помощь государства и опираясь на собственные средства, сама пришла на помощь государству. «Индустриализация страны требует максимального освобождения государственных средств из торгового оборота и вложения их в промышленность, – говорилось в циркуляре Транспосекции «О финансовых перспективах на 1929–1930 гг.», – поступающему от промышленности товарному потоку должен пойти навстречу денежный поток от торговли за наличные»²⁷. Выполнение директив о снижении наценок и цен должно было привести к передаче государству из одной только системы сибирской потребкооперации 30–40 млн руб. для целей индустриализации [7, с. 7]. Кооперация оставалась без средств. Поскольку сбор паевых составлял 1/3 от плана, единственный выход виделся в дальнейшем увеличении пая.

В конце 1920-х гг. в транспортной кооперации усилились кризисные явления, выразившиеся в замедлении роста оборотов и прибылей, снижении степени удовлетворения потребительских нужд. С 1928 г. важнейшие товары нормировались, были введены заборные карточки на хлеб и другие продукты. Товаров, поступавших централизованно, катастрофически не хватало, самозаготовки требовали соответствующих директив, дополнительных затрат, опытных кадров. Дефицит, пустые полки, очереди, хищения, бесхозяй-

¹⁷ Там же. Д. 1036. Л. 10, 18.

¹⁸ Там же. Ф. П-2. Оп. 2-1. Д. 549. Л. 6, 58; Оп. 4. Д. 2. Л. 15, 103, 105.

¹⁹ Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 154.

²⁰ Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 989. Л. 28–28 об.

²¹ Там же. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 319. Л. 69; Д. 315. Л. 173.

²² Там же. Ф. П-2. Оп. 2-1. Д. 437. Л. 7.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 549. Л. 70; Оп. 2-1. Д. 543. Л. 8; Ф. 179. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

²⁴ Там же. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 44.

²⁵ Там же. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 314. Л. 6.

²⁶ Там же. Д. 300. Л. 50; Д. 299. Л. 96.

²⁷ Там же. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.

ственность, грязь, ветхость помещений стали приметам кооперативных магазинов. Непосильным бременем для ТПО являлась организация общественного питания, рабочего кредитования, хлебопечения.

Настроения железнодорожников отчасти отразились в их неосторожных разговорах, зафиксированных в сводках Сибкрайкома ВКП(б) в 1929–1930 гг.:

Из рабочих тянут соки, работы прибавляют, рабочий день уплотняют, а хлеба убавляют... С хлебом дело плохо, а коммунисты говорят, что все хорошо... Кто из нас останется живым к концу пятилетки на таком пайке? Поневоле сделаешься саботажником... Раньше мы лучше жили, а теперь голодаем. В 1925–26-ом хлеба хватало, за границу вывозили, а теперь недостает... Придется, как в 20-ом, брать мешки и ехать в деревню за хлебом²⁸.

Атмосфера общих собраний передавала скрытый накал противостояния полуголодных пайщиков и малочувствительного к настроениям рабочих аппарата кооперации, который вместо обсуждения на собраниях насущных нужд «продавливал» исходящие «сверху» директивы о соцсоревновании, бригадных обследованиях, рацминимумах, рабочем контроле, являвшихся мнимой панацеей от бесхозяйственности.

В 1930–1931 гг. работу транспортной кооперации подорвала череда реорганизаций. В апреле 1930 г. она была объединена с рабочей кооперацией в городах²⁹. В результате положение линейных работников ухудшилось. На участках железнодорожного строительства в августе 1930 г. было зафиксировано «безобразное снабжение» рабочих: не было второго блюда на обед, на ужин подавали только кашу, овощи отсутствовали, «в столовой – грязь, нет ложек, земляные червяки в супе». В октябрьские праздники более 100 рабочих остались без обедов³⁰.

В начале 1931 г. транспортная кооперация вновь обособилась от рабочей. В пределах Западно-Сибирского края были созданы и получили контрольные цифры на 1931 г. по контингентам и товарооборотам Омский и Томский железнодорожные кооперативы. Работа по восстановлению только что ликвидированных ТПО, возвращению бывших работников, помещений и ценностей потребовала не меньшего напряжения, проходила с большими «срывами» и обязательной трехдневной отчетностью председателей³¹. Всего в Западной Сибири в этот период было организовано 13 ТПО: 10 – в железнодорожной и 3 – в возрожденной водной потребительской кооперации. Везде ощущался недостаток помещений, складов, инвентаря. Неразбериха при учете контингента приводила к выдаче значительно меньшего количества пайков по сравнению с потребительским населением. Упор делался на организации закрытых распределителей, а также общественного питания ввиду намечавшегося вовлечения в производство большого количества женщин.

Неоднократные административные реорганизации транспортной потребительской кооперации свиде-

тельствовали о том, что ее собственность фактически перестала ей принадлежать, с легкостью переходила в подчинение государства, рабочей кооперации и обратно. Сложный организационный процесс делился между кооперативными работниками по принципу «вы приехали, мы уезжаем», без заботы о потребителе. В марте 1931 г., подводя итоги кампании по реорганизации транспортной кооперации, Западно-Сибирский крайком партии констатировал, что «восстановление ТПО закончилось, но никакого улучшения рабочего снабжения нет»³². При обследовании Томского ТПО отмечались «архихаотический» беспорядок, «общая запутанность дел», «крайняя бесхозяйственность и расхлябанность всей работы»³³. Обследование Топкинского РайТПО закончилось с характерной для того времени трагичностью – каждый пункт дороги объявлялся гнездом вредителей, сотни кооперативных работников подверглись арестам и тюремному заключению³⁴.

Но главные реорганизации были впереди. В 1932 г. было законодательно запрещено открытие магазинов и лавок частными лицами. Кооперативная и государственная торговля заняла монопольное положение на внутреннем рынке, соотношение между кооперативным и государственным секторами торговли стало меняться в пользу последнего. ЦК ВКП(б) и СНК приняли постановление об организации при промышленных предприятиях отделов рабочего снабжения (ОРСов). Один из важнейших участков снабжения рабочих переходил от потребительской кооперации к государственной торговле. Материально-техническая база кооперативов была признана «неудовлетворительной» и безвозмездно передавалась ОРСам³⁵. Теоретическим обоснованием данного решения служили представления о второсортности кооперативной формы собственности в сравнении с государственной и общенародной.

Постановлением СНК от 19 июля 1933 г. закреплялось создание ОРСов на сибирских железных дорогах и водном транспорте. Так, из 5 районных ТПО на Томской железной дороге было создано 22 ОРСа. Обслуживавшие транспорт Сибири ОРСы объединялись в Управления рабочего снабжения – УРСы. В 1934 г. действовали УРСы Омской и Томской железных дорог, Запсибстроя и водосекции³⁶. Созданные на месте транспортной кооперации ОРСы также продемонстрировали свою нерентабельность. Среди ее причин указывались те же факторы, что тормозили работу бывших ТПО: слабость финансовой и материально-технической базы, уменьшение объемов централизованного снабжения товарами, растраты и хищения³⁷.

История транспортной кооперации свидетельствует о развитии кооперативных форм в условиях

²⁸ Там же. Ф. П-2. Оп. 2-1. Д. 3483. Л. 73–74, 92.

²⁹ Там же. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 339. Л. 155 об.

³⁰ Там же. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 125. Л. 38.

³¹ Там же. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 349. Л. 11.

³² Там же. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 294. Л. 22 об.

³³ Там же. Оп. 6. Д. 842. Л. 484–500.

³⁴ Там же. Д. 843. Л. 173.

³⁵ Там же. Л. 2.

³⁶ Там же. Оп. 7. Д. 602. Л. 107.

³⁷ Там же. Оп. 9. Д. 794. Л. 44.

советского строя только по названию, но не по своей сути. Нэп являлся кратким периодом возрождения кооперативной работы на транспорте, но не стал для нее золотым веком. Основанное на прикреплении к снабжающей организации членство, централизованное распределение фондов и жесткий партийно-государственный контроль лишали кооперативы статуса самостоятельных организаций. Казенщина вытесняла самостоятельность, предприимчивость и инициативу. Существовали и объективные сложности развития эффективной торговли в широко раскинувшейся сети торговых пунктов, часть из которых была неизбежно убыточной. К концу периода ТПО превратились в сеть закрытых распределителей, обслуживавших рабочих централизованно распределяемыми товарами по заборным карточкам. Это предопределило организационное поглощение кооперативных структур, что и произошло в 1933 г. с образованием в системе транспортной кооперации УРСов и передачей им кооперативной собственности. Кризисные явления в кооперации в конце 1920-х гг. были восприняты руководством как недееспособность и неприспособленность кооперативных форм для решения глобальных задач модернизации экономики. При этом выражение «кооперативные методы работы» в партийном языке превратилось в ярлык для работающих неповоротливо и нерадиво.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаев А.А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. 280 с.

2. Люри Н. Общество потребителей служащих Забайкальской железной дороги: обзор деятельности за период 1899–1916 годов. Иркутск, 1917. 96 с.

3. Запорожченко Г.М. Транспортная кооперация Сибири в первой трети XX века. Новосибирск, 2007. 232 с.

4. Краткий отчет правления Омского ТПО о работе в 1926–27 г. Омск, 1928.

5. Отчет о деятельности правления Красноярского районного ТПО за 1927–28 операционный год. Красноярск, 1929.

6. Отчет о работе Забайкальского ТПО за 1927–1928 отчетный год, 29-ый год существования. Чита, 1929.

7. Потребкооперация Сибири в 1927–1928 и 1928–1929 гг. Отчет IV Собранию уполномоченных Сибкрайсоюза. Новосибирск, 1930.

REFERENCES

1. Nikolaev A.A. The main types of cooperatives in Russia: historical and theoretical essays. Novosibirsk, 2007. 280 p. (In Russ.)

2. Lury N. The consumer society of Transbaikalian railway servants: review of activities for the period 1899–1916. Irkutsk, 1917. 96 p. (In Russ.)

3. Zaporozhchenko G.M. Transport cooperation in Siberia in the first third of the twentieth century. Novosibirsk, 2007. 232 p. (In Russ.)

4. A brief report of the Omsk Transport consumer society on the work in 1926–27. Omsk, 1928. (In Russ.)

5. The activity report of the Board of the Krasnoyarsk regional Transport consumer society for the fiscal year 1927–28. Krasnoyarsk, 1929. (In Russ.)

6. Report on the work of Transbaikalian Transport consumer society for 1927–1928 year, the 29th year of existence. Chita, 1929. (In Russ.)

7. The district of Siberia in 1927–1928 and 1928–1929. Report for IV Meeting of commissioners of Siberian regional consumer Union. Novosibirsk, 1930. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 28.07.2015

DOI: 10.15372/HSS20150317

УДК 316.4

Н.С. КОРОБЕЙНИКОВА

ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)*

Надежда Сергеевна Коробейникова,
канд. ист. наук, младший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: ellpise@gmail.com

В статье изучается тренд детской смертности в годы Великой Отечественной войны как важнейший показатель воспроизводства населения. Выявлены структурные трансформации детской смертности в городах Западной Сибири в 1941–1945 гг. Прослежена динамика региональных показателей детской смертности на разных этапах военного времени. Выделены данные младенческой смертности, определена ее специфика и причины в годы войны. Кроме того, рассмотрены изменения уровня детской смертности по месяцам. Большое внимание уделено главным факторам, которые определяли динамику показателей детской смертности в условиях военного времени. Высказано предположение, что начавшееся сокращение общего показателя детской смертности оказало своеобразное влияние на уровень рождаемости

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00109.

в регионе. Тем не менее автор рассматривает альтернативное мнение Н.А. Семашко, который ставил под сомнение успехи советской медицины и определял основным фактором снижения показателей детской смертности интенсивные миграции военного времени.

Ключевые слова: детская смертность, детность, Великая Отечественная война, Западная Сибирь.

N.S. KOROBAYNIKOVA

INFANT MORTALITY IN URBAN AREAS OF WEST SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Nadezhda S. Korobeynikova,
Junior Researcher,
Institute of History SB RAS,
8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: ellpise@gmail.com

A problem of changing quantitative indices of infant mortality aroused interest among the officials of the People's Commissariat of Health right after World War II. Several reports were devoted to this issue at the medical-sanitary conference in 1946. Its participants represented not only the central health-care agencies but also the regional bodies. In the course of the discussions they noted the effectiveness of health measures undertaken during the war. In response to such optimistic reports of his colleagues N. A. Semashko urged to pay attention to active migrations that took place within the region during the war. Modern views on this issue remain heterogeneous, there does not exist any one single concept. The author studies various approaches to interpreting changes of quantitative indices of infant mortality in wartime and reveals dominant viewpoints in research literature at different stages of formation of demographical knowledge about the Great Patriotic War.

The paper shows factors that influenced decrease in infant mortality during the war based on a complex of statistical and narrative sources. The author studied indicators of monthly dynamics of postnatal mortality in 1941–1945; investigated causations of infant mortality for males and females in the age groups 0–4, 5–9, and 10–14 years; investigated specifics of interaction between the local health authorities and regional statistical agency concerning the problem of infant mortality and children's health protection. The article reflects a peculiar attitude of the People's Commissariat of Health towards a problem of rapid increase in infant mortality. The author substantiates an assumption that the reduction of infant mortality influenced the birth rate in the region.

Key words: infant mortality, number of children, Great Patriotic War, West Siberia.

Вплоть до зимы 1942/43 г. в городах Западной Сибири сохранялся высокий уровень детской смертности. Это не могло не беспокоить чиновников, ответственных за вопросы охраны материнства и детства. Еще в 1941 г. в «Сборник важнейших официальных и справочных материалов по санитарным и противоэпидемическим вопросам...», который был опубликован в 1941 г. под редакцией Наркома здравоохранения СССР Г.А. Митерева, была включена глава «Борьба с детскими инфекциями», где также было отмечено, что «организация и проведение борьбы с детскими инфекционными заболеваниями являются одной из важнейших задач советского здравоохранения». Основная ответственность за эту борьбу возлагалась на различные государственные органы, которые должны были координировать работу по здравоохранению [1, с. 483]. Н.В. Мананникова, которая контролировала проблемы охраны здоровья матери и ребенка, в годы войны опубликовала ряд печатных работ, в которых обрисовывала проблемный круг защиты материнства и детства. В конце 1940 г. она писала о том, что уровень детской заболеваемости по-прежнему остается высоким, а также рассуждала о путях его снижения [2, с. 1–4]. Решение проблемы высокого уровня детской заболеваемости в военное время она видела в количественном и качественном развитии детских дошкольных учреждений [3, 16–19]. Во всех этих работах проблема детской

смертности обретала не только медицинский, но и социальный смысл.

В послевоенное время чиновники Наркомздрава пытались найти объяснение произошедшему на границе 1942 и 1943 гг. внезапному сокращению показателя как младенческой, так и детской смертности. Тот факт, что они не имели однозначного ответа на данный вопрос, свидетельствует о том, что для них это снижение также оказалось внезапным. На второй конференции, посвященной ликвидации медико-санитарных последствий войны в конце 1946 г., Г.Ф. Ершов, оценивая демографические результаты войны на материалах Молотовской области, пришел к выводу о том, что сокращение детской смертности в 1943–1945 гг. было результатом эффективной работы медицинских служб [4, с. 12–16]. Тем не менее у Н.А. Семашко имелось иное объяснение стремительного снижения показателя на завершающем этапе войны: «К сожалению, мы до сих пор не имеем статистических работ, в которых вопрос о детской смертности был бы изучен дифференцированно в отношении местных и прибывших детей... У меня большое опасение, что мы столь же необоснованно пугали высокими цифрами детской смертности, как и радовались резким снижением ее» [4, с. 27].

Несмотря на сомнения одного из основателей системы советского здравоохранения, специалисты по социальной гигиене сошлись во мнении, что со-

крашение детской смертности в военное время было заслугой советской медицинской науки. Долгие годы эта точка зрения оставалась незыблемой. Так, Н.В. Мананникова в своих мемуарах связывала снижение уровня детской смертности с деятельностью яслей [5, с. 71]. С ней был согласен в своих мемуарах и Г.А. Митерев, который также был уверен в эффективности медицины [6, с. 185]. Этот подход оставался основным объяснением произошедших изменений вплоть до 2000-х гг.

В.А. Исупов в 2000 г. исследовал количественные трансформации детской смертности в военные годы. Ученый пришел к выводу о том, что, если в довоенный период на данный показатель влияли факторы биологического характера, в частности сезонный рост числа желудочно-кишечных заболеваний, то в 1942–1944 гг. усилилось значение социальных условий, таких как эвакуация, что выразилось в одинаковых темпах роста смертности мальчиков и девочек [7, с. 145]. В работе «Главный ресурс Победы» он исследует эту проблему применительно к западносибирскому региону более детально. Проследивая зависимость между детской и младенческой смертностью и реалиями войны в отдельных областях, он пришел к выводу, что в 1941 и 1942 гг. экстремальные военные условия накладывались на сезонные колебания смертности, что обусловило высокий показатель числа смертей детей [8, с. 115–117]. По мнению ученого, сокращение уровня детской смертности, которое произошло в 1943 г., объясняется действием таких факторов, как повышение внимания руководства страны к социальным проблемам тыла, не случайно снижение детской смертности происходило на фоне общего снижения смертности [8, с. 143]. Снижению этого показателя способствовало также сокращение рождаемости [8, с. 159]. Кроме того, В.А. Исупов в качестве отдельного вопроса изучил условия содержания детей в детских домах и сделал вывод о том, что в структуре причин смертности большое влияние оказывали условия содержания детей [8, с. 119–120].

Целью данной статьи является рассмотрение факторов, способствовавших сокращению детской смертности в годы войны, а также изучение социального значения изменений показателя. Территориальные рамки исследования – города Западной Сибири. Хронологически статья охватывает период с 1941 по 1945 г. Объектом исследования в настоящей статье выступает детская смертность в городах Западной Сибири в 1941–1945 гг., предметом – ее трансформации, их факторы и последствия. В настоящей статье используются статистические материалы, которые хранятся в архивах ГАРФ (ф. А-374, оп. 11) и ГАНУ (ф. 11, оп. 2).

Высокий уровень младенческой смертности не был для Западной Сибири необычным явлением. Детская и младенческая смертность в годы войны была не просто биологическим показателем. Во многом она еще определялась существовавшими в обществе стереотипами. В работе «Демографическая модернизация

России» авторы обращают внимание на такую особенность существовавшего в обществе в начале XX в. отношения к смерти ребенка, как некоторое социальное равнодушие [9, с. 76]. Еще в 1940 г. беспокойство инспектора по поводу высокого уровня смертности младенцев в одной из больниц провинциального рабочего поселка Новосибирской области вызвало лишь недоумение у руководства:

24 августа 1940 г.

Отчет за июль месяц показывает уровень смертности детей до 1 года, составляющий 45%. Причина смертности токсичная диспенсия. Такая смертность явилась следствием крайне неудовлетворительного медицинского обслуживания. Райздрав в июне, июле месяце отпустил в отпуск почти всех медицинских работников.

Инспектор Нархозучета Золотарев.

Руководство Нархозучета предприняло попытку разобраться в высокой смертности. Заведующей облздравом тов. Астафьевой был направлен запрос:

Из полученной информационной записки инспектора Нархозучета т. Золотарева отмечается увеличение детской смертности в возрасте до 1 года..., особенно по причине «токсическая диспенсия... Причиной этому является – неудовлетворительное медицинское обслуживание населения, к тому же с ведома и, вероятно, с согласия зав. Райздрава, медицинским работникам в июне и июле был предоставлен очередной отпуск. Таким образом, медицинская сеть в указанные месяцы осталась без медработников. В частности, в рабочем поселке Тогур не осталось ни одного работника. Сектор населения и здравоохранения считает ненормальным действия в вопросе дачи отпусков – просит вмешаться и принять меры к прекращению высокого процента смертности.

Начальник сектора Населения и Здравоохранения тов. Поминов.

В деле отсутствует ответ тов. Астафьевой. Однако в ответе инспектору тов. Золотареву тов. Поминов ссылается на форму медицинского учета 97, данные которой, по-видимому, и стали ответом заведующей облздравом.

тов. Золотареву

На Ваше от 20/VIII № 11120-8

По вопросу детской смертности в возрасте до 1 года за июль месяц сего года... Ваш сигнал проверен и результат таковой

Июнь		Июль	
Родились	Умерли	Родились	Умерли
9	2	15	4

Показатели приведены по форме № 97.

Из приведенных цифр такого положения, о котором общаете (100%), не усматривается, приведенные показатели являются нетождественными с данными Вашего дневника.

Зав. сектора Населения Поминов.

Таким образом, чиновники на разных уровнях управления в различных ведомствах не могли прийти к универсальному решению по поводу итогового числа детских смертей и их доли от числа новорожденных. При этом проблема состояния медицинского обслуживания, которое инспектор определял в качестве основного фактора высокой младенческой смертности, быстро исчезла из бюрократического диалога. Одна-

Т а б л и ц а 1

Помесячная динамика смертности детей в возрасте до 1 года в городах Западной Сибири в 1941–1945 гг.*
(расчеты приведены на 1000 рождений, представлены в %)

Месяц	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Январь	164,78	205,98	169,70	91,92	60,86
Февраль	195,34	233,94	178,51	110,43	71,91
Март	169,48	226,65	138,02	94,53	90,99
Апрель	239,48	293,35	159,69	101,86	91,08
Май	236,99	346,82	181,43	73,92	81,60
Июнь	264,11	637,96	254,73	84,11	102,80
Июль	436,22	641,95	200,63	113,32	130,15
Август	335,32	474,36	156,80	94,84	81,86
Сентябрь	213,31	313,00	125,00	78,64	84,86
Октябрь	218,18	233,21	104,30	95,22	76,88
Ноябрь	255,16	272,43	82,00	76,61	68,95
Декабрь	211,59	222,32	93,30	74,18	90,47
Итог	241,96	327,35	152,28	90,53	85,82

* Составлено по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 442. Л. 3. 112; Оп. 11. Д. 39. Л. 3; Д. 40. Л. 3; Д. 77. Л. 3, 82; Д. 176. Л. 2, 62; Д. 225. Л. 3, 36, 82; Д. 293. Л. 3, 81; Д. 294. Л. 11, 69, 75, 76; Д. 380. Л. 2, 75, 127, 178, 182; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 5; Д. 736. Л. 2, 21; Д. 871. Л. 26, 27; Д. 992. Л. 18, 19, 20.

ко вопрос об эффективности медицинского обслуживания в городских поселениях Новосибирской области вставал не первый раз. В г. Новосибирске в том же 1940 г. сектор здравоохранения Нархозучета писал Объяснительную записку о том, что смертность, которая местами «превысила рождаемость», была «вызвана заболеванием детей корью», «а мер борьбы со смертностью со стороны Райздрава ведется не достаточно». Кроме того, по мнению чиновника, «Райздрав, видимо, плохо или совсем не посещает мед. пункты, расположенные на периферии района». Данная записка была составлена уже другим инспектором – Губаревым¹. Фактически детская смертность была стихийным явлением, и у Наркомздрава оказалось мало ресурсов, чтобы остановить его.

Но, как уже было сказано выше, на границе 1942 и 1943 гг. произошел спад младенческой и детской смертности. Он имел устойчивый характер и стремился к дальнейшему сокращению.

В (табл. 1) представлены данные по динамике смертности детей в возрасте до 1 года на 1000 рождений с 1941 по 1945 г. Согласно приведенным данным, самый высокий уровень смертности детей до 1 года пришелся на 1942 г. По итогам года он составил 327,35 ‰, при том что предыдущий, 1941 г., закончился 241,96 ‰ смертей, а следующий, 1943 г. – 152,28 ‰. Максимальный по уровню смертности период долгое время приходился на летние месяцы. Однако уже с 1943 г. разница между летним и весенним периодом становится меньше, при том что в предыдущие годы она доходила почти до 100 % (1942 г.). В 1944 и 1945 гг. общий уровень младенческой смертности снижается,

хотя сезонные колебания сохраняются, но перестают быть настолько ярко выраженными, как в предыдущие годы.

Таким образом, за годы войны младенческая смертность дважды переживает значительные изменения. Первый раз, в связи с началом Великой Отечественной войны, обычное для летнего периода увеличение детской смертности совпадает с общим ухудшением условий жизни, которое было характерно для военного периода. Второй трансформационный период приходится на 1943 г. и характеризуется снижением младенческой смертности. Для 1944 и 1945 гг. было характерно снижение контраста уровня детской смертности между апрелем, июлем и октябрём. Самый высокий уровень смертности пришелся на лето 1942 г., когда в городах и городских поселениях на первом году жизни умирало более 60 % детей. Самый низкий уровень показателя приходился на зимние месяцы 1945 г. В январе умерло только 60,86 ‰ детей. Для понимания причин внезапного снижения смертности необходимо рассмотреть структурные трансформации детской смертности.

Структура детской смертности претерпела существенные изменения. Так, в городах Новосибирской области в 1941–1943 гг. на первом месте по числу смертей детей в возрасте до 1 года находились заболевания из группы *приобретенные* (в их число входили: менингит, болезни нервной системы, все виды воспалений легких, в том числе крупозное, токсическая диспепсия, острый гастроколит). Причем смертность среди мальчиков была более интенсивной, чем смертность среди девочек. В тот же период на втором месте по числу причин смерти детей в возрасте до 4 лет были *инфекционные* заболевания (в их число входили: корь,

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 480. Л. 236.

Т а б л и ц а 2

Изменения детской и подростковой смертности в городских поселениях Новосибирской области в 1941–1944 гг., %
(расчеты приведены на 1000 чел.)*

Показатель	1941 г.			1942 г.			1943 г.			1944 г.		
	0–4 года	5–9 лет	10–14 лет	0–4 года	5–9 лет	10–14 лет	0–4 года	5–9 лет	10–14 лет	0–4 года	5–9 лет	10–14 лет
<i>Мальчики</i>												
Инфекционные заболевания	1,72	0,09	0,02	1,62	0,11	0,04	1,05	0,14	0,07	0,21	0,06	0,03
Хронические заболевания	0,57	0,06	0,05	0,45	0,06	0,06	0,86	0,19	0,10	0,23	0,05	0,04
Приобретенные заболевания	3,45	0,06	0,02	3,49	0,08	0,01	3,26	0,10	0,06	0,91	0,07	0,02
Детские заболевания	0,31	0	0	0,22	0	0	0,23	0	0	0,07	0	0
Насильственная смерть	0,08	0,03	0,01	0,07	0,05	0,05	0,11	0,16	0,09	0,02	0,03	0,00
<i>Девочки</i>												
Инфекционные заболевания	1,65	0,09	0,02	1,54	0,13	0,03	0,96	0,12	0,06	0,26	0,05	0,02
Хронические заболевания	0,51	0,06	0,08	0,44	0,05	0,06	0,79	0,16	0,04	0,22	0,07	0,03
Приобретенные заболевания	3,03	0,05	0,03	3,19	0,07	0,03	2,70	0,09	0,04	0,59	0,05	0,01
Детские заболевания	0,23	0	0	0,17	0	0	0,19	0	0	0,10	0	0
Насильственная смерть	0,06	0,02	0,004	0,05	0,02	0,01	0,08	0,03	0,02	0,05	0,07	0,01

* Составлено по: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 81. Д. 736. Л. 38. Д. 871. Л. 54. Д. 991. Л. 36.

скарлатина, коклюш, дифтерия, грипп, дизентерия, гемоколит, полиомиелит, рожа, ангина). Заболевания, которые в исследуемый период квалифицировались как *хронические* (различные формы туберкулеза, врожденный сифилис), стабильно находились на третьем месте в списке причин детской смертности. Показательно, что при этом соотношение в пользу *насильственной смерти* в годы войны (убийство, несчастные случаи) стабильно сокращалось. Однако по-прежнему в когорте 0–4 года оно сохранялось на самом высоком уровне, что подтверждает высказанный ранее тезис о маргинализации материнства, а также о том, что запрет абортов, помимо роста числа случаев подпольных операций, сопровождался увеличением числа детоубийств. Самая маленькая доля детских смертей приходилась на *детские* заболевания (к ним относились болезни новорожденных, врожденные пороки и преждевременные роды). Данная группа заболеваний становилась причиной смерти в самой младшей возрастной когорте. Причем большинство смертей выпадало на возраст до 1 года (табл. 2).

Детская смертность, начав сокращаться в 1943 г., сохранила данную тенденцию в 1944 г., что подтверждает тезис об общем снижении этого показателя. Структурные трансформации также находились в

рамках общерегиональных изменений причин сверхсмертности: приобретенные и инфекционные заболевания постепенно снижали свое влияние. Перелом, наступивший в 1943 г., свидетельствует о том, что в городах Западной Сибири врачи смогли справиться с бушевавшими эпидемиями, ежегодно становившимися причинами смерти множества детей.

В 1942 г. произошло важное событие в медицинской науке. Исследовательская группа под руководством З.В. Ермольевой выработала на базе открытого ранее в 1940 г. в Оксфорде пенициллина русский аналог данного препарата [10]. Это достижение в области советской медицины оказало, пусть и не сразу, влияние на снижение смертности от инфекционных и воспалительных заболеваний, в том числе младенческих и детских. Многие болезни, такие как пневмония и ангина, ранее считавшиеся смертельными, стали излечимыми. В 1944 г. был выработан стрептомицин, который применялся при лечении туберкулеза. Таким образом, в годы войны ученые постепенно брали под контроль одни из самых опасных болезней.

Тем не менее Н.А. Семашко в 1946 г. недоверчиво отнесся к оптимистичным докладам о достижениях советской медицины, обратив внимание на фактор миграций, который в годы войны имел большое значение.

По его мнению, «эвакуации были значительно вреднее для детей, чем обычные пики заболеваемости» [1, с. 27]. Однако о том, что он недооценил медицинский фактор, косвенно свидетельствуют демографические трансформации, произошедшие в годы войны. Сокращение уровня рождаемости в военное время также позволяет говорить о том, что показатели детской смертности изменились.

Уровень детской смертности частично влиял и на детность, которая в экстремальных условиях неожиданно также оказалась одним из действующих факторов снижения рождаемости. Количество детей, которые оставались живыми, влияло на число рождений в семье. Уже в 1930-е гг. среднестатистическая российская родительская пара имела свои репродуктивные идеалы по поводу ожидаемого числа детей [11, с. 38]. Иными словами, ограничение рождаемости, которое получило широкое распространение в России, несмотря на все попытки правительства противодействовать этому, являлось следствием того, что люди имели собственные представления о желаемом числе детей в семье. Представления о детности играли ключевую роль в ограничении рождаемости со стороны женщин. Таким образом, когда семья достигала желаемого уровня детности, она чаще всего начинала принимать меры с целью предупредить рождение новых детей. Контроль над рождаемостью становился социальной нормой.

Поскольку данная практика к концу 1930-х гг. приобрела массовый характер, она оказывала влияние на общее число рождений в регионе. В.А. Исупов, проанализировав социальные показатели рождаемости в России в годы Второй мировой войны, приходит к выводу, что в послевоенный период «...рождаемость постепенно становилась все более контролируемой. Вопреки воле правительства, женщины, родив ребенка в молодом возрасте, в дальнейшем уклонялись от деторождения» [7, с. 228]. Таким образом, данная тенденция становилась все более устойчивой в течение всех лет войны. Еще в 1939–1940 гг. основное число рождений приходилось на женские когорты 20–24 года и 25–29 лет. К 1945 г. эта ситуация усугубляется. На завершающих этапах войны немного вырастает рождаемость в когорте 30–34 года – так называемые отложенные рождения (фактически к 1945 г. это были женщины, которые в 1940 г. находились в когорте 25–29 лет). Переместившись в потенциально наиболее репродуктивную когорту женщины 1921–1925 годов рождения имели новые репродуктивные идеалы. Для них желаемое число детей стало значительно меньше, чем у их предшественниц. Таким образом, за годы войны детность все больше влияла на уровень рождаемости, вызывая сокращение последней.

Одним из определяющих уровень детности показателей было изменение младенческой и детской смертности: если семье удавалось сохранить жизнь ребенку, следующее рождение она планировала или по прошествии некоторого времени или же не плани-

ровала вовсе. Бесконтрольная рождаемость в пределах физиологических возможностей матери к концу 1930-х гг. уже давно стала историей. Городская семья обзаводилась тем числом детей, которое теоретически могла прокормить и разместить на своей скромной жилплощади.

Таким образом, сокращение детской смертности в период войны происходило частично под влиянием медицинского фактора. Изобретение новых лекарств, повышенное внимание со стороны чиновников постепенно накапливало положительный эффект. Безусловно, определенную роль играли и статистические огрехи, которые возникали в связи с интенсивными миграциями в годы войны.

Однако снижение младенческой смертности, которое пришлось на 1943 г., совпадает со спадом рождаемости в том же году. Практически невозможно определить в количественных показателях, какое значение имел этот фактор. Однако несомненно, он играл свою роль в том, что рост рождаемости в последние два года войны имел показатели ниже, чем в 1941 и 1942 гг. В сочетании со все усиливающейся концентрацией рождаемости в молодых возрастных группах эта особенность динамики показателя играла все большую роль в снижении рождаемости. Родители, планируя рождение малого числа детей, что было характерно для городских жителей еще в непростые 1930-е гг. [12, с. 75–85], останавливались на желаемой детности семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Митерев Г.А. Борьба с детскими инфекциями // Сборник важнейших официальных и справочных материалов по санитарным и противоэпидемическим вопросам в помощь госсанинспектору и эпидемиологу. М., 1941. С. 481–485.
2. Мананникова Н.В. Основные задачи в области охраны здоровья детей в 1941 г. // Вопросы материнства и младенчества. 1940. № 12. С. 1–4.
3. Мананникова Н.В. Охрана здоровья матери и ребенка в СССР // Медицинская сестра. 1942. Вып. 1, № 11–12. С. 16–19.
4. Еришов Г.Ф. Демографические последствия войны в Молотовской области // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации: Труды Второй конф. (17–19 декабря 1946 г.). М., 1948. Т. 2. С. 12–15.
5. Мананникова Н.В. Охрана здоровья детей в СССР. М., 1973. 302 с.
6. Митерев Г.А. В дни мира и войны. М., 1975. 255 с.
7. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. 244 с.
8. Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008. 378 с.
9. Демографическая модернизация России. 1900–2000. М., 2006. 608 с.
10. Миндич Д.А. По жизненным показаниям... // Энергия промышленного роста. Великая Победа: люди, опыт, техника. М., 2010. С. 21–27.
11. Bongaarts J., Sobotka T. A demographic explanation for the recent rise in European fertility // Population and development review, 2012, March, N 83–120. P. 38–52.
12. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009. 304 с.

REFERENCES

1. *Miterev G.A.* Infantile infections control. *Sbornik vazhneyshih ofitsialnykh i spravochnykh materialov po sanitarnym i protivoepidemicheskim voprosam v pomosch gossaninspektoru i epidemiologu*. Moscow, 1941, pp. 481–485. (In Russ.)
2. *Manannikova N.V.* Main tasks of children health protection in 1941. *Voprosy materinstva i mladenchestva*. 1940, N 12, pp. 1–4. (In Russ.)
3. *Manannikova N.V.* Mother and child health care in the USSR. *Meditsinskaya sestra*. 1942, vol. 1, N 11–12, pp. 16–19. (In Russ.)
4. *Ershov G.F.* Demographical consequences of the War in Molotov region. *Mediko-sanitarnye posledstviya voynyi i meropriyatiya po ih likvidatsii. Trudyi Vtoroy konferentsii (17–19 dekabrya 1946 g.)*. Moscow. 1948, vol. 1, pp. 12–15. (In Russ.)
5. *Manannikova N.V.* Infant health care in the USSR. Moscow, 1973, 302 p. (In Russ.)
6. *Miterev G.A.* In time of peace and war. Moscow, 1975, 255 p. (In Russ.)

7. *Isupov V.A.* Demographical catastrophes and creeses in Russia in the first half of the XX century. Novosibirsk, 2000, 244 p. (In Russ.)
8. *Isupov V.A.* The Victory main resource. A human potential of West Siberia during World War II (1939–1945). Novosibirsk, 2008, 378 p. (In Russ.)
9. Demographic modernization in Russia, 1900–2000. Moscow, 2006. 608 p. (In Russ.)
10. *Mindich D.A.* On a vital prescription ... *Energiya promyshlennogo rosta. Velikaya Pobeda: lyudi, opyt, tehnika*. Moscow, 2010, pp. 21–27. (In Russ.)
11. *Bongaarts J., Sobotka T.* A demographic explanation for the recent rise in European fertility. *Population and development review*, 2012, March, N 83–120, pp. 38–52.
12. *Aralovets N.A.* An urban family in Russia, 1927–1959. Tula, 2009, 304 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 09.07.2015*

DOI: 10.15372/HSS20150318

УДК 94(47)»1941/45»

М.В. ШИЛОВСКИЙ

СОВЕТСКИЕ АСЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг. Часть 2

Михаил Викторович Шиловский,
д-р ист. наук, заведующий сектором,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: kapital@history.nsc.ru

Статья основана на сведениях, собранных и систематизированных М.Ю. Быковым в справочнике «Асы Великой Отечественной. Самые результативные летчики 1941–1945 гг.» 2007 г., о 1114 летчиках-истребителях советских ВВС, участвовавших в Великой Отечественной войне. Эта элитарная группа анализируется с позиции участия в боевых действиях и количества сбитых фашистских самолетов. Устанавливаются типы отечественных истребителей и полученных от союзников по ленд-лизу, анализируется количество сбитых фашистских самолетов. Все поименованные в источнике родились в первой четверти XX в. и находились во время войны в возрасте до 40 лет. Их вклад в завоевание господства в воздухе составил 23 974 индивидуально и 3315 коллективно сбитых самолетов противника, всего 27 289 боевых машин (24,5 на каждого), или 48 % от общего количества уничтоженных на советско-германском фронте. Отечественное производство стало материальной основой завоевания советскими ВВС господства в воздухе; незначительную часть самолетов, на которых воевали советские асы (2 %), составили истребители, полученные по ленд-лизу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., летчик-истребитель, ас, господство в воздухе, государственные награды, воинские звания, ВВС РККА, истребительный авиаполк, самолеты противника.

M.V. SHILOVSKY

SOVIET ACE PILOTS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945. Part 2

Mikhail V. Shilovsky,
Doctor of Historical Sciences, Head of Department,
Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: kapital@history.nsc.ru

The article presents data on 1,114 fighter pilots of the Soviet Air Forces compiled and systematized in the reference book «Aces of the Great Patriotic War» by M.Yu. Bykov. The paper «The Most Successful Ace Pilots in 1941–1945» (2007) analyzes the elite group of ace pilots in terms of their age, military ranks, time of their participation in combat operations, a number of downed Nazi aircrafts, government awards. The author defines types of Soviet fighters as well as aircrafts supplied under Lend-Lease by the allies on the anti-Hitler coalition. All ace pilots mentioned in the reference book were born in the early XX century and during the war were younger than 40 years old. Their contribution to the air space conquest was 23,974 (individually) and 3,315 (collectively) shot down enemy planes, in total 27,289 combat vehicles (24.5 by each ace pilot), or 48% of the hostile aircrafts downed at the Soviet-German front. 579 of 1,114 aces were honored with the title of Hero of the Soviet Union, while 58 of them (every tenth) were awarded posthumously. Irretrievable losses in the group under study totaled 243 men (29 %) or about one third. At the beginning of the war the Soviet pilots flew I-15bis, I-16, I-153, MiG-3, LaGG-3 fighters. Since the summer of 1942 they had been replaced by Yak (Yak-1, -7, -9, -3) and La-5, 7 modifications. Domestic production provided the material basis for conquering air superiority by the Soviet Air Force. Only a small part (2 %) of fighters used by Soviet aces in the aircraft fleet was supplied under Lend-Lease.

Key words: Great Patriotic War of 1941–1945, fighter pilot, ace, air supremacy, government awards, military ranks, Red Army Air Forces, fighter wing, number of aircraft downed individually and collectively (in the group).

Среди авиаторов были и кавалеры «солдатского» ордена Славы, учрежденного 8 ноября 1943 г. Хотя к тому времени среди пилотов рядовых, сержантов и старшин было немного, тем не менее, в статусе этой государственной награды специально оговаривалось, что ею «награждаются лица рядового и сержантского состава Красной Армии, а в авиации и лица, имеющие звание младшего лейтенанта, проявившие в боях за Советскую Родину славные подвиги храбрости, мужества и бесстрашия» [1, с. 75]. Всего орденом Славы 3-й степени из 1114 советских летчиков-истребителей, участвовавших в Великой Отечественной войне и занесенных в справочник «Асы Великой Отечественной. Самые результативные летчики 1941–1945 гг.» (М., 2007) [2], было награждено четверо, в том числе младший лейтенант Б.С. Дементеев, сержант, а впоследствии старший лейтенант, Герой Советского Союза М.В. Лусто и сержант (лейтенант), Герой Советского Союза С.В. Носов.

Несмотря на наличие приказов, регламентирующих награждение за воздушные победы 1942 и 1943 гг., анализ персональных данных из справочника показывает, что этот процесс осуществлялся стихийно и зависел от множества факторов, не указанных в источнике. Так, младший лейтенант Н.Ф. Кошельков, с октября 1943 по апрель 1944 г. сбивший лично 15 и в группе 3 самолета противника, был награжден орденом Боевого Красного Знамени, старший лейтенант В.И. Савин за 17 индивидуально и 2 в группе уничтоженных самолета с апреля по октябрь 1943 г. был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Зато капитан П.С. Луговцов за 10 воздушных побед удостоился трех орденов Боевого Красного Знамени. Капитан А.С. Амелин за 17 лично сбитых самолетов был удостоен звания Героя Советского Союза и ордена Ленина, четырех орденов Боевого Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, трех орденов Красной Звезды, т. е. получил по ордену за каждый второй сбитый им самолет. По всей видимости, помимо количества сбитых фашистских самолетов, при составлении представлений на награждение во внимание принимались и другие факторы: от политико-морального состояния претендента на правительственную награду до службы в элитной (гвардейской) части, участия в крупной и победоносной стратегической операции.

С точки зрения послевоенных реалий фронтовые заслуги даже выдающихся летчиков-истребителей выглядели скромно. Например, А.И. Покрышкин удостоился: 22 декабря 1941 г. ордена Ленина, 22 апреля 1943 г. ордена Боевого Красного Знамени, 24 мая 1943 г. ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, 18 июля 1943 ордена Боевого Красного Знамени, 22 августа 1943 г. второй медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, 24 декабря 1943 г. ордена Боевого Красного Знамени, 19 августа 1944 г. третьей медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, 6 апреля 1945 г. ордена Суворова 3-й степени, 29 мая 1945 г. ордена Суворова 2-й степени [3, с. 183].

Однако среди наиболее результативных летчиков-истребителей были и свои рекордсмены, добившиеся высоких результатов за сравнительно непродолжительные периоды участия в боевых действиях. Так, младший лейтенант Н.Д. Кудря (1921–1943) за три месяца боев в 1943 г. одержал 11 побед; младший лейтенант В.С. Конобаев (1921–1943) за пять месяцев в 1943 г. сбил индивидуально и в группе 20 самолетов; лейтенант С.В. Макаров (1919–1942) за 7 месяцев 1942 г. совершил 260 боевых вылетов и сбил в общей сложности 23 самолета противника.

Как известно, государственными наградами награждались летчики, прежде всего, за уничтоженные в воздухе и на земле вражеские самолеты. Всего на счету у 1114 респондентов их числится 23 974, т.е. примерно 20,6 на каждого. Уже за эти результаты каждый в изучаемой группе, согласно различного рода приказам, положениям и прочим инструкциям того времени, был достоин присвоения ему звания Героя Советского Союза. Еще 3315 фашистских самолетов летчики-асы сбивали коллективно, т.е. примерно по три на каждого. В совокупности их боевой вклад в разгром люфтваффе составил 27 289 машин (24,5 на каждого), или 48 % от общего количества самолетов, уничтоженных на востоке, в боевых действиях против советских вооруженных сил.

Однако на войне боевые потери несли и советские ВВС. В недавнем прошлом о них старались не упоминать, за исключением фактов гибели наиболее выдающихся летчиков. Лишь в начале 1990-х гг. сообщили, что из общего ресурса самолетов (имевшихся к началу войны и поступивших на вооружение в ее ходе) в

135,6 тыс. потери в ходе боевых действий составили 43,1 тыс. [4, с. 39]. Но не все пилоты при этом погибали. Так, А.И. Покрышкина сбивали дважды.

Тем не менее потери были, в изучаемой совокупности они составили 243 чел. (29 %), или примерно одна треть от общего количества в 1114 чел. Источник фиксирует следующие виды боевых потерь: сбиты в воздушном бою – 69 чел. (28,4 % от общего количества погибших), не вернулись с боевого вылета – 91 (37,9 %), сбиты огнем с земли – 22 чел. (9 %). Всего боевые потери составили 182 чел. (82,7 %). К ним можно отнести одного погибшего при таране самолета противника – старшего лейтенанта В.П. Цветкова (15 лично сбитых самолетов), погибшего 7 апреля 1945 г. при бомбардировке аэродрома базирования; трех раненых в воздушном бою и умерших после вынужденной посадки; двух пропавших без вести в плену; наконец, 31 погибшего в авиакатастрофах, в частности, летчиков, сбитых при перебазировании или в служебных командировках на транспортных Ли-2, где они были пассажирами. Таким образом, собственно боевые потери составили 220 военнослужащих ВВС РККА (90,5 %).

Еще 23 летчика-истребителя ушли из жизни в силу целого комплекса привнесенных в войну причин, которые в журналах боевых действий и «похоронках» обтекаемо позиционировались как связанные с «исполнением служебных обязанностей». Так, «погиб 1 ноября 1944 г. в авиакатастрофе – разбился в тренировочном полете на Ла-7» Герой Советского Союза (дважды Героем стал посмертно) капитан А.Ф. Клубов (с. 283). Ненавязчиво упоминается еще один виновник катастрофы – новый истребитель Ла-7, который с апреля 1944 г. начал выпускаться серийно, «как один из основных наших истребителей в последний год войны» [5, с. 235].

Обстоятельства трагедии подробно воспроизводит однополчанин Клубова – Герой Советского Союза Г.Г. Голубев. Действительно, в ноябре 1944 г. на территории Польши осваивали полеты «на только что поступившей в истребительную авиацию новинке – самолете Ла-7 конструкции Лавочкина». После успешного полета «самолет Клубова коснулся грунтовой взлетно-посадочной полосы и побежал по ней. Под воздействием бокового ветра самолет почти незаметно стал уклоняться вправо, выкатился за пределы полосы и уже на малой скорости на глазах у всех словно бы споткнулся и... скапотировал. Вначале самолет стал на нос, задрав высоко кверху хвостовое оперение, мгновение постоял, словно раздумывая, в строго вертикальном положении, и как бы нехотя, медленно стал валиться на спину... Когда мы прибежали, было уже поздно. То, что мы увидели, отказывалось воспринимать наше сознание: голова Клубова была придавлена к земле левым бортом истребителя. Небольшая лужица крови... Причиной гибели капитана Клубова оказалась... небольшая канава, размытая ливневым дождем. Была она немного в стороне от взлетно-посадочной полосы, справа, скрытая травой. И надо было случиться такому, что одно из колес самолета Клубова на пробеге

угодило именно в эту канаву... Нелепая случайность, которая обернулась трагедией. Она дорого обошлась нам. До сих пор сердцу больно от той тяжелой утраты. На боевом счету А. Клубова было уже более 40 сбитых самолетов противника» [6, с. 167–168].

К категории бытовых несчастных случаев отнесли смерть майора, Героя Советского Союза А.И. Тимошенко, «зарубленного винтом самолета на аэродроме» в марте 1945 г.; еще одного Героя, лейтенанта И.Н. Сержантова, отравившегося техническим спиртом в 22-летнем возрасте; трех летчиков, покончивших с жизнью посредством самоубийства; умершего от инфекционного заболевания лейтенанта Л.Ф. Кравчука. Война уничтожала и калечила ее участников разными способами. Прошедший Испанию и большую часть Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза подполковник Г.Н. Прокопенко во время боевого вылета в июле 1944 г. был сбит стрелком пикирующего бомбардировщика Пе-2. Незавидной была участь подбитых над линией фронта. Например, совершивший вынужденную посадку в октябре 1943 г. лейтенант Н.Т. Лисицын был убит на земле. Из строя выбывали, получив инвалидность подобно Н.Г. Пахомову, в результате ранения в мае 1945 г. потерявшего ногу, или майора П.С. Шемендюка, тяжело раненого в воздушном бою в июле 1943 г. и потерявшего руку. Еще одной причиной могло стать попадание в плен (и возвращение из него уже после окончания войны).

Как отмечалось выше, все представители изучаемой совокупности во время войны находились в возрасте до 40 лет. По времени приобщения к боевым действиям их условно можно разделить на три группы. Еще до июня 1941 г. 68 летчиков (6,9 %) приняли участие в локальных военных конфликтах: Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. – 5 чел.; у озера Хасан (1938 г.) – 5 чел.; на Халхин-Голе (1939 г.) – 14 чел.; в Японо-китайской войне 1938–1940 гг. – 2 чел. и Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. – 42 чел. Так, майор М.А. Федосеев, погибший в марте 1942 г., в Испании лично сбил 5 самолетов противника; подполковник (в 1939 г. – капитан) А.Д. Якименко за 7 сбитых японских самолетов 29 августа 1939 г. удостоился звания Героя Советского Союза.

Примерно треть из 1114 истребителей боевой опыт приобрели после начала Великой Отечественной войны. Поэтому они, как правило, занимали нижние ступеньки в системе персональных званий командного состава РККА. Подвиги за время ведения боевых действий были, но не такие существенные, как в сухопутных войсках. Например, Е.Д. Андреев за 1942 г. и за 10 месяцев 1943 г. прошел путь от сержанта до младшего лейтенанта. Больше всего из сержантов или младших лейтенантов поднялись до капитанов – более 50 чел. Двое стали генералами. Причем, майор, командир истребительной авиадивизии Е.Я. Савицкий, начавший воевать в мае 1942 г., войну закончил генерал-лейтенантом, командиром истребительного авиакорпуса; совершивший первый боевой вылет в июле 1941 г. капитан Г.В. Зимин закончил войну генерал-

майором, командиром истребительной авиадивизии.

Сопоставление воинских званий летчиков исследуемой группы на начало их участия непосредственно в боевых действиях (июнь 1941 – первая половина 1943 г.) и на конец войны или гибели в 1944 г. позволяет говорить об определенных подвижках в этом вопросе. В первом случае в справочнике имеются сведения на 800 чел. Низшее воинское звание (сентябрь 1942 г.) имел красноармеец К.В. Сухов, впоследствии ставший капитаном, Героем Советского Союза, лично сбивший 22 самолета. Самое высокое звание имели 5 майоров. Остальных можно сгруппировать следующим образом: младший командный состав (сержант, старший сержант, старшина) – 276 (34,5 %), лейтенанты (от младшего до старшего) – 472 (59 %), капитаны и майоры – 38 (4,7 %).

Еще одну немногочисленную группу представляли политработники: 3 политрука, 7 старших политруков и 3 батальонных комиссара. Их появление связано с учреждением в начале Великой Отечественной войны (16 июля 1941 г.) института военных комиссаров, а в эскадрильях – политруков; эти должности существовали до ноября 1942 г. На них возлагалась задача обеспечивать усиление партийного влияния в вооруженных силах, оказывать всестороннюю помощь командирам в боевом и политическом руководстве военнослужащими. В Военно-воздушных силах значительная часть политработников «выдвигалась» (по терминологии тех лет) из числа летчиков-коммунистов, которые совершали боевые вылеты. «Летающие политруки» пользовались авторитетом среди личного состава авиационно-истребительных частей, а после ликвидации этого института они успешно служили на строевых должностях. Так, батальонный комиссар В.А. Меркушев к лету 1944 г. стал подполковником, за 24 лично сбитых самолета ему в 1943 г. присвоили звание Героя Советского Союза, наградили двумя орденами Ленина. Бывший старший политрук Б.М. Васильев войну закончил подполковником, Героем Советского Союза.

В 1942 г. во фронтовые истребительные полки пришли выпускники и инструкторы летных училищ. В первой половине 1943 г. в преддверии битвы на Курской дуге истребительные части воздушных армий в последний раз массировано получили пополнение из сержантов и младших лейтенантов, после чего фронтовые формирования ВВС пополнялись за счет прошедших курс лечения в госпиталях выпускников и инструкторов летных училищ.

На заключительном этапе войны (вторая половина 1943 – май 1945 г.) из 1001 летчика-истребителя самую многочисленную категорию составили капитаны – 341 чел. (34 %) и майоры – 316 чел. (31,5 %). За ними шли лейтенанты – 262 чел. (26 %). Причем количество младших лейтенантов сократилось со 198 на первом этапе до 22 на втором. Зато появились штаб-офицеры (подполковники и полковники) – 73 чел. и два поименованных выше генерала. Казалось бы, должна исчезнуть категория рядовых и сержантов, поскольку

выпущенные из летных училищ и адаптировавшиеся к фронтовой обстановке сержанты должны были стать офицерами. Однако среди 1001 аса числилось 4 рядовых, 2 сержанта и один старший сержант, всего 7 военнослужащих. Что касается сержантов, то их наличие объясняется, по всей видимости, отсутствием шансов на приобщение к офицерской корпорации. Так, сержант И.Ф. Луговенко, прибывший во фронтовой 866-й истребительный авиаполк в октябре 1942 г. и сбивший лично 10 самолетов противника, в звании сержанта погиб в воздушном бою 8 февраля 1943 г. Сержант И.Ф. Сычев, начавший воевать в сентябре 1942 г., встретил день Победы в таком же звании, хотя на его счету насчитывалось 13 побед.

Что касается рядовых, то ими стали летчики-офицеры, осужденные военным трибуналом, как правило, за уголовные преступления и разжалованные в рядовые. Среди таковых следует назвать младшего лейтенанта В.В. Валуева, совершившего 150 боевых вылетов и одержавшего 21 победу; старшего лейтенанта А.А. Дьячкова, сбившего 31 самолет противника. Ему удалось к началу 1945 г. стать сержантом, удостоиться посмертно в 1946 г. звания Героя Советского Союза. Подполковник Н.А. Козлов был понижен в звании до лейтенанта, что не помешало ему сбить 23 самолета противника, стать Героем Советского Союза, кавалером орденов Ленина, Боевого Красного Знамени (2), Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени (2), Красной Звезды (3).

В источнике не указано, за какие провинности боевые офицеры были осуждены и разжалованы в рядовые; они продолжали участвовать в боевых действиях и регулярно пересекали линию фронта. По всей видимости, содействовала этому обстановка фронтовой повседневности летчиков-истребителей. В отличие от пехотинцев, танкистов, артиллеристов, большей частью находившихся на передовой, авиаторы располагались при полевых аэродромах своих частей на удалении от передовой. Многие из них, согласно воспоминаниям, снимали жилье в частном секторе. Поскольку денежное содержание не выдавалось на руки, а перечислялось либо родственникам, либо на персональный счет в сберегательной кассе, источником наличных денег могли быть премии за сбитые самолеты или за осуществленные вылеты, иногда достигавшие нескольких тысяч рублей. К тому же во время вынужденного бездействия из-за плохой погоды имели место случаи изготовления суррогатных спиртных напитков, типа ликера «Шасси» (из художественного фильма «Хроника пикирующего бомбардировщика» – 1968, режиссер Н.Б. Бирман). На этом фоне, как отмечалось применительно к ситуации августа 1942 г., в 16-м гвардейском истребительном авиаполку «пошли повальные нарушения воинской дисциплины, связанные в основном с «расслаблением» спиртными напитками летного и технического состава». Для наведения порядка командир части 23 августа подписал приказ, один из пунктов которого был посвящен нашему прославленному земляку: «За неоднократные нарушения советско-во-

инской дисциплины, пьянства с дебошем и оскорблением старших командиров зам. командира эскадрильи капитана Покрышкина отдать под суд трибунала» [7, с. 605–607]. Конфликт замяли, но сам по себе случай характерный.

Обобщая сказанное относительно группы советских асов, следует отметить, что ее формирование стало прямым следствием индустриального развития Советского Союза в предвоенное десятилетие. Как отдельная социальная группа рассматриваемая совокупность отличалась не только молодостью, но и пролетарским происхождением, наличием неполного среднего образования (4–8 классов) и предварительной подготовкой в системе аэроклубов. В них курсанты без отрыва от основной работы или учебы выполняли прыжки с парашютом, учились летать на планерах, проходили первичную летную подготовку на самолетах У-2 (По-2). Проходившим подготовку в системе Осоавиахима и Гражданского воздушного флота полагалась стипендия 250 руб. в месяц, к учебе допускались лица, «имеющие общее образование не ниже 7 классов средней школы» [8, с. 147, 149]. В Новосибирск таким учебным заведением стала открытая здесь в 1930 г. 1-я Сибирская школа пилотов Осоавиахима, подготовившая в предвоенный период 1200 летчиков [9, с. 54].

Таким образом, анализ данных справочника М.Ю. Быкова о 1114 советских воздушных бойцах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., одержавших от 10 и более побед, т.е. асов – по западной терминологии, позволяет уточнить качественные показатели эффективности ведения боевых действий в воздухе. Все поименованные в источнике родились в первой четверти XX в. (1905–1924 гг.). Более половины наших выдающихся летчиков-истребителей к маю 1945 г. имели возраст 23–27 лет, а все они вместе взятые находились в возрасте до 40 лет. Вклад представителей изучаемой группы в завоевание господства в воздухе составил 23 974 сбитых индивидуально и 3315 коллективно самолетов противника, всего 27 289 машин (24,5 на каждого), или 48 % от общего количества уничтоженных на советско-германском фронте самолетов противника. В свою очередь, безвозвратные потери советских асов составили 243 чел. (29 % от их числа), в том числе боевые 182 чел. По времени включения в боевые действия представители изучаемой группы условно относились к трем группам: примерно треть начала воевать 22 июня 1941 г., из них 68 летчиков принимали участие в войнах и военных конфликтах в Испании, Халхин-Голе, на оз. Хасан, в Японо-китайской войне 1938–1940 гг., Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Треть приобрела опыт боевых действий в 1941 – первой половине 1942 г. Еще одну треть составили выпускники и инструкторы авиационных училищ, направленные во фронтовые части во второй половине 1942 – первой половине 1943 г. в преддверии битвы на Курской дуге. Войну начинали сержанты (39,5 % от общего количества) и лейтенанты (59 %), а заканчивали капитаны (34 %), майоры

(31,5 %) и лейтенанты (26 %). Из 1114 летчиков-истребителей 579 стали Героями Советского Союза, в том числе 58 (каждый десятый) посмертно. Вклад в «корпорации» истребителей будет выглядеть весомее, если учесть, что всего за время Великой Отечественной Героями стали 810 летчиков-истребителей. Следовательно, представители изучаемой группы в ней абсолютно преобладали – их доля составила 73 %.

Войну советские летчики встретили на истребителях И-15 бис, И-16, И-153, МиГ-3, ЛаГГ-3. С лета 1942 г. им на смену пришли модификации ЯК (Як-1, 7, 9, 3) и Ла-5, 7. Отечественное производство стало материальной базой для завоевания советскими ВВС господства в воздухе. Незначительную часть (2 %) самолетов, на которых воевали советские асы, составили истребители, полученные по ленд-лизу от США и Великобритании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М.: Известия, 1984. 303 с.
2. Быков М.Ю. Асы Великой Отечественной. Самые результативные летчики 1941–1945 гг. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 736 с.
3. Левобережье Новосибирска. Страницы истории. Новосибирск, 1999. 504 с.
4. Кривошеев Г.Ф. Война брони и моторов // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 36–42.
5. Шавров В.Б. История конструкций самолетов в СССР 1938–1950 гг. М.: Машиностроение, 1988. 568 с.
6. Голубев Г.Г. В паре с «Сотым». М.: ДОСААФ, 1974. 245 с.
7. Табаченко А.И. Покрышкинский авиаполк. «Нелакированные» боевые хроники. 16-й гвардейский истребительный авиационный полк в боях с люфтваффе. 1943–1945. М., 2012. 751 с.
8. Семенов И.М. Век полета. История аэропорта Курган. Курган, 2013. Ч. 1. 476 с.
9. Дворянчикова Р.И. Аэроклуб Новосибирский // Энциклопедия Новосибирска. Новосибирск, 2003. С. 54–55.

REFERENCES

1. Collected legislative acts on state decorations in the USSR. Moscow: Publishing House "Izvestiya", 1984, 303 p. (In Russ.)
2. Bykov M. Yu. Aces of the Great Patriotic War. The most productive pilots, 1941-1945: Reference. M.: Yauza; Eksmo, 2007, 192 p. (In Russ.)
3. Left Bank Area of Novosibirsk. Pages of History. Novosibirsk, 1999, 504 p. (In Russ.)
4. Krivosheev G. F. War of Armor and Motors. *Voенно-Istoricheskiy Zhurnal*. 1991, no 4, p. 36–42. (In Russ.)
5. Shavrov V. B. History of Aircraft Design in the USSR, 1938–1950. Moscow: Mashinostroyeniye, 1988, 568 p. (In Russ.)
6. Golubev G. G. Paired with "The Hundredth". Moscow: DOSAAF, 1974, 245 p. (In Russ.)
7. Tabachenko A. I. Pokryshkin Fighter Wing. Unvarnished Combat Chronicles. 16th Guards Fighter Wing in Battles with Luftwaffe. Moscow, 2012, 751 p. (In Russ.)
8. Semyonov I. M. Century of Flights. History of the Kurgan Airport. Kurgan, 2013, part 1, 476 p. (In Russ.)
9. Dvoryanchikova R. I. Novosibirsk Flying Club. *Encyclopedia of Novosibirsk*. Novosibirsk, 2003, pp. 54–55. (In Russ.)

Статья принята редакцией 03.08.2015

DOI: 10.15372/HSS20150319
УДК 316.334.2(571)»1946/1965»

А.И. ТИМОШЕНКО

ФАКТОРЫ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ СИБИРСКОГО ТЫЛА В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (1946–1965 гг.)*

Альбина Ивановна Тимошенко, канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: timoshenkoai@ngs.ru

В статье сделана попытка обозначить основные факторы, повлиявшие на разработку и реализацию идеи сибирского тыла в годы «холодной войны». В центре внимания автора – события 1946–1965 гг., когда Сибирский регион, пережив конверсию, двинулся по пути индустриального развития и формирования новых отраслей промышленности, в том числе военно-оборонных. Подчеркнуто, что существование сибирского тыла в этот период обосновывалось необходимостью формирования мощного экономического потенциала СССР на территориях, находящихся в центре страны и богатых природными ресурсами. С этой целью рассматривался уровень индустриального развития Сибири, сформированный в предшествующий период, как необходимый для создания новых производств военно-промышленного комплекса СССР, в том числе ракетно-ядерных вооружений.

Ключевые слова: сибирский тыл, регион, государственная политика, экономические ресурсы, геополитическая конкуренция, военно-промышленный комплекс, военная доктрина.

A.I. TIMOSHENKO

FACTORS OF DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE IDEA OF SIBERIAN REAR DURING THE COLD WAR (1946–1965)

Albina I. Timoshenko,
Candidate of Historical Sciences,
Institute of History SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: timoshenkoai@ngs.ru

The purpose of this article is to identify main factors that influenced the development and implementation of the idea of Siberian rear during the Cold War. The research is focused on the events of 1945–1946, when the Siberian region having undergone conversion took the path of industrial development and formation of new branches of industry including establishment of defense enterprises. During this period the idea of the Siberian rear in the state policy was connected with the necessity to create a strong economic potential of the USSR in the regions rich in natural resources and located in the central part of the country. In this regard, the level of industrial development achieved at the earlier stage of development was considered as a prerequisite for creating new industries of the USSR military-industrial complex including strategic nuclear arms.

In the article's problem field the Siberian rear during the Cold War is analyzed as an objective reality, which existed in the context of global geopolitical development and changing perception of wars as a means of resolving international conflicts and establishing a world order. The role of Siberian rear in providing the national sovereignty and state security after the World War II not only remained undiminished but even increased under conditions of permanent confrontation with the USA and West European states. During the Cold War both enterprises of the USSR military-industrial complex and large-scale scientific and industrial centers, greatly contributing to the country defense potential, were created in Siberia. The author comes to conclusions that Soviet experience of the Siberian region's industrial modernization contributed significantly to civilizational development of the Russian state and retaining its sovereignty in the XX century.

Key words: Siberian rear, region, state policy, economic resources, geopolitical competition, military-industrial complex, military doctrine.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00068а.

Проблемы формирования сибирского тыла в годы «холодной войны» в отечественной историографии изучаются, как правило, в традиционном контексте, связанном главным образом с созданием военно-оборонных производств, в том числе ракетно-ядерных вооружений. Наиболее заметной в этом отношении, безусловно, является монография И.М. Савицкого. Она обеспечена фундаментальной источниковой базой и посвящена вкладу оборонной промышленности Сибири в создание ракетно-ядерного щита СССР в 1946–1965 гг. [1]. Другие исследователи обращали внимание на проблемы наращивания экономического и социально-демографического потенциала региона в годы послевоенных пятилеток. В значительном массиве исторических работ на эти темы исследовались конкретные процессы активизации промышленного и транспортного строительства, наращивания энергетических мощностей Сибири, формирования трудовых коллективов предприятий и строек и т.п.

Между тем за кадром остается такой важный аспект существования сибирского тыла в XX в., как его геополитическое и цивилизационное предназначение, определяющее вклад региона в обеспечение безопасности и национальной независимости Российского государства. На наш взгляд, феноменальность сибирского тыла как исторического явления должна изучаться не только в диапазоне деятельности военно-промышленного комплекса Сибири или отдельных промышленных предприятий, работающих на оборону, но и на фоне развития социума в целом, его социально-демографической и социокультурной сфер. Важно выяснить также роль государства, которое в советский период стратегически определяло и планировало индустриальное развитие Сибири, принципиально наращивало экономический и политический потенциал региона для использования его в геополитических интересах страны.

Среди главных факторов, оказавших влияние на разработку и реализацию идеи сибирского тыла СССР в послевоенный период, следует выделить четыре группы воздействий, а именно: пространственно-географическое положение Сибири, ее геополитическое значение, экономический потенциал и научно-технический прогресс в индустриальном производстве. Названные группы факторов проявлялись вследствие как объективных, так и субъективных обстоятельств, и все они оказывали непосредственное влияние на формирование сибирского тыла в XX в., в частности в годы «холодной войны».

Пространственно-географический фактор можно считать своего рода константой, не меняющейся со временем. Однако относительно Сибири это нельзя понимать однозначно. Пространственное расположение региона в центре страны, сохранявшей свои границы, конечно же, не менялось. Но менялось отношение к экономическому развитию данной территории в процессе накопления знаний о ее природных ресурсах.

Западная Сибирь и Урал уже в начале XX в. рассматривались как тыловые районы Российского государства, относительно удаленные от всех его границ. Это было отмечено одним из основателей геополитики как науки – английским экономгеографом Х. Дж. Маккиндером. Он в 1904 г. в своей работе «Географическая ось истории» обозначил на территории Российской империи в районе Восточного Поволжья, Урала и Западной Сибири некий «хартленд» – срединный, «осевой» цивилизационный центр континента Евразия, с развитием которого, на его взгляд, могли быть связаны мировые судьбы [2].

Центровое положение Урала и Западной Сибири высоко оценивалось и отечественными учеными. В трудах Д.И. Менделеева мы найдем немало высказываний о том, что от этих регионов, богатых природными ресурсами, во многом зависит экономическое развитие Российского государства и его международные отношения [3].

Реальная возможность заселения и экономического развития восточных регионов России, в том числе Сибири, появилась в результате строительства Транссиба. С началом Первой мировой войны сюда эвакуировались предприятия, обсуждались конкретные меры по созданию в Кузбассе крупного угольно-металлургического центра, который мог бы стать основой индустриального развития значительной территории Азиатской части России. Все эти попытки вполне могут быть оценены как намерения сформировать в Сибири резервное военно-стратегическое индустриальное «ядро» Российского государства.

Высказываемые идеи были реализованы в советский период благодаря выполнению индустриальных планов первых пятилеток. Проекты организации сибирского промышленного комплекса активно воплощались в жизнь в предвоенные и военные годы. Сибирский тыл стал органичной частью военно-оборонного потенциала СССР, который продемонстрировал свою масштабность и способность победить сильнейшего противника в лице гитлеровской Германии, пользовавшейся в годы Второй мировой войны экономическими ресурсами многих европейских стран.

В послевоенные годы Сибирский регион по своему географическому положению продолжал рассматриваться в качестве надежного тылового района СССР. Здесь наращивался экономический потенциал страны, создавались крупнейшие в мире промышленные и энергетические объекты, военно-оборонные предприятия, в том числе связанные с ракетно-ядерными вооружениями. Пространства Сибири, находящиеся в центре страны и покрытые в основном таежными лесами, являлись малоуязвимыми для вражеского нападения как с суши, так и с воздуха. А в условиях закрытости страны и умения служб государственной безопасности хранить ее секреты, многие сибирские предприятия долгие годы были недостижимыми для иностранных разведок. Таким образом, можно сделать вывод, что пространственно-географический фактор,

изначально имевший объективный характер, получил свое развитие во времени и в соответствии с геополитической динамикой XX в.

Геополитический фактор, в отличие от пространственно-географического, был подвержен более значительным влияниям, так как постоянно корректировался в зависимости от конкретных отношений между странами и народами в тот или иной исторический период. Хотя для международного положения СССР можно отметить и некоторое постоянство, связанное с противостоянием с капиталистическим миром. Вместе с тем, события последних лет свидетельствуют, что идеологические разногласия здесь не так уж и были важны. Главная суть противостояния заключалась в геополитической конкуренции между сильнейшими державами мира, которые и в настоящее время продолжают борьбу за сферы влияния. В основе развязывания «холодной войны», на наш взгляд, также находились геополитические интересы государств-победителей, неудовлетворенные после Второй мировой войны.

В СССР геополитика считалась реакционной буржуазной наукой, оправдывающей экспансию сильных стран капиталистического мира по отношению к слабым. В то же время советское правительство не могло не придавать геополитическим аспектам своей международной деятельности большое значение. В нашем случае под геополитическим фактором понимается именно политическая реальность, которая существовала в годы «холодной войны» на международной арене. Советскому государству приходилось строить и защищать свое пространство в условиях жесткой конкуренции с капиталистическими странами во главе с США.

После Великой Отечественной и Второй мировой войн, к сожалению, мир не воцарился на планете Земля. После речи У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. и реакции на нее советского правительства обозначилась перспектива новой мировой войны, которую откровенно провоцировали недавние союзники СССР по борьбе с гитлеровской Германией. США к этому времени не только имели ядерное оружие, но и применили его в Японии. Активно разрабатывали и совершенствовали средства доставки. Советскому государству ничего не оставалось, как искать адекватный ответ для обеспечения собственной безопасности и безопасности своих союзников. Геополитическая ситуация, складывавшаяся в послевоенный период, явилась одним из главных факторов дальнейшего развития и укрепления тылового района СССР на территории Урала и Сибири, она продолжала оцениваться как весомая часть военно-оборонного потенциала государства.

Экономический фактор в организации сибирского тыла в период «холодной войны» 1946–1965 гг. проявлялся в том, что в Сибири была создана индустриальная база для формирования новых отраслей военно-оборонной промышленности СССР. В данном случае имеются в виду результаты реализации в

1930-е гг. программы Урало-Кузнецкого комбината, обеспечившей в Сибири наличие базовых отраслей тяжелой промышленности. Кроме того, индустрия региона получила мощные импульсы для своего развития в годы Великой Отечественной войны. В Сибири практически заново были созданы крупные предприятия машиностроения, электротехнической и химической промышленности, цветной металлургии. Продукция этих отраслей тогда широко использовалась на военно-промышленных предприятиях в качестве исходного сырья и компонентов для производства нового вооружения и военной техники. В целом экономическое развитие Сибири в послевоенные годы нарастало. Послевоенные пятилетки в регионе отличались высокими темпами индустриального развития, значительно опережавшими общесоюзные, что было основанием для формирования здесь значительной части военно-оборонного комплекса СССР. Речь шла о производстве в Сибири как обычного, так и ракетно-ядерного вооружения.

Тесно связанный с экономическим развитием Сибири научно-технический фактор укрепления сибирского тыла в годы «холодной войны» также оказывал свое влияние в нарастающей динамике. С одной стороны, его можно рассматривать как объективный фактор воздействия на рост и военно-промышленного, и в целом индустриального потенциала сибирского региона в условиях мировой научно-технической революции. Но, с другой стороны, учитывая российские властные традиции, когда ключевые решения принимались отдельными ответственными лицами, этот фактор был подвержен в значительной степени субъективизму, исходящему от государственного управления. На формирование основ научно-технической политики в СССР большое влияние оказывали взгляды как первых лиц государства, так и военных и министерских чинов, политических советников правительства.

Научно-технический прогресс на предприятиях военно-оборонного комплекса в Сибири в значительной степени зависел от военных доктрин, разрабатывавшихся в СССР. В 1946–1965 гг. главенствовала доктрина ядерного нападения и отражения ядерного удара. Поэтому в СССР, в том числе в Сибири, в военно-оборонной промышленности главное внимание уделялось наращиванию ядерных вооружений и средств их доставки на территории потенциальных противников.

Сибирь еще в годы войны рассматривалась в качестве места для концентрации предприятий ядерного комплекса СССР. В конце 1940-х гг. здесь развернулось строительство двух крупных сибирских предприятий атомной промышленности: в Новосибирске завода № 250 (ныне Новосибирский завод химконцентратов) и Сибирского химического комбината № 816 около Томска (Томск-7, г. Северск). Новосибирский завод химконцентратов стал осуществлять переработку урановой руды, выпускать топливо для реакторов, нарабатывающих оружейный плутоний, топливные

стержни и тепловыделяющие сборки. А Сибирский химический комбинат, на возведенных пяти атомных реакторах и пяти заводах, серийно производил делящиеся материалы и изготовлял из них элементы и в целом ядерные заряды различной модификации. Всего на этих двух предприятиях действовало 8 самых крупных в СССР из 13 имеющихся атомных реакторов по выработке оружейного плутония. За все годы их производственной деятельности они произвели до 80 % плутония в стране и вместе с другими предприятиями военно-оборонного комплекса в Сибири более 50 % оружейного урана [1, с. 290–291].

Несколько позже в Сибири были построены еще три предприятия по обогащению урана и изготовлению его оружейной формы. В 1950–1964 гг. на берегу Енисея в 64 км от Красноярска в толще гранитных скал на глубине 200–250 км от поверхности сооружался Красноярский горно-химический комбинат (Красноярск-26, г. Железногорск). В 1957 г. выдал первую продукцию – обогащенный гексафторид урана Ангарский электролизно-химический комбинат в Иркутской области. 30 октября 1962 г. в 150 км восточнее Красноярска начал работу Электрохимический комбинат № 825, известный как Красноярск-45 (г. Зеленогорск) [1, с. 106–111].

Все эти предприятия атомной промышленности нуждались в большом количестве электроэнергии, которую могли дать крупнейшие ГЭС Сибири, построенные на Ангаре и Енисее. Необходимость снабжения электроэнергией секретных атомных производств, находящихся в Красноярском крае, также была одной из весомых причин изучения в 1950–1960-е гг. проблем формирования Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. Для получения 1 кг высокообогащенного урана требовалось 175–200 кг руды и около 600 000 кВт·ч электроэнергии [4, с. 221].

В Сибири, кроме того, создавалась сырьевая база атомной промышленности СССР. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 13 октября 1945 г. «О развитии геологоразведочных работ на А-9 (уран) и Б-9 (торий) в четвертом квартале 1945 и в 1946 гг.» обязывало Комитет по делам геологии при СНК направить своих инженеров и геологов на изыскание нужных для производства атомного оружия месторождений. К апрелю 1946 г. рекомендовалось создать в стране не менее 270 геологических партий. Из них в Западную Сибирь и Красноярский край предполагалось отправить 22 партии, в Восточную Сибирь и Якутию – 28 и 13 партий – на Дальний Восток. Поиски урановых руд финансировались по особым сметам. В 1946–1947 гг. в рамках их исполнения было затрачено 608 млн руб., к работе привлечено свыше 15 тыс. чел. [1, с. 123, 130].

В результате на территории СССР было разведано столько запасов, сколько имелось в остальном мире. Наиболее крупные месторождения урана в этот период были открыты в Ферганской долине, вблизи Кривого Рога, в Киргизии и в Сибири. В последней самые богатые месторождения были обнаружены в

бассейне Колымы и в Забайкалье. Позже были найдены в Сибири и другие более крупные месторождения урана. Самые эффективные рудники в советский период были в Читинской области, Якутской АССР, Красноярском крае. В рамках деятельности Норильского промышленного комбината была организована не только промышленная добыча урановой руды на Таймыре, но и ее первичная переработка.

Наиболее эффективным в формировании военно-оборонного комплекса СССР, в том числе его ракетно-ядерной части, стало десятилетие с середины 1950-х до середины 1960-х гг. Это в полной мере относится к регионам Сибири, так как здесь создавался и действовал крупнейший в СССР ядерно-оружейный центр. В значительной мере благодаря ему стало возможным успешное развитие атомной промышленности СССР. В 1977 г. по числу ядерных боеголовок потенциалы США и СССР практически сравнялись, а затем советский ядерный потенциал по числу ядерных боеголовок даже превышал американский вплоть до начала крупнейших сокращений стратегических ядерных потенциалов в конце 1980-х гг.

Сибирские предприятия в годы «холодной войны» вносили свой вклад и в производство так называемых обычных вооружений, которые постоянно совершенствовались и приобретали все более разрушительную силу. Новосибирск, пережив конверсию в послевоенные годы, оставался крупнейшим центром производства боеприпасов по самой широкой номенклатуре. На заводе им. Чкалова продолжался выпуск совершенной по своему времени военной авиационной техники. В 1948 г. завод получил правительственное задание наладить серийный выпуск реактивных летательных аппаратов и вскоре приступил к выпуску крупных серий самолетов Миг-15, Миг-17 и Миг-19. Истребители Миг-19 обеспечивались новейшей инфракрасной системой перехвата, позволявшей во взаимодействии с наземными средствами наведения обнаруживать и пеленговать самолеты противника на расстоянии до 20 км. Самолеты этой марки были высшим достижением реактивной боевой техники того времени.

С конца 1955 г. на заводе им. Чкалова началось производство самолетов-перехватчиков типа СУ. В короткие сроки коллектив завода освоил серийное производство самолетов СУ-9, которые стали занимать ведущие места в Военно-воздушных силах СССР по своим летно-тактическим данным. На них устанавливались мировые рекорды по скорости и высоте полета. На заводе осваивалось серийное производство новейших истребителей-перехватчиков ЯК-28, которые, как и самолеты марки СУ, по своим летно-тактическим характеристикам опережали лучшие образцы зарубежной авиационной техники. В едином комплексе в Новосибирске действовали производственные цеха, научно-исследовательские и проектные организации. За все годы производственной деятельности в советский период завод им. Чкалова освоил производство 27 типов самолетов, пере-

дал в Вооруженные Силы СССР 26,7 тыс. боевых машин, в том числе в 1946–1965 гг. более 10 тыс. реактивных самолетов [1, с. 234].

Вторым крупным центром военно-оборонной промышленности в Сибири являлся Омск. Здесь находилось три завода авиационной промышленности, несколько предприятий по производству боеприпасов, военной электроники и радиотехники. Сформировавшийся в годы Великой Отечественной войны Омский авиационный завод (№ 166) производил самолеты типа АН, запасные части для авиационной техники. Моторостроительный завод им. Баранова выпускал в большом количестве двигатели для авиационной и ракетной техники и запасные части к ним. Завод № 20 изготавливал на специально созданном производстве ракетную технику, агрегаты для ракетных двигателей и другую аппаратуру.

В Красноярске на машиностроительном заводе им. В.И. Ленина, знаменитом индустриальном детище первых пятилеток «Красмаше», приступили к производству сложнейшей ракетно-космической техники. Завод до 1941 г. выпускал оборудование для угольной, золотодобывающей и нефтяной промышленности: шахтные подъемные машины, лебедки, проходческие комбайны, врубовые машины и вагонетки. С началом войны перешел в распоряжение Наркомата вооружения. В него влились эвакуированные из западных районов страны Коломенский завод им. Ворошилова, частично ленинградские заводы «Арсенал» и «Большевик», калужские и сталинградские машиностроительные заводы. Основной продукцией объединенного завода стали автоматические зенитные пушки. Первый эшелон пушек из Красноярска на фронт был отправлен уже 15 ноября 1941 г. Всего за годы войны «Красмаш» произвел 26 тыс. пушек различных систем, более 5 тыс. минометов, 220 тыс. крупных авиабомб, 3500 морских мин [5, с. 178].

В послевоенные годы на «Красмаше» продолжалось серийное производство автоматических зенитных пушек. С 1958 г. по специальным решениям правительства началась реконструкция завода с целью производства здесь новой ракетно-космической техники. С 1959 по 1965 г. производственные площади завода увеличились втрое, численность работающих – вдвое, а объем валовой продукции – в 3,3 раза. В результате здесь было организовано высокотехнологическое производство ракетно-космической техники, нала-

жен выпуск первых советских баллистических ракет. С 1959 г. «Красмаш» работал в едином комплексе с ОКБ-10 (НПО прикладной механики, Красноярск-26) в направлении проведения опытно-конструкторских работ и изготовления ракетно-космической техники. К 1964 г. в Красноярске было освоено производство ракет-носителей для выведения на круговые орбиты легких спутников, а позже баллистических ракет морского базирования.

Таким образом, после окончания Второй мировой войны сибирский тыл СССР не утратил своей роли в сохранении безопасности государства. Продолжилась разработка и реализация идеи, возникшей на рубеже XIX–XX вв. и получившей развитие в условиях дальнейшего усиления противостояния между крупнейшими державами мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савицкий И.М. Вклад оборонной промышленности Сибири в создание ракетно-ядерного щита СССР в годы «холодной войны» 1946–1965 гг. Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2011. 352 с.
2. Маккиндер Х.Д. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162–169.
3. Менделеев Д.И. К познанию России. М: Айрис-пресс, 2002. 559 с.
4. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. М: РОССПЭН, 1996. 336 с.
5. Тимошенко А.И. Сибирский тыл в годы «холодной войны» // Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири: программы и практики советского периода (1920–1980-е гг.): [кол. моногр.] / отв. ред. А.И. Тимошенко. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 170–198.

REFERENCES

1. Savitsky I.M. The contribution of the Siberian defense industry into the USSR nuclear-missile shield creation during the Cold War, 1946–1965. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo, 2011, 352 p. (In Russ.).
2. Makkinder Kh.D. The Geographical axis of history. Poliss. 1995, vol. 4, pp. 162–169 (In Russ.).
3. Mendeleev D.I. To Russia understanding. Moscow: Iris Press, 2002, 559 p. (In Russ.).
4. Simonov N.S. The military-industrial complex of the USSR in 1920s–50s. Moscow: ROSSPEN, 1996, 336 p. (In Russ.).
5. Timoshenko A.I. The Siberian Rear during the Cold War. Mobilizatsionnaya strategiya khozyaystvennogo osvoeniya Sibiri. Programmy i praktiki sovetskogo perioda (1920–1980-e gg.) / ed. A.I. Timoshenko. Novosibirsk: Parallel, 2013, pp. 170–198. (In Russ.)

Статья принята редакцией 08.06.2015

DOI: 10.15372/HSS20150320
УДК 930:314

О.Б. ДАШИНАМЖИЛОВ, В.В. ЛЫГДЕНОВА

**ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИОННОГО ПЕРЕХОДА
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1959–1989 гг.: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***

Одон Борисович Дашинамжилов,
канд. ист. наук, младший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: odon@bk.ru

Виктория Васильевна Лыгденова,
канд. филос. наук, научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17
e-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Основной целью статьи является анализ демографического развития городского населения Западной Сибири в 1960–1980-е гг., выявление основных факторов, влияющих на динамику численности горожан. В центре внимания авторов – специфика урбанизационного перехода в экономическом районе, которая описана на основе анализа естественного и механического прироста, крупных, средних и малых городских поселений. Обнаружены и охарактеризованы особенности становления сети городских населенных пунктов. Проведен сравнительный анализ с развитием городов в других восточных районах СССР. Рассмотрена роль миграций в демографическом развитии городов Сибири. Сделан вывод в том, что наряду с большой ролью механического прироста также было велико значение и естественного прироста, а влияние экстенсивных факторов урбанизации долгое время оставалось высоким.

Ключевые слова: Западная Сибирь, урбанизация, регион, городское население, рождаемость, смертность, миграции, национальные республики, историческая демография.

O.B. DASHINAMZHILOV, V.V. LYGDENOVA

**SPECIFIC FEATURES OF URBANIZATION TRANSITION
IN WESTERN SIBERIA IN 1959–1989: A DEMOGRAPHIC ASPECT**

Odon B. Dashinamzhilov,
Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher,
Institute of History SB RAS,
8 Nikolayeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: odon@bk.ru

Victoria V. Lygdenova,
Candidate of Philosophical Sciences, Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17 Lavrentyev Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Since the 1960s the process of urbanization in the RSFSR (Russian Soviet Federative Socialist Republic) has evolved from the extensive to the intensive phase. Distinctive features of the intensive phase included declining population growth rates, decreasing share of the urban population; lower scale of migrations from the rural settlements along with the increased inter-city migration. The number of administrative transformations reduced while urban population increased mainly in the largest cities. In this regard, it is relevant to study the intensive phase of demographic development of West

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Siberian cities within the framework of the urbanization transition theory. The objective of the paper is to reveal specific features of the demographic development of West Siberian population under conditions when social and political cataclysms were a thing of the past. In order to achieve this goal the following tasks are to be solved: to study West Siberian urban population dynamics; to analyze how migrations and natural increase affected its quantitative composition; to reveal the role of various settlements in formation of the urban settlements network. Materials of the All-Union Census and current population statistics were used as a source base. The study represents one of the first attempts to analyze West Siberian urban population dynamics in the context of Russian demographic processes applying historical-statistical and economical-geographical methods. As a result, it was concluded that in Western Siberia transition to the intensive phase of urbanization was characterized by the wave-like drop in urban population growth; considerable increase of population growth (in absolute indices) in large cities; the role of extensive factors remained significant due to the growing number and share mid-sized urban settlements.

Key words: West Siberia, urbanization, region, urban population, birth rate, mortality rate, migrations, national republics, historical demography.

Формирование городского населения Западной Сибири происходило под воздействием целого комплекса культурных, социально-экономических и политических факторов. Сибирские города быстро приобрели первостепенное значение для развития различных видов коммуникаций в Российской Федерации. Первопроходцы Сибири за удивительно короткое время из военно-административных острогов создавали города и необходимую культурную коммуникативную среду [1, с. 70]. Строительство Транссибирской железной дороги ускорило рост численности городского контингента, прежде всего в населенных пунктах, расположенных вдоль магистрали. Социалистическая реконструкция народного хозяйства и индустриализация форсировали урбанизацию восточных районов. С 1960-х гг. урбанизация в РСФСР переходит из экстенсивной в интенсивную фазу. В этой связи особый интерес вызывает изучение интенсивной фазы развития городов Западной Сибири в рамках методологической теории урбанизационного перехода. Цель исследования – выявить специфику демографического развития западносибирского городского населения в условиях, когда социальные и политические катаклизмы остались в прошлом. В контексте поставленной цели будут решены следующие задачи: проанализирована динамика численности западносибирского городского населения, показан вклад миграций и естественного прироста в изменение его количественного состава, определена роль разных категорий населенных пунктов в формировании сети городских поселений.

Источниковую базу работы составили материалы всесоюзных переписей и текущего учета населения. Настоящая статья представляет собой одну из первых попыток на основе применения историко-статистических и экономико-географических методов осуществления анализа динамики народонаселения в западносибирских городах на фоне общероссийских демографических процессов.

Зафиксированные в РСФСР за межпереписной период 1939–1959 гг. темпы прироста городского населения оказались меньшими, чем в 1926–1939 гг., особенно на территориях, подвергшихся оккупации. В то же время в Западной Сибири как тыловом районе на интенсивность урбанизации значительное влияние оказала эвакуация населения и промышленных предприятий из европейской части страны. Если в целом по РСФСР численность городских жителей за этот

период увеличилась на 71,0 %, то в Западной Сибири – на 122,8 %. За прошедшие 20 лет различия между Западной Сибирью и Российской Федерацией в удельном весе городского населения почти нивелировались (51,1 % и 52,8 %) [2, с. 17, 23]. За последующие 30 лет экономическое развитие Советского Союза начинает протекать более равномерно, а урбанизация плавно переходит из экстенсивной в интенсивную фазу. Экстенсивная стадия урбанизационного перехода характеризовалась массовыми перемещениями населения из села в город, высокими темпами роста численности городов, прежде всего малых и средних, а также количества и удельного веса городского населения, масштабными административными преобразованиями сельских населенных пунктов в городские. Основными особенностями интенсивной фазы стали снижение масштабов роста численности и удельного веса городского населения, снижение размеров миграций из сел и количественный рост межгородских переселений, сокращение числа административных преобразований и опережающий рост городского населения в наиболее крупных городских населенных пунктах и агломерациях.

К 1989 г. удельный вес городских жителей в РСФСР и Западной Сибири достиг 73,4 и 72,7 % соответственно. Численность горожан в Российской Федерации увеличилась на 76,6 %, в Западной Сибири – на 89,8 % (с 5751,3 тыс. до 10915,5 тыс. чел.). Темпы ежегодного прироста численности горожан в данном экономическом районе постепенно снижались: если в 1926–1939 гг. они составляли 8,7 %, в последующие 20 лет – 4,0, то в 1959–1989 гг. – 2,2 %. Среднегодовые показатели роста городского населения Западной Сибири в изучаемый период оказались выше, чем в РСФСР (1,9 %).

Изучение динамики численности горожан за межпереписные периоды по Российской Федерации показало устойчивое снижение среднегодовых темпов их роста. Так, если в 1959–1970 гг. они составляли 2,5 %, в 1970–1979 гг. – 1,8 %, то в 1980–1989 гг. – только 1,3 %. Главными причинами такой тенденции стали истощение демографического потенциала села и снижение его удельного веса в населении. Немалое воздействие на демографическое пополнение городского населения оказывало также последовательное сокращение числа рождений (при некотором увеличении количества смертей). Например, если в РСФСР в 1959–1969 гг. естественный прирост в городах в сред-

нем ежегодно составлял 9,4 %, в 1970–1978 гг. – 7,1, то в 1979–1988 гг. – 6,3 %. Ухудшение показателей воспроизводства одновременно оказывало влияние и на демографическое пополнение молодежных контингентов (до 30 лет), что, в свою очередь, снижало количество потенциальных мигрантов. Последовательно уменьшалась интенсивность административных преобразований сельских населенных пунктов. Если в 1960–1969 гг. ежегодно возникали городские поселения в среднем с общим населением 232,7 тыс. чел., в 1970–1978 гг. – 108,9 тыс., то в 1979–1988 гг. – только 96,0 тыс. чел.¹

В Западной Сибири наблюдалась иная динамика. Среднегодовые темпы прироста численности горожан составили соответственно 2,4 %, 1,9 и 2,2 %. Благодаря анализу естественного и механического движения населения в межпереписные периоды выявлено, что из-за более благоприятной возрастной структуры и, соответственно, высокого числа рождений и низкого количества смертей вклад естественного прироста в рост численности городских жителей оказался в западносибирских регионах значительнее, чем в РСФСР. Так, среднегодовые показатели общего коэффициента рождаемости, рассчитанные для 1959–1970 гг., составили здесь 17,6 ‰, а смертности – 6,7 ‰, тогда как в РСФСР – 16,4 и 7,1 ‰.

Соответственно, если в целом по республике среднегодовой общий коэффициент естественного прироста в 1960-е гг. находился на уровне 9,4 ‰, то в рассматриваемом экономическом районе – 11,0 ‰. Дифференциации выявлены и при сравнении механического прироста, который в Западной Сибири в расчете на 1000 жителей оказался ниже, чем по РСФСР (12,2 ‰ и 15,7 ‰). Экономические показатели Западной Сибири в этот период были менее благоприятными, чем во многих других экономических районах и республиках Советского Союза. Именно миграционным оттоком можно объяснить и относительно меньшие среднегодовые темпы повышения численности ее городского населения в 1960-е гг. (2,4 % против 2,5 % в РСФСР).

Экономический и демографический рост в городах национальных образований СССР протекал в 1960-е гг. активнее, чем в Российской Федерации. Подробный анализ контрольных цифр развития народного хозяйства в 1959–1965 гг. показал, что приоритетными для развития в восточных районах стали экономики союзных республик, прежде всего, Казахстана и Средней Азии. Удельный вес РСФСР в общем объеме капиталовложений снизился. Если в 1959 г. на нее приходилось 65,1 % отпущенных инвестиций государственных и кооперативных организаций, то в 1965 г. – только 60,6 %. Объем капиталовложений в Узбекистане в абсолютном выражении за этот же период возрос в 2,6 раза, в Таджикистане – в 2,2, в Киргизии и Казахстане – в 1,9 раза. В РСФСР общий объем капитальных вло-

жений предприятий и организаций повысился только в 1,5 раза, в том числе в Западной Сибири – в 1,6 раза².

С середины 1960-х гг. доля капиталовложений, направляемых в восточные районы страны, стабилизировалась на одном уровне. Если за 1959–1965 гг. их совокупный удельный вес (без Урала) в инвестициях предприятий и организаций Советского Союза увеличился с 26,3 до 29,8 %, то за последующие годы, вплоть до конца 1960-х гг., он почти не менялся (29,6 % в 1969 г.). Заметного инвестиционного бума в Западной Сибири во второй половине 1960-х гг. отмечено не было, хотя различия в росте капиталовложений между ней и другими восточными районами практически исчезли.

В результате по объемам хозяйственного роста в 1960-е гг. большинство из союзных республик, с которыми у исследуемого экономического района сложились тесные демографические связи, опередили и Российскую Федерацию, и Западную Сибирь. В итоге замедленные темпы хозяйственного роста, неблагоприятные природно-климатические условия, менее развитая социальная инфраструктура, высокая потребность во внешних источниках пополнения трудовых ресурсов в национальных образованиях способствовали оттоку населения в другие регионы страны, что отразилось и на количественных показателях роста горожан. Следует отметить, что в 1960-е гг. складывающиеся социально-экономические тенденции способствовали перемещению трудовых ресурсов и из Российской Федерации в целом, однако, именно из Западной Сибири (наряду с Уралом) они достигли высоких величин [2, с. 42–44]. Величина отрицательной чистой нетто-миграции за указанный период в экономическом районе составила 765,7 тыс. чел.

Большое отрицательное сальдо в обмене населением у западносибирских городов образовалось в этот период с Украиной, Казахстаном и республиками Средней Азии. Например, чистый механический нетто-прирост всего населения в целом (в демографическом обмене с со всеми регионами СССР) в Узбекской ССР достиг 460,5 тыс. чел., Киргизской ССР – 160,8 тыс., Таджикской ССР – 150,5 тыс., в Казахской ССР – почти 800,0 тыс. чел., Украинской ССР – 530,8 тыс. чел. Данные текущего учета населения показывают, что миграционные потери города Западной Сибири несли в обмене населением также с российскими регионами Поволжского и Северо-Кавказского, а со второй половины 1960-х гг. и Центрального экономических районов.

В 1970–1978 гг. среднегодовой общий коэффициент естественного прироста в исследуемом экономическом районе по-прежнему был выше, чем в РСФСР в целом (8,8 ‰ и 7,1 ‰). Общий коэффициент рождаемости, рассчитанный для 1970–1978 гг., снизился до 16,9 ‰, смертности – увеличился до 8,2 ‰ (в РСФСР – до 15,6 и 8,6 ‰). Механический прирост за 1970–1978 гг.

¹ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1997. С. 22.

² Народное хозяйство РСФСР в 1964 г.: стат. ежегодник. М., 1966. С. 344; Народное хозяйство РСФСР в 1968 г.: стат. ежегодник. М., 1969. С. 311.

в расчете на 1000 чел. в городах Западной Сибири оставался ниже, чем по республике (9,9 и 11,1 ‰), однако различия между ними по сравнению с предыдущим периодом все же снизились. В эти годы из данного экономического района практически прекратился отток населения, а размеры отрицательного сальдо миграции составили всего 76,3 тыс. чел. Дело в том, что в 1970-е гг. объемы капитальных вложений государственных и кооперативных организаций в экономику РСФСР стали повышаться, а значение Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) в хозяйственной структуре Западной Сибири – стремительно расти.

За десять лет удельный вес Российской Федерации вырос с минимальных 60,2 % в 1967 г. до 63,2 % в 1977 г. Доли других республик, входящих в состав восточных районов СССР, за это же время, наоборот, несколько уменьшились. В абсолютных цифрах прирост капиталовложений в Западную Сибирь только за 1970–1975 гг. достиг 65,5 % и оказался значительно выше, чем по РСФСР и Советскому Союзу. Мы не располагаем соответствующими цифрами по второй половине 1970-х гг., однако, несомненно, благодаря ЗСНГК, темпы роста капиталовложений в Западную Сибирь были опережающими. Для сравнения, объемы инвестиций (вместе с колхозами) в целом по РСФСР за 1975–1979 гг. возросли на 25,5 %, тогда как в Тюменской области за этот же период – на 80,2 %³.

Ускоренное индустриальное развитие Западной Сибири и рост ее значения в народнохозяйственном комплексе стали одним из важных факторов изменения объемов и направлений миграционных потоков в стране. Так, за межпереписной период 1970–1979 гг. положительное сальдо миграции Украинской ССР снизилось до 256,5 тыс. чел., Узбекской ССР – до 243,1 тыс., Таджикской ССР – до 26,4 тыс. чел., а из Казахской и Киргизской ССР начался отток населения (479,9 и 76,3 тыс. чел. соответственно). С середины 1970-х гг. для Западной Сибири впервые за долгие годы отмечено положительное сальдо миграции [3, с. 101]. Среднегодовой прирост ее городского населения незначительно превысил общероссийский (1,9 и 1,8 %).

В 1979–1988 гг. статистические параметры подъема численности городских жителей стали уже заметно выделяться на общероссийском фоне (2,4 % против 1,3 %). Среднегодовой общий коэффициент естественного прироста традиционно был выше, чем по РСФСР в целом (8,8 и 6,3 ‰), однако различия между ними увеличились в пользу Западной Сибири. Если в 1960-е гг. естественный прирост в городах в расчете на 1000 чел. был выше, чем в среднем по России на 17,0 %, то в 1980-е гг. – уже на 40,7 %. Из-за повышения доли молодежи в возрастном составе населения вследствие притока большого числа мигрантов общий коэффициент рождаемости в экономическом районе вырос по сравнению с 1970–1979 гг. на 6,5 %, тогда как по республике – только на 3,7 %. Соответственно,

общий коэффициент смертности увеличился в среднем только на 12,1 % (в РСФСР – на 16,2 %).

С 1979 по 1988 г. удельный вес РСФСР в капиталовложениях (вместе с колхозами) повысился с 62,0 до 63,4 %. Рост инвестиций за этот же период составил 70,7 %, тогда как в общем по Советскому Союзу – 66,9 %. На этом фоне объемы капиталовложений в Тюменскую область продолжали увеличиваться опережающими темпами. Только за 1980–1986 гг. они возросли в 2,1 раза (в РСФСР за этот же период – в 1,5 раза).

Размеры механической убыли у республик, с которыми у Западной Сибири сохранялись тесные демографические связи, значительно выросли. Так, Казахская ССР за 1979–1988 гг. потеряла за счет миграции 786,5 тыс. чел., Узбекская ССР – 507,1 тыс., Киргизская ССР – 157,7 тыс., Таджикская ССР – 103,9 тыс. чел. Положительный нетто-прирост за счет переселений Украинской ССР снизился до 157,1 тыс. чел. Конечно, отток населения из этих республик вызван не только индустриальным подъемом Западной Сибири, особенно в конце 1980-х гг., однако значение данного фактора трудно переоценить. Механический прирост городских жителей экономического района в расчете на 1000 чел. в среднем в 2 раза превысил общероссийские показатели (13,3 и 6,6 ‰). В это время положительное сальдо миграции всего населения Западной Сибири достигло 817,8 тыс. чел., в том числе городского – 1289,0 тыс.

Процессы градообразования в Западной Сибири имели свои характерные особенности. Поскольку сеть городских поселений в восточных районах страны была реже, чем в центральных, восполнение создавшегося вакуума происходило за счет административных преобразований сельских населенных пунктов в городские. Освоение нефтегазовых месторождений севера Западной Сибири способствовало формированию разветвленной сети городских поселений – опорных пунктов нефте- и газодобычи. Если в РСФСР количество городских поселений за 30 лет возросло на 36,2 %, то в Западной Сибири – на 86,9 %⁴.

Анализ группировки городских поселений по численности проживающего в них населения, проведенный на основе данных переписи 1959 г., выявил ведущую роль крупных городов в хозяйственной жизни Западной Сибири. В Российской Федерации в крупных и крупнейших промышленных центрах (свыше 100 тыс. чел.) проживало чуть более половины всех горожан (51,0 %). В исследуемом экономическом районе в них оказалось сосредоточено около 2/3 (66,9 %) всего городского населения⁵. Из 876 городов (без пгт) РСФСР – 683 (78,0 %) являлись небольшими (до 50,0 тыс. чел.), средними – 101 (11,5 %) и большими и крупнейшими – 92 (10,5 %). В Западной Сибири картина была другой: из 53 городов к первой категории

³ Народное хозяйство Тюменской области за годы девятой пятилетки (1976–1980 гг.): стат. сб. Тюмень, 1981. С. 24.

⁴ Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 7.

⁵ С учетом поселков городского типа.

относились 37 (69,8 %), ко второй – только 2 (3,8 %), к третьей – 14 (26,4 %). Таким образом, средних городов здесь было гораздо меньше, чем крупных.

За последующие тридцать лет в Российской Федерации снизилась доля горожан, проживавших в небольших (с 37,6 до 27,2 %) и средних городских поселениях (с 11,3 до 10,5 %). Соответственно повысился удельный вес крупных городов – до 62,4 %. В Западной Сибири доля мелких городских поселений снизилась в меньшей мере, чем в РСФСР, а средних городов выросла. На фоне сокращения удельного веса малых городских поселений (с 30,9 до 25,7 %) так же незначительно сократилась и доля крупных (с 66,9 до 63,7 %). Почти в 5 раз увеличился вклад средних городов (с 2,1 до 10,5 %) в системе расселения.

Увеличение численности (с 122,6 тыс. чел. в 1959 г. до 1,1 млн чел. в 1989 г.) и удельного веса средних городских поселений были вызваны главным образом строительством крупных градообразующих предприятий, как правило, союзного значения и сопутствующей производственной инфраструктуры.

Заметная специфика была обнаружена и при исследовании тенденций развития крупных (свыше 100 тыс. чел.) городов Западной Сибири. Численность их населения выросла с 3849,7 тыс. чел. до 6958,0 тыс. чел., или на 80,7 %. Если в 1959 г. здесь насчитывалось 14 крупных городов, то в 1989 г. – 16. В это же время в РСФСР число больших городов увеличилось на 79,3 %, количество проживающих в них горожан – на 112,6 %, а удельный вес в городском населении – с 51,0 до 62,4 %.

Довольно скромный количественный прирост в этой группе городских поселений был вызван тем, что в 1959 г. в Западной Сибири имелось только два средних города, из которых более высокой категории смог достичь только один – Междуреченск. Отмеченный небольшой численный рост больших городов произошел за счет интенсивного социально-экономического развития Тюменской области, где Сургут и Нижневартовск, продемонстрировав высокие темпы демографического развития, буквально за два десятилетия (1970–1989 гг.) смогли перейти из категории малых городов в крупные.

Развитие малых сибирских городов не замедлялось. Освоение больших пространств с низкой плотностью населения требовало создания разветвленной

сети городских поселений. С этой целью по-прежнему активно применялась практика административных преобразований больших сел в поселки городского типа. Огромную роль при этом сыграли разработки месторождений нефти и газа северных территорий. В связи с этим число малых городов и поселков городского типа в данном экономическом районе увеличилось на 73,2 %, численность их жителей – на 57,8 %. Удельный вес этой категории хотя и снизился, но все же не так заметно, как в РСФСР в целом (с 30,9 до 25,7 %).

В заключение отметим, что в Западной Сибири переход к интенсивной стадии урбанизации имел свои особенности. С одной стороны, произошло снижение (хотя и волнообразное) темпов увеличения количества горожан, зафиксирован значительный в абсолютных показателях рост численности жителей в крупных городских поселениях. С другой стороны, роль экстенсивных факторов продолжала оставаться высокой за счет повышения численности и удельного веса средних городов и сохранившейся градообразующей активности. Влияние формирующегося Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса оказалось существенным, но все же недостаточным, чтобы в корне изменить ход урбанизации в этом экономическом районе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майничева А.Ю. Природные объекты и православные святыни: пространственные символы как маркеры коммуникативной среды первопроходцев Сибири в XVII–XVIII веках // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2010. Т. 9, вып. 1. С. 70–74.
2. Калинин Д.Е., Ушаков А.К. Население Сибири. М.: Статистика, 1976. 165 с.
3. Население Западной Сибири в XX веке: [кол. моногр.] / отв. ред. Н.Я. Гущин, В.А. Исупов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 170 с.

REFERENCES

1. Maynicheva A.Yu. Natural objects and the Orthodox shrines: spatial symbols as markers of communicative environment of Siberian pioneers in the XVII–XVIII centuries. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya*. 2010, vol. 9, N 1, pp. 70–74.
2. Malinin D.E., Ushakov A.K. Siberian population. Moscow: Statistika, 1976, 165 p.
3. The population of West Siberia in the XX century. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 1997, 170 p.

Статья принята редакцией 21.04.2015

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20150321
УДК 656.073.51

И.Р. СОКОЛОВСКИЙ

ТАМОЖЕННЫЕ ФУНКЦИИ ПРИКАЗЧИКА СЕЛЕНГИНСКОГО ОСТРОГА

Иван Ростиславович Соколовский
канд. ист. наук, научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: sokolowski@yandex.ru

Изучение истории таможенного дела в XVII в. невозможно без изучения структуры таможенных органов. Поэтому интересно осветить вопрос о таможенных полномочиях приказчика Селенгинского острога.

Колонизация Южной Бурятии происходила в сложных условиях. Русское население жаловалось на плохие условия для ведения сельского хозяйства. Другой важной проблемой было военное противодействие соседей. Уже с 1670-х гг. между Московским царством и Китаем бурно развиваются торговые связи. На основе анализа источников мы установили, что 1) приказчики острогов выполняли функции низовых звеньев таможенного управления; 2) приказчик Селенгинского острога до 1681 г. в таможенном отношении подчинялся енисейскому таможенному голове; 3) в апреле 1681 г. он был переподчинен таможенному голове в Иркутске.

Ключевые слова: приказчик, острог, Селенгинск, таможня, формирование, полномочия, наказная память.

I.R. SOKOLOVSKY

CUSTOMS FUNCTIONS OF THE COMMANDANT OF SELENGINSKY FORT

Ivan R. Sokolovsky
Candidate of Historical Sciences, Researcher
Institute of History SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: sokolowski@yandex.ru

It is impossible to study the history of Russian customs service in the XVII century without researching structure of customs administration. The low-level customs authorities rarely attract attention of historians. Most of them, cited in the article, discuss the issues related to the activity of 'customs chambers' ('tamozhennye izby'). Therefore it seems interesting to highlight powers of commandants of the Selenginsky fort as low-level customs officials.

Russian colonization of southern Buryatia immediately encountered serious difficulties. Russian people complained about poor conditions for agriculture. Arable lands were first plowed relatively late. Authorities tried to solve these problems by sending a variety of supplies to the fort.

Warlike neighbors were another major problem that hampered the Russian colonization of Transbaikalia. The military tension affected administrative reforms, which resulted in creation of the independent Irkutsky "uyezd" including the Selenginsky fort.

Despite their tense political relations since the 1670s the trade between Muscovy and China had experienced a surge, as satisfaction of some important Chinese needs brought tangible profits to the Russian merchants.

The Fort on the Selenga River was founded on September 27, 1665. Commandants worked hard to strengthen the fort, so the town of Selenginsk eventually became an important point of caravan trade with China.

An official document confirming the existence of territorial authority of Russian customs service in Selenginsky Fort is 'nakaznaya pamiat' (Customs Charter) issued by the Irkutsk voivode I.A. Vlasov. It made a boyar's son' (officer, nobleman) Ivan Perfirev a newly appointed commandant of Selenginsky fort.

In conclusion it is noted that 1) the fort Commandants could serve as the lower level customs officials; 2) it is established that Selenginsky Fort Commandant had had such powers since at least 1671; 3) the exact date of the first charter to the commandant of Selenginsky fort remains unidentified; 4) it is determined that the commandant of Selenginsky fort, perhaps in 1667-1681, served as a low level customs post of the Yeniseisk customs chamber; 5) in April 1681 he was brought under the responsibility of the newly appointed customs head in Irkutsk.

Key words: Commandant, Selenginskiy fort, customs, establishment, competence, charter.

Изучение истории таможенного дела в XVII в. невозможно без изучения структуры таможенных органов. Работа в этом направлении постоянно ведется исследователями. Современные представления о структуре таможенных органов строятся вокруг того, что основными территориальными таможенными органами были таможенные избы, подчиненные таможенным головам. Исследователи сосредотачивают свое внимание преимущественно на этом звене таможенного управления, поскольку именно там велись таможенные книги, беловые копии которых отсылались впоследствии в центральные приказы. Одно из первых классических описаний этого «среднего» уровня таможенного управления дал Н.Н. Оглоблин. Изложение структуры и функций таможенного управления в Сибири подчинено у него задаче обосновать выделение таможенных документов в отдельный том его «Обозрения...». Поэтому Н.Н. Оглоблин пишет, из кого и как выбирались «таможенные головы» в начальный период освоения Сибири и позже, сообщает об их праве писать напрямую в Москву. При этом отмечает, что «голова и целовальники собирали таможенные доходы, таможенные подьячие вели таможенные документы и также без всякого участия воеводский дьяков и подьячих», но что головы были обязаны передавать воеводам для отправки в Москву или для местных расходов все собранные деньги и иные ценности, полученные таможеней, а так же всю таможенную документацию и участвовать во всех руководимых воеводами мероприятиях внутри острога и на территории уезда («нужно ли было что-то купить, продать, построить и т.п.») [1, с. 4, 3, 5].

Примерно так же представлял систему таможенного управления и А.Ц. Мерзон в 1957 г. [2, с. 16–20]. Десять лет спустя О.Н. Вилков дал даже небольшой историографический обзор по данной теме, указав работы В.А. Александра, К.В. Базилевича, Ю.А. Тихонова, Е.В. Чистяковой и А.Н. Копылова [3, с. 18].

Н.Ф. Демидова в своей монографии о служилой бюрократии в России XVII в. упоминает о существовании в слободах управленческого аппарата, требовавшего найма особых дьячков, но об участии приказчиков в таможенном управлении не пишет [4, с. 36, 49, 51, 63, 66, 72, 186].

В 1990 г. О.Н. Вилков опубликовал обширный очерк таможенного управления, существенно дополнив Н.Н. Оглоблина [5, с. 136–172].

Особенно подробно функционирование территориальных таможенных органов описал А.И. Раздорский. Он отмечает территориальное расположение таможенных органов: «в уездных центрах находились таможенные избы, ведавшие сбором пошлин как в самом городе, так и в прилегающей округе. Таможенной избе были подчинены таможи, расположенные в других населенных пунктах уезда, где функционировали местные рынки. На торговых путях – сухопут-

ных дорогах, судоходных реках – устраивались специальные заставы. Прибывали таможенники и на сельские ярмарки». Указывает на их структуру: «в большинстве городов сбор таможенных пошлин и другого косвенного налога – питейной прибыли – осуществлялся под руководством таможенного и кабацкого (с 1652 г. – кружечного двора) головы, избравшегося обычно из числа наиболее состоятельных посадских людей, черносошных и дворцовых крестьян», «его помощниками являлись выбираемые из среды местного населения целовальники». Говорит о наложенных на них ограничениях, характере службы, подчиненности, расходясь во мнении с Н.Н. Оглоблиным («были подчинены непосредственно центральным властям, воеводам было запрещено вмешиваться в их деятельность»), отмечает сроки службы, «строгой письменной отчетности» «о собранных с торгующих» пошлин, о документах, фиксирующих их полномочия, о таможенных книгах» [6, с. 66–67].

Нельзя сказать, что в историографии нет ни одного упоминания о таможенных функциях приказчиков. Так, В.И. Шунков писал еще в 1946 г., что «непосредственным представителем власти в крестьянской слободе был приказчик, наделенный очень широкими полномочиями. <...> За исключением крупных слобод, приказчик вел и таможенные дела» [7, с. 205–206]. Здесь, правда, речь идет не о приказчиках острогов, как в нашем случае, а о крестьянских приказчиках.

Однако все же «таможенные головы» вызывают больший интерес. Например, Л.А. Тимошина уделяет несколько абзацев статусу «гостя» на архангельской таможене, доказывая, что он стоял над «таможенными головами» [8, с. 186–236]. Подобным же образом ситуация с территориальными органами таможенного управления освещается и в литературе, не связанной с историей торговли, а посвященной истории администрации [9, с. 48, 71, 73; 10, с. 49–76].

В настоящее время мы еще не имеем полноценной истории «административных границ» Сибири XVII в., поскольку общие представления о динамике подчинения и переподчинения различных территорий различным же административным центрам никогда систематически не картографировались. Наиболее фундаментальной работой в этом направлении до сих пор остается приложение к первому тому «Истории крестьянства Сибири» [11].

В этом отношении нам представляется интересным осветить вопрос о таможенных полномочиях приказчика Селенгинского острога. Изучение данного вопроса может привлечь внимание ученых к рассмотрению сети таможенных учреждений во всей ее полноте.

История, местоположение, развитие Селенгинского острога имеют свою специфику, которая могла бы привести к его особому статусу. Поэтому необходимо сказать о них несколько слов. Движение русских на территорию современ-

ной южной части Бурятии было тесно связано с продвижением в Приамурье и Приморье [3, с. 210]. Верхнеудинский и Селенгинский острожки «закрепляли путь в Даурию» [12, с. 549; 13, с. 46; 14, с. 142]. В 1665 г. был построен Селенгинский острог, а 14 августа 1666 г. – Удинское зимовье [12, с. 549; 15, с. 28; 13, с. 46].

Колонизация данного региона сразу же встретилась с серьезными трудностями [16, с. 117, 200; 17, с. 156]. Прежде всего, не хватало хлеба, большую роль в снабжении которым сыграли купцы Ушаковы. Проблемой формирования в крае прослойки русского крестьянского населения продолжал заниматься Ф.А. Головин, который в 1689–1690 гг. переселял в регион крестьян [18, с. 259; 20, с. 131–149; 16, с. 205; 19, с. 216]. Государство по мере сил пыталось решать и другие проблемы региона [21, с. 179].

Важной проблемой, мешавшей русской колонизации Забайкалья, стало военное противодействие соседей [19, с. 216; 22]. В связи с этим в 1680 г. Иркутский, Селенгинский, Баунтовский, Баргузинский и Удинский остроги были выделены в отдельный уезд [19, с. 216]. Первоначально управление уезда находилось в Селенгинске, в 1680–1682 гг. уезд назывался Селенгинским, но не позднее 1684 г. центр уезда был перенесен в Иркутск [19, с. 216–218]. Первый иркутский воевода И.Е. Власов был назначен в 1680 г. [19, с. 217; 16, с. 186]. Тяжелые условия проживания в Забайкалье нередко вызывали социальные конфликты [22; 23].

Несмотря на напряженные политические отношения с соседями, уже с 1670-х гг. между Московским царством и Китаем бурно развиваются торговые связи, которые удовлетворяют некоторые значимые потребности китайцев и приносят ощутимые прибыли русским торговцам [17, с. 158]. В 1674 г. караван во главе с сыном боярским Иваном Поршенниковым и Гаврилой Романовым, человеком гостя Филатьева, достигает Цинцуй империи. Весь путь от Тобольска до Пекина через Селенгинск занимал 4–8 месяцев [3, с. 209; 13, с. 136]. Уже в 1675/76 г. китайские шелковые ткани, привезенные служилыми людьми, оказываются на тобольском рынке [3, с. 209, 210; 9, с. 186]. Проезжая по Забайкалью, Н. Спафарий видел успехи колонизационных усилий [16, с. 200]. Китайские товары продолжают поступать на сибирский и российский рынки и в дальнейшем. Так, китайский шелк и другие товары привозятся служилыми людьми из Селенгинска на тобольский рынок в 1683/84 и 1686/87 гг. [3, с. 163].

Как было сказано выше, дата основания Селенгинского острога устанавливается по данным отписки казачьего десятника Осипа Васильева енисейскому воеводе Василию Голохвостову и отписки в Сибирский приказ «о построении Селенгинского острога и о снабжении служивых людей оружием, хлебными и другими запасами и проч.» (30 сентября 1665 г. – 14 августа 1666 г.). Согласно этому документу, острог на Селенге был основан 27 сентября 1665 г. Однако официально приказчик был назначен туда значительно позже. Москва получила «отписку» об этом событии только 3 (13) января 1667 г. Соответственно, распоряжение Сибирского приказа енисейскому воеводе о назначении в Селенгинский острог приказчика не могло последовать ранее этой даты [24, с. 229]. С другой стороны, нам известно, что в 1670/71 г. в остроге уже собирали ясак и десятинную по-

шлину. Опираясь на эти факты, мы можем предположить, что назначение приказчика в Селенгинский острог состоялось между 1667 и 1670 г., тогда же ему была дана наказная грамота об исполнении им в том числе и таможенных функций. Кроме того, на территории Южной Бурятии находился еще один острог – Верхнеудинский. По данным литературы, он был основан год спустя после Селенгинского – 14 августа 1666 г. [15, с. 29]. Возможно, приказчик был назначен в этот острог в то же время, что и в Селенгинский.

Еще более важным событием в колонизационном движении стало создание постоянного гарнизона. До его появления в острог на определенный период присылались «казачки-годовальщики» [14, с. 201]. Первоначально большую роль в формировании этих временных гарнизонов играли казаки – участники даурских походов. [14, с. 142]. В 1671 г. из 475 служилых Енисейска на постоянное жительство в Селенгинск было послано 85 чел. [21, с. 201]. Селенгинские приказчики активно трудились над укреплением острога [16, с. 213, 219; 14, с. 26, 142; 15, с. 28, 220].

Налаживание караванной и иной торговли через Селенгинск, формирование там постоянного населения, сети поселений и значимых учреждений православного культа ставит вопрос о механизмах управления этой территорией, и, в частности, вопрос о порядке взимания таможенных пошлин. В известной нам наказной памяти приказчикам Селенгинского острога упоминается такой вид налога, как «десятинная мяхкая рухлядь». В памяти она называется «от девяти десятого зверя» (см. ниже). Данные о сборе этого вида налога в Селенгинске мы встречаем в более раннем документе – в «Выписке из ясачной книги Енисейского уезда о количестве ясака, собранного с бурят в 1671/1672 г.» [24, с. 243]. В книге сообщается:

В Селенгинском же остроге довелось собрать против прошлого на нынешней на 180 г. десятинной мяхкой рухляди 43 соболя с пупки и с хвосты. И в нынешнем во 180 г. в Селенгинском остроге собрано десятинной мяхкой рухляди 40 соболей с пупки и с хвосты. И против прошлого 179 г. не собрано в Селенгинском остроге в нынешнем во 180 г. десятинной мяхкой рухляди 3 соболя с пупки и с хвосты» [24, с. 243].

Это самое раннее из найденных нами упоминаний об исполнении приказчиком Селенгинского острога функций территориального органа таможенной службы.

Официальным документом, подтверждающим существование в Селенгинском остроге территориального органа таможенной службы, является наказная память иркутского воеводы И.А. Власова вновь назначенному приказчику Селенгинского острога – сыну боярскому Ивану Перфильеву (документ сохранился частично, поэтому датируется приблизительно – 1682–1696 гг.). Текст опубликован в известном сборнике документов по истории Бурятии XVII в. [24].

Документ этот прямо предписывает подчиненному иркутскому воеводе приказчику Ивану Перфильеву (л. 8):

Да ему ж Ивану будучи в Селенгинском збирать на великих государей десятая пошлина у всяких чинов людей с соболей и со всякой рухледи и с китайских товаров и с мелочей по указу другу не дружа, а недругу не мстя от девяти десятого зверя из лутчих лутчаго, а из средних среднего, а из плохих лутчаго ж, а с мелочей деньгами по оценке, а с камок и отласов от девяти десятое ж портище, а с китаек по тому ж,

чтоб в том великих государей пошлина не терялась. А будет приедут ис которых сибирских городов для торгов торговые и промышленные люди с рускими товары и с хлебными запасы и тем торговым и промышленным людем велеть являцца перед собою в приказной избе и те их товары по цене записывать в книги имянно, а с тех их товаров и хлебных запасов имать у них пошлины по указу [24, с. 258].

Приказчик должен был следить за тем, чтобы «а того ему Ивану смотреть и беречь накрепко, чтоб торговые и промышленные и всяких чинов люди из Селенгинска без пошлины всяких товаров и мяжкой рухледи не увозили». В его обязанность также входило выдавать свидетельство всем уплатившим пошлины, которое называлось «проезжей грамотой» [24, с. 259].

В апреле 1681 г. царский указ известил стольника и воеводу Ивана Афанасьевича Волкова о том, что в Иркутск назначается «таможенный и заставный голова» – «лалетин» из Соли Вычегодской по имени Иван Самойлов. Сибирский приказ ставил воеводу в известность, что новый глава местного таможенного управления «к вере приведен» в Москве и велено ему собирать таможенные пошлины в Иркутском уезде. Проезжая через Енисейск, он должен получить там в «приказной избе» копию «наказной памяти», такой же, какую имеют «таможенные головы» Енисейска. Там же ему предлагалось получить таможенные книги. Воеводе же предписывалось обеспечить И. Самойлова рабочим помещением, построить ему «таможенную избу» «с сеньми, и амбары, и лавки» и разрешить набрать штат сотрудников – «выбрать из ыркуцких ис посадцких и из жилецких людей в целовальники сколько человек пригоже». Пошлины должны были поступать по той же схеме и в том же объеме, как они раньше поступали в Енисейский острог. Таможенный голова имел право обыскивать должностных лиц, выезжавших из Сибири, пользуясь при этом вооруженной поддержкой со стороны воеводы, который в свою очередь, должен был только принимать деньги, «не вступаясь» в автономную компетенцию главы таможенного управления. На оплаченные, «растоможенные», товары голова был обязан давать «проезжие грамоты».

Подводя итоги, следует отметить, что 1) приказчики острогов выполняли функции низовых звеньев таможенного управления; 2) достоверно установлено, что такими полномочиями, как минимум с 1671 г., обладал приказчик Селенгинского острога; 3) однако установить дату выдачи первого наказа приказчику Селенгинского острога пока не удалось; 4) установлено, что приказчик Селенгинского острога, возможно с 1667 и по 1681 г., подчинялся енисейскому таможенному голове; 5) в апреле 1681 г. он в таможенном отношении был переподчинен вновь назначенному таможенному голове в Иркутске.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Оглоблин Н.Н.* Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592–1768). М., 1895–1901. Ч. 1–4. Ч. 2: Документы таможенного управления. 162 с.
2. *Мерзон А.Ц.* Таможенные книги XVII в.: учеб. пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957. 69 с.
3. *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке М., 1967. 325 с.
4. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. 230 с.

5. *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990. 370 с.
6. *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII веке (По материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. 763 с.
7. *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 228 с.
8. *Тимошина Л.А.* Холмогорская таможенная книга 1658 года // Очерки феодальной России / отв. ред. С.Н. Кистерев. М., 2000. Вып. 4. С. 86–236.
9. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высш. шк., 1968. 352 с.
10. *Захаров В.Н.* Таможенное управление в России XVII в. // Государственные учреждения в России XVI–XVIII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 49–76.
11. История крестьянства Сибири: [кол. моногр.] / отв. ред. акад. А.П. Окладников. Новосибирск, 1982. Т. 1: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. 504 с.
12. Очерки истории СССР. М., 1955. Т. 6: Период феодализма, XVII в. 1032 с.
13. *Покшишевский В.В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1951. 208 с.
14. *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях и родословных / отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1993. 250 с.
15. *Кочеданов В.И.* Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 190 с.
16. *Шунков В.И.* Очерки истории земледелия в Сибири (XVII век). М., 1956. 432 с.
17. *Христосенко Г.А.* К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 153–175.
18. *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в.: Енисейский край. М.: Наука, 1964. 302 с.
19. *Курлаев Е.А., Манькова И.Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке. М.: Древлехранилище. 2005. 324 с.
20. *Александров В.А.* Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. // Русское государство в XVII в.: Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: сб. стат. М., 1961. С. 131–149.
21. *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII веке (земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда). Новосибирск, 1967. 297 с.
22. *Оглоблин Н.Н.* Красноярский бунт 1695–1698 гг. (к истории народных движений XVII века) // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1901. Часть XXXV (№ 5), отд. 2. С. 25–69.
23. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Новосибирск: Наука, 1990. 400 с.
24. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. 482 с.

REFERENCES

1. *Ogloblin N.N.* Review of columns and books of the Siberian order (1592–1768). Moscow, 1895–1901. Ch. 1–4; Ch. 2: Documents of Customs Administration, 162 p. (In Russ.)
2. *Merzon A.Cs.* Customs Books of the XVII century: a guide on sources of the USSR history. Moscow, 1957, 69 p. (In Russ.)
3. *Vilkov O.N.* Craft and trade in West Siberia in the XVII century Moscow, 1967, 325 p. (In Russ.)
4. *Demidova N.F.* Service bureaucracy in Russia of the XVII century and its role in absolutism formation. Moscow, 1987, 230 p. (In Russ.)
5. *Vilkov O.N.* Essays on social-economic development of Siberia in the late XVI – early XVIII centuries. Novosibirsk, 1990, 370 p. (In Russ.)
6. *Razdorsky A.I.* Trade in Kursk in the XVII century (according to the town customs and quitrent books). St. Petersburg, 2001, 763 p. (In Russ.)

7. *Shunkov V.I.* Essays on the history of Siberia colonization in the XVII – early XVIII centuries. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1946, 228 p. (In Russ.)
8. *Timoshina L.A.* Kholmogor customs book for 1658. *Ocherki feodalnoj Rossii* / otv. red. S.N. Kisterev. Vyp.4, Moscow, 2000, pp. 86–236. (In Russ.)
9. *Eroshkin, N.P.* History of public institutions in pre-revolutionary Russia. Moscow: Vyssh. shk., 1968, 352 p. (In Russ.)
10. *Zakharov V.N.* Customs Administration in Russia of the XVII century. *Gosudarstvennyye uchrezhdeniya v Rossii XVI–XVIII vv.* Moscow: Izd-vo MGU, 1991, pp. 49–76. (In Russ.)
11. History of Siberian peasantry / ed. A.P. Okladnikov. Novosibirsk, 1982. T. 1: Siberian peasantry at the age of the feudalism, 504 p. (In Russ.)
12. Essays on the USSR history. Vol. 6: Age of feudalism in the XVII century. Moscow, 1955. 1032 p. (In Russ.)
13. *Pokshishevsky V.V.* Settlement in Siberia (historical-geographical essays) Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe gos. izd-vo, 1951, 208 p. (In Russ.)
14. *Rezun D.Ya.* Pedigree of Siberian names: the history of Siberia in biographies and pedigrees / Ed. R.S. Vasil'evskii. Novosibirsk: Nauka, 1993, 250 p. (In Russ.)
15. *Kochedamov V.I.* The first Russian cities in Siberia. M.: Stroyizdat, 1978, 190 p. (In Russ.)
16. *Shunkov V.I.* Essays on agriculture history in Siberia (XVII century). Moscow, 1956, 432 p. (In Russ.)
17. *Khristosenko G.A.* To the history of settlement in Nerchinsky fort. *Istorija gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII – nachalo XX v.)*. Novosibirsk, 1977, pp. 153–175. (In Russ.)
18. *Aleksandrov V.A.* Russian population of Siberia in XVII – early XVIII centuries: Yenisey region. M.: Nauka, 1964, 302 p. (In Russ.)
19. *Kurlaev E.A., Man'kova I.L.* Ore deposits mining of the Urals and Siberia in the XVII century. M.: Drevlekhranilishche, 2005. 2005, 324 p. (In Russ.)
20. *Aleksandrov V.A.* Siberian merchants Ushakovs in the XVII century. *Russkoe gosudarstvo v XVII v.: novye javlenija v socialno-ekonomicheskoi, politicheskoi i kulturnoi zhizni: Sb. statej.* Moscow, 1961, pp. 131–149. (In Russ.)
21. *Kopylov A.N.* Russians at the Yenisey in the XVII century (agriculture, industry and trade ties of the Yenisei region). Novosibirsk, 1967, 297 p. (In Russ.)
22. *Ogloblin N.N.* Krasnoyarsk riot in 1695–1698. (To the history of civil commotion in the XVII century). *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija.* Ch. CCCXXXV (N 5), Otd. 2. St. Peterburg, 1901, pp. 25–69. (In Russ.)
23. *Aleksandrov V.A., Pokrovsky N.N.* Authorities and society. Novosibirsk: Nauka, 1990, 400 p. (In Russ.)
24. Documents collection on Buryatia history. XVII century. Ulan-Ude, 1960, iss. 1, 482 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 08.06.2015

DOI: 10.15372/HSS20150322

УДК 316.343.3:902(571)

А.С. ВДОВИН, Е.В. КОМЛЕВА

РОЛЬ КУПЦОВ В РАЗВИТИИ СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (XIX – НАЧАЛО XX в.)

Александр Сергеевич Вдовин,
канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой музееведения,
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
РФ, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89
e-mail: vdovin2002@bk.ru
Евгения Владиславовна Комлева, канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: feodal@history.nsc.ru

В статье анализируется вклад сибирского купечества в становление и развитие археологии на территории Сибири в XIX – начале XX в. Рассматривается участие купцов в формировании уникальных археологических коллекций, многие из которых впоследствии пополнили фонды не только региональных, но и крупнейших столичных музейных собраний России. Финансирование купцами музеев, различных научных сообществ, экспедиций, изданий научных трудов позволило во второй половине XIX в. вывести сибирскую археологию на качественно новый уровень. Особое внимание уделяется ярким личностям из среды сибирского купечества, проявившим себя на ниве археологических изысканий: Е.И. Малахову, М.Г. Шевелеву, И.П. Кузнецову-Красноярскому, а также выходцам из этого слоя общества, ставших профессиональными исследователями, – И.Т. Савенкову, И.А. Лопатину, Н.М. Ядринцеву.

Ключевые слова: сибирское купечество, археология, частные коллекции, благотворительность, краеведческие музеи, научные общества, археологические экспедиции.

A.S. VDOVIN, E.V. KOMLEVA

THE ROLE OF MERCHANTS IN THE DEVELOPMENT OF SIBERIAN ARCHAEOLOGY (XIX-Early XX Centuries)

Aleksandr S. Vdovin,
Candidate of Historical Sciences, docent,
Head of Museum Studies Department
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'ev,
89, Lebedevoi Str., Krasnoyarsk, 66049, Russia
e-mail: vdovin2002@bk.ru
Evgeniya V. Komleva,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of History SB RAS
8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: feodal@history.nsc.ru

The article analyzes the Siberian merchants' contribution into the establishment and development of archeology in Siberia; characterizes the state of archeological studies in the region during the given period. The presented data allow to confirm that the development of archeological research in the XIX – early XX centuries was mostly determined by the activities of individuals interested in the history of the region. Local studies were to some extent guided and coordinated by the activities of various scientific societies as well as by the regional museums established in the second half of the XIX century. However, the private initiative remained to be the most important factor in studying, popularization and preservation of the historical heritage of Siberia. The authors describe the merchants' participation in formation of the unique archeological collections, many of which later were included to the fonds of both local and the largest and most famous museums in Moscow and St Petersburg. It is concluded that merchants played an outstanding role in the development of Siberian archeology. Thanks to the efforts of broad educated entrepreneurs many unique artifacts found on the territory of Siberia were preserved for science and included in the local and metropolitan museum collections. In the second half of the XIX century the Siberian archeology advanced to a qualitatively new level owing to the merchants who provided funding for the expeditions; due to publication of books of well known scientists and to the activities of regional museums and scientific societies. Special attention is paid to such bright representatives of Siberian merchantry who became known in the field of archeological investigations as Efim I. Malakhov, Mikhail G. Shevelev, Innokentiy P. Kuznetzov-Krasnoyarskiy, as well as to the descendants from this social group, who became professional scientists – Ivan T. Savenkov, Innokentiy A. Lopatin, Nikolaj M. Yadrintzev.

Key words: Siberian merchantry, archaeology, private collections, charity, museums of local lore, scientific societies, archeological expeditions.

Сибирские купцы проявили себя не только в торгово-предпринимательской сфере – многие из них известны и тем, что внесли огромный вклад в развитие народного образования и культуры региона. Одно из важнейших направлений деятельности лучших представителей купечества на ниве просвещения было связано с изучением и популяризацией исторического наследия как славянского населения, так и аборигенных этносов Сибири. Имена таких купцов-собираателей сибирских древностей, как И.П. Кузнецов-Красноярский, С.И. Попов, Г.П. Сафьянов, М.К. Сидоров, А.И. Кытманов, М.Г. Шевелев, и многих других хорошо известны сегодня и историкам, и широкому кругу читателей, неравнодушных к прошлому региона. Жизнь каждого из этих выдающихся представителей сибирского купечества, настоящих патриотов своей малой родины, нашла отражение в публикациях последних лет, однако какой-либо обобщающей работы о научной и популяризаторской деятельности сибирских купцов в целом не существует. В данной статье представлен обзор археологических изысканий сибирских купцов в течение XIX – начале XX в., их вклад в организацию и проведение археологических экспедиций, сохранение и изучение обнаруженных артефактов.

Сибирь, особенно ее южные районы, изобилует многочисленными памятниками древности в виде курганов и каменных стел, которые издревле служили привычным дополнением пейзажа для местных жителей. В XIX в. произошел всплеск интереса к тем предметам, которые можно было об-

наружить при раскопках, однако зачастую это выливалось в варварское разграбление древних памятников и практически полное их уничтожение для науки. «Бугровщики» артелями и в одиночку вскрывали курганы, комиссионеры скупали древности, заграничные музеи щедро пополнялись сибирской стариной. Предприимчивые скупщики курганных находок наживали на этом бизнесе немалый капитал. Так, в Минусинском округе выделялся медник-литейщик И.П. Товостин, который с 1879 г. скупал древности у крестьян для перепродажи [1, с. 168].

Поначалу многие обнаруженные предметы оседали в частных коллекциях высокопоставленных чиновников, которые после службы в Сибири увозили с собой диковинные находки. Среди таких собирателей был, например, первый енисейский гражданский губернатор А.П. Степанов, который в 1820-х гг. «ездил в Минусинский край, разрывал там древние курганы», а при отъезде из Красноярска «сел в экипаж и уехал, нагромоздив сделанных им чуел птиц и зверей и разных древностей азиатской культуры, приобретенных им из раскопок курганов»¹. Со временем круг людей, увлеченных прошлым региона, расширялся, охватывая представителей самых разных слоев общества, особенно получивших хорошее образование. О росте интереса к науке, в том числе к археологии, свидетельствуют воспоминания уроженца Енисейской губер-

¹ Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). О.ф. 7886/231.

нии, впоследствии известного этнографа П.Е. Островских: «Всю свою гимназическую жизнь (1882–1890) я занимался в свободное время сбором археологических предметов на древних стоянках окрестностей Красноярска и в Минусинском округе, горных пород и окаменелостей»².

Расширение и изменение состава коллекционеров, появление среди них представителей купечества положительно сказалось на развитии археологии. Богатые купцы, многие из которых обучались в высших учебных заведениях, проявляли большой интерес к коллекционированию старинных предметов и не скупилась в средствах ради пополнения своих собраний. Некоторым из них удалось составить богатые археологические коллекции. Например, верхотурский купец 1-й гильдии С.И. Попов, отличавшийся необыкновенно широкими интересами, в 1830–1840-х гг. при одном из своих серебряно-свинцовых заводов устроил настоящий музей древностей и полезных ископаемых [2, с. 179]. Проживавший в якутском селе Мухтуя некий купец Рыбкин в 1840-х гг. наполнил свой дом «разного рода редкостями» [3, с. 180]. Частный археологический музей в 1860-х гг. создал тарский купец Е.И. Малахов [4, с. 12]. Крупную археологическую коллекцию (около 500–800 предметов по разным оценкам) удалось составить датчанину (по другим данным, англичанину) П.А. Бойлингу, который в 1850–1860-х гг. входил в купечество Томска, Енисейска и Ачинска [5, с. XIII–XVI]. Красноярский купец М.К. Сидоров в 1879 г. был награжден серебряной медалью за коллекцию древностей Минусинского края, представленную на Антропологической выставке в Москве [6, с. 151].

Со временем таких частных купеческих археологических коллекций становилось все больше, а многие из них в дальнейшем пополняли фонды сибирских краеведческих музеев, создавшихся при активном участии купечества. Среди примерно 100 жертвователей, передавших древности в крупнейший музей Сибири – Минусинский, можно увидеть фамилии золотопромышленников И.В. Вохмина, И.О. Губанова, А.С. Уганкова, Н.П. Пашенных, торговца Н.П. Юхневича, купцов Г.В. Юдина, П.П. Мыльников [7, с. 223–254]. В комплектовании фондов Минусинского музея также приняли участие купцы П.И. и И.П. Кузнецовы, И.Г. Гадалов, супруги Сафьяновы, братья Даниловы. Краеугольным камнем для формирования археологического собрания музея послужила коллекция медных, бронзовых и железных предметов, переданная музею П.И. Кузнецовым. Его же коллекция в 1877 г. положила начало археологическому собранию открывшегося в Иркутске музея ВСО ИРГО [8]. Этому музею помогал также иркутский купец А.П. Ивельский [9, с. 264]. Красноярскому краеведческому музею передали свои археологические коллекции В.А. Данилов, П.И. Гадалов³. Археологический музей при Томском университете поддерживали И.П. Кузнецов-Красноярский, М.К. Сидоров [10, с. 261], И.Г. Гадалов [5, с. XIII–XVI]). По просьбе енисейского купца А.И. Кытманова археологические предметы каменного века и другие редкости разыскивались и высылались в краеведческий музей Енисейска. Историческому музею в Москве передавали археологические находки М.К. Сидоров и И.П. Кузнецов.

² КККМ. О.ф. 7904/265-10. Л. 2, 3.

³ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 54. Д. 1045. Л. 34 об.–35.

Надо сказать, что организация музеев стала важной вехой в развитии сибирской археологии, поскольку тем самым создавались специальные условия для сохранения, дальнейшего накопления и изучения древних предметов на новом уровне. Появившаяся возможность работать с богатыми сибирскими коллекциями привлекала в музеи профессиональных исследователей – известных российских и зарубежных ученых, а подготавливавшиеся сотрудниками музеев публикации печатались в научных изданиях в России и за рубежом.

Развитию исторических и археологических исследований способствовала и деятельность различных всероссийских и региональных научных сообществ – таких, как Императорская археологическая комиссия, Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский отделы ИРГО, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Московское археологическое общество, Русское археологическое общество, Общество исследователей Западной Сибири, Томское церковное историко-археологическое общество, Петербургское общество изучения Сибири и улучшения ее быта. Не все из этих структур находили общественную поддержку и плодотворно работали – так, созданное в 1868 г. в Омске Общество исследователей Западной Сибири «по недостатку денежных средств» не пошло дальше учредительного собрания [11, с. 382]. Однако многие другие общественные инициативы получали развитие и вносили большой вклад в развитие науки и просвещения в Сибири и в целом России. Купцы нередко покровительствовали научным и общественным структурам, выделяли средства на проведение исследований, публикацию изданий, организацию различных мероприятий. Наиболее активные представители купечества, интерес которых сосредоточивался не только в коммерческой сфере, становились членами и корреспондентами учреждавшихся обществ.

Помогая музеям и научным обществам, поддерживая учебные учреждения и отдельных ученых, купцы вносили большой вклад и в развитие сибирской археологии. Особенно отличились красноярские купцы Кузнецовы: помимо упомянутых выше пожертвований членов этого многочисленного семейства в пользу музеев следует сказать и о финансировании ими научных изданий. Л.П. Кузнецов завещал Томскому университету средства на премию за лучшие публикации по истории, антропологии и социологии Сибири. Он же издал три тома «Сибирской библиографии» В.И. Межова, в которую вошли сведения и по археологии. На средства И.П. Кузнецова в 1886 г. в Томске была опубликована книга Д.А. Клеменца «Древности Минусинского музея», благодаря которой музей «стал известен даже за границей». По этому поводу основатель Минусинского музея Н.М. Мартыанов писал председателю Московского археологического общества княгине П.С. Уваровой: «Д.А. Клеменц не сделался бы автором сочинения по археологии, обратившего на себя внимание Вашего Сиятельства, мало того, вовсе бы не начинал бы заниматься археологией, если бы Ин. П. Кузнецов не предоставил музею средства на разработку и издание наших металлических древностей. Но такие «случаи» бывают не всякий день (увы, даже не каждый год)»⁴. Д.А. Клеменцу помогал и другой красноярский

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 558. Л. 662 об.

купец – М.К. Сидоров, в 1886 – 1890-х гг. спонсировавший обследование ученым юга Енисейской губернии и составление описания находившихся там археологических памятников. Сотрудник Минусинского музея К.Н. Горощенко в 1904 г. получил премию за ряд работ по антропологии, среди которых была книга «Курганные черепа Минусинского края», учрежденную Академией наук на средства известного иркутского купца А.М. Сибирякова [12, с. 82–83, 92].

Встречались среди купцов и выходцев из сибирского купечества и те, кто сам хотел попробовать свои силы на научном поприще. Тарский купец 2-й гильдии Ефим Иванович Малахов в 1860-х гг. увлекся археологией под влиянием общения с таким незаурядным человеком, как Евгений Петрович Михаэлис. Сосланный сначала в Петрозаводск за участие в студенческих волнениях, а затем переведенный в Тару Михаэлис «представлял из себя весьма крупную личность», «большой и пылкий ум», проявивший себя в области энтомологии, геологии, палеонтологии, археологии. В 1883 г. он возглавил археологический отдел Семипалатинского областного музея [13]. Неудивительно, что встреча с этим человеком произвела большое впечатление на Е.И. Малахова, который решил всерьез заняться археологическими исследованиями: он сам занялся раскопками⁵, составил археологическую карту и список исторических памятников Тарского округа. Обнаруженные при раскопках и добытые у крестьян в окрестностях Тары и Семипалатинска находки позволили Е.И. Малахову создать частный археологический музей, а в 1867 г. за представленную на Всероссийской этнографической выставке коллекцию древностей он был удостоен золотой медали [14].

Изучением археологических памятников Дальнего Востока занимался известный верхнеудинский купец Михаил Григорьевич Шевелев – человек с разносторонними интересами, по праву пользовавшийся большим авторитетом не только русских, но и иностранцев; к его советам прибегали «купцы, дипломаты и ученые» [15, с. 413].

Большую известность среди археологов-любителей приобрел также Иннокентий Петрович Кузнецов-Красноярский, унаследовавший интерес к старине от отца и уже в 16 лет собравший свою первую археологическую коллекцию. В зрелом возрасте он самостоятельно проводил археологические раскопки на хорошем по тем временам научном уровне, копировал наскальные рисунки, собирал исторические документы на территории Енисейской губернии, составлял отчеты о проделанной работе, писал статьи и книги [16; 17; 18; 19; 20; 21]. Не стесненный в средствах, И.П. Кузнецов много путешествовал по Европе, Скандинавии, Северной Америке, везде собирал коллекции интересных предметов, некоторые из них по сей день хранятся в Музее археологии и этнографии ТГУ («индейская» и «скандинавская» коллекции). И хотя как исследователь-археолог И.П. Кузнецов нередко подвергался критике за поверхностность наблюдений [22, с. 291], археология оставалась главным увлечением всей его жизни. Он даже хотел провести в одном из городов Сибири археологический съезд, но это предложение осталось нереализованным.

⁵ Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 455. Оп. 1. Д. 3. Л. 34–37 об.

Искренняя заинтересованность И.П. Кузнецова в сохранении исторического наследия Сибири видна в строках его письма в Императорскую археологическую комиссию от 22 марта 1890 г., которой он предлагал свое содействие в отправке найденных в Минусинском округе «рунических камней и каменных баб» в Петербург или Москву и выражал обеспокоенность, что, если этого не сделать, то «часть этих памятников будет вывезена из Сибири [иностранцами], или будет помещена в малодоступном провинциальном Минусинском музее, или, наконец, будет уничтожена самими инородцами, центральные же русские хранилища древностей лишены будут этих любопытных остатков старины...»⁶.

Американский путешественник и публицист Дж. Кеннан, посетивший Красноярск в 1880-х гг., оставил словесный портрет И.П. Кузнецова: «Мы вовсе не ожидали встретить у него в доме такую роскошь и такой приятный домашний круг, какие встретили на самом деле. [...] Не успели мы оправиться от удивления при виде всей этой неожиданной роскоши, культуры и утонченности, как в гостиную вошел стройный, темноволосый, бледный молодой человек, очень изящно одетый, и на хорошем английском языке отрекомендовался нам Иннокентием Кузнецовым [...] Иннокентий Кузнецов и его сестры бегло говорили по-английски, они путешествовали по Америке, побывали в Нью-Йорке, в Филадельфии, Сарасоте, Чикаго, г. Солёное Озеро и в Сан-Франциско. Иннокентий Кузнецов знал Соединенные Штаты, пожалуй, лучше моего...» [23, с. 176–177].

Говоря о развитии сибирской археологии, нельзя не остановиться на деятельности трех выдающихся исследователей Сибири – Ивана Тимофеевича Савенкова, Иннокентия Александровича Лопатина и Николая Михайловича Ядринцева. Все трое происходили из семей предпринимателей: отец Савенкова держал питейные заведения, записывался в гильдии разных городов, в том числе Канска и Иркутска; отец Лопатина сочетал службу губернским секретарем с золотодобычей, а в 1860-х гг. объявлял купеческий капитал по 2-й гильдии Красноярска; Ядринцев родился в семье омского купца. Однако молодые люди, получив высшее образование в Петербурге, в своем увлечении наукой пошли дальше И.П. Кузнецова-Красноярского и других купеческих сыновей, решив не на любительском уровне, а профессионально заниматься исследовательской деятельностью. И И.Т. Савенков, и И.А. Лопатин, и Н.М. Ядринцев оставили след в разных научных областях, включая археологию. И.Т. Савенков открыл под Красноярском палеолитическую стоянку Афонтова гора, собрал богатую археологическую коллекцию [5, с. XIII–XVI]. В течение многих лет пополнял свое собрание древностей И.А. Лопатин, который в середине 1880-х гг. «по своей долголетней практике в погоне за древностями» был признан «первым авторитетом» [24, с. 58]. Н.М. Ядринцев изучал рунические надписи под Минусинском и в Монголии [25].

Таким образом, сибирские купцы и выходцы из сибирского купечества, отличавшиеся разносторонним кру-

⁶ Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН (РА ИИМК). Ф. 1-1890. Д. 57. Л. 1.

гозором, проявляли бескорыстный интерес к изучению прошлого Сибири и внесли значительный вклад в развитие археологии на территории региона: составляли представительные археологические коллекции, участвовали в формировании фондов сибирских и столичных музеев, финансировали организацию научных экспедиций и издание работ известных ученых, наконец, сами участвовали в проведении археологических раскопок, публиковали отчеты о проделанной работе. Во многом именно благодаря усилиям таких неординарных личностей, как купцы И.П. Кузнецов-Красноярский, М.Г. Шевелев, Е.И. Малахов, а также выходцы из купеческой среды И.Т. Савенков, И.А. Лопатин, Н.М. Ядринцев, сибирскую археологию во второй половине XIX в. удалось вывести на качественно новый уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьминых С.В., Вдовин А.С. К истории археологической коллекции И.П. Товостина // Енисейская провинция. Красноярск, 2007. Вып. 3. С. 88–91.
2. Поповы / Н.М. Дмитриенко, Т.С. Мамсик, Г.А. Ноздрин, Д.Я. Резун // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 179–180.
3. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. 240 с.
4. Жук А.В. Очерк истории археологического изучения территории Омской области в ее нынешних границах до начала 1960-х годов // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут, 2005. С. 5–14.
5. Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ // Зап. РАО. 1887. Т. III.
6. Жилинский А.А. Россия на Севере (к описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск, 1918. 155 с.
7. Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 г.). Казань, 1902. 260 с.
8. Сысоева Л.А. Во славу любезного Отечества. Семья Кузнецовых в истории Красноярска и России. Красноярск, 2010. 119 с.
9. Гаврилова Н.И. Ивельские // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 264–265.
10. Ноздрин Г.А. Сидоров Михаил Константинович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 261–262.
11. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. 461 с.
12. Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей (вторая половина XIX – начало XX в.). Красноярск, 1995. 157 с.
13. Герасимов Б. Памяти Евгения Петровича Михаэлиса // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. Семипалатинск, 1914. Вып. VIII. С. 1–5.
14. Жиров А.А. Малахов Ефим Иванович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 12.
15. Мамсик Т.С., Резун Д.Я. Шевелевы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 412–413.
16. Кузнецов-Красноярский И.П. Археологические заметки // Сибирский архив (Минусинск). 1915. № 6–9.
17. Кузнецов-Красноярский И.П. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889. 36 с.
18. Кузнецов-Красноярский И.П. Заметки о древних обитателях южной части Енисейской губернии. Томск, 1902. 37 с.
19. Кузнецов-Красноярский И.П. Минусинские древности. Медно-бронзовый и переходный периоды. Томск, 1908. Вып. 1. 29 с.
20. Кузнецов-Красноярский И.П. О некоторых находках древностей железного периода на юге Енисейской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1908. Т. 24, вып. 1.
21. Кузнецов-Красноярский И.П. Отчет о раскопках, проведенных в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 г. Томск, 1907. 9 с.
22. Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). Красноярск, 1973. 399 с.
23. Кеннан Дж. Сибирь. СПб., 1906. Т. I–II. 410 с.
24. Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск, 1886. 185 с.
25. Шиловский М.В. «Печальник Сибири» // Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: биографические очерки. Новосибирск, 2007. С. 337–362.

REFERENCES

1. Kuz'minykh S.V., Vdovin A.S. To the history of I. Tovostin's archaeological collection. *Yeniseyskaya provinciya*. Krasnoyarsk, 2007, issue 3, pp. 88–91. (In Russ.)
2. Dmitrienko N.M., Mamsik T.S., Nozdrin G.A., Rezun D.Ya. The Popovs. *Encyclopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommercii Sibiri*. Novosibirsk, 2013, vol. 2, pp. 179–180. (In Russ.)
3. Formozov A.A. Pages of the history of Russian archeology. Moscow, 1986. (In Russ.)
4. Zhuk A.V. Essay of the history of archeological study of the territory of Omsk region in its modern borders till the early 1960 s. *Istochniki po arkheologii Zapadnoy Sibiri*. Surgut, 2005, pp. 5–14. (In Russ.)
5. Yadrincev N.M. Report on the trip to Eastern Siberia in 1886 for viewing local museums and archaeological work. *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obschestva*. 1887, vol. III. (In Russ.)
6. Zhilinskiy A.A. Russia in the North (to the description of M. Sidorov's life and activity). Arkhangelsk, 1918. (In Russ.)
7. Kon F.Ya. Historical report on Minusinsk local museum for 25 years (1877–1902). Kазань, 1902. (In Russ.)
8. Sysoeva L.A. To the glory of beloved Fatherland. The Kuznetsovs in the history of Krasnoyarsk and Russia. Krasnoyarsk, 2010. (In Russ.)
9. Gavrilova N.I. The Ivel'skiys. *Encyclopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommercii Sibiri*. Novosibirsk, 2012, vol. 1, pp. 264–265. (In Russ.)
10. Nozdrin G.A. Sidorov Mikhail Konstantinovich. *Encyclopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommercii Sibiri*. Novosibirsk, 2013, vol. 2, pp. 261–262. (In Russ.)
11. Shcheglov I.V. Chronological list of the most important data from the history of Siberia: 1032–1882. Surgut, 1993. (In Russ.)
12. Meshalkin P.N. Philanthropy and charity of Siberian merchants-entrepreneurs (the second part of the 19th – the early 20th century). Krasnoyarsk, 1995. (In Russ.)
13. Gerasimov B. To the memory of Evgeniy P. Mikhaelish. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela IRGO*. Semipalatinsk, 1914, issue. VIII, pp. 1–5. (In Russ.)
14. Zhiron A.A. Malakhov Efim Ivanovich. *Encyclopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommercii Sibiri*. Novosibirsk, 2013, vol. 2, p. 12. (In Russ.)
15. Mamsik T.S., Rezun D.Ya. Shevelevy. *Encyclopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommercii Sibiri*. Novosibirsk, 2013, vol. 2, pp. 412–413. (In Russ.)
16. Kuznetsov-Krasnoyarskiy I.P. Archaeological notes. *Sibirskiy arkhiv*. Minusinsk, 1915, no 6, 7, 8, 9. (In Russ.)
17. Kuznetsov-Krasnoyarskiy I.P. Ancient graves of Minusinsk okrug. Tomsk, 1889. (In Russ.)
18. Kuznetsov-Krasnoyarskiy I.P. Notes on the ancient inhabitants of the Southern part of the Yenisey province. Tomsk, 1902. (In Russ.)
19. Kuznetsov-Krasnoyarskiy I.P. Minusinsk antiquities. Copper-bronze and Transition periods. Tomsk, 1908, issue 1, 29 p. (In Russ.)
20. Kuznetsov-Krasnoyarskiy I.P. About some findings of iron age antiquities in the south of Yenisey province. *Izvestiya Obschestva*

archaeologii, istorii i etnographii pri Kazanskom universitete. Kazan', 1908, vol. 24, issue 1. (In Russ.)

21. *Kuznetsov-Krasnoyarskiy I.P.* Report on the excavations conducted in Minusinsk uyezd of the Yenisey province in 1884. Tomsk, 1907. (In Russ.)

22. *Sheynfel'd M.B.* Historiography of Siberia (late 19th – early 20th century). Krasnoyarsk, 1973. (In Russ.)

23. *Kennan G.* Siberia! Sankt-Petersburg, 1906. (In Russ.)

24. *Klementz D.A.* Antiquities of Minusinsk museum. Tomsk, 1886. (In Russ.)

25. *Shilovskiy M.V.* «Sympathizer of Siberia». *Shilovskiy M.V. Sud'by, svyazannye s Sibiryu: biographicheskiye ocherki.* Novosibirsk, 2007, pp. 337–362. (In Russ.)

Статья принята редакцией 16.06.2015

Традиционная культура белорусов во времени и пространстве / А.В. Титовец, Е.Ф. Фурсова, Т.К. Тяпкина [и др.]; под науч. ред. А.В. Титовца. – Минск: Беларуская навука, 2013. – 579 с.

Вышеназванная коллективная монография подготовлена коллективом белорусских и российских этнографов. Ее авторы на протяжении многих лет являются участниками совместных исследовательских проектов, которые посвящены изучению традиционной культуры белорусских крестьян, проживающих на территории Сибири. Издание этой книги стало заметным событием в области изучения этнографии восточных славян. Впервые подробно рассмотрены вопросы, связанные с ролью белорусов на самых ранних этапах освоения Сибири, выявлены ценностные ориентации и ментальность белорусских переселенцев, охарактеризованы их семейные и календарные обряды и обычаи, прослежены особенности трансформации традиционной материальной культуры в Беларуси и Сибири в XIX – начале XXI в.

В первом тематическом разделе «Белорусы-переселенцы в Сибири: исторические сведения XVII – начала XX века» представлены исследования белорусских и российских этнографов. На основе многочисленных статистических материалов и этнографических источников В.С. Титовым рассмотрены некоторые аспекты историографии и этнической идентификации польской и белорусской диаспор на территории Сибири. Скрупулезный анализ отечественных публикаций и научных работ представителей белорусской диаспоры, а также исследований по истории миграции в Сибирь польских ученых, стремление автора постичь разные, «а иногда диаметрально противоположные выводы и трактовки одинаковых проблемных вопросов» (с. 23–24), связанных с обоснованием идентификации поляков и белорусов, позволили ему не согласиться с рядом суждений польских исследователей и сделать выводы, которые, по мнению В.С. Титова, нуждаются в дальнейшем выяснении и научном обосновании исторических источников.

Подготовленный А.А. Люцидарской параграф «Белорусы в Сибири XVII века» посвящен роли выходцев с территории Белоруссии в формировании полиэтничного населения на ранних этапах освоения Сибири. Опираясь на архивные материалы, она делает попытку выделить белорусов из общей массы населения Сибири, отмечая, что «источники XVII столетия крайне скупо предоставляют такую возможность, но и в этих редких случаях в пору неустоявшихся государственных границ и перманентных военных

конфликтов выделить этнических белорусов весьма проблематично» (с. 32). Интересуясь документами, связанными с биографиями лиц, переселившихся в Сибирь, автор соглашается с мнением белорусского историка В.Л. Носевича о том, что «новоявленных сибиряков нельзя однозначно причислить ни к полякам, ни к литовцам, ни к украинцам», однако подавляющее большинство «осевших в Сибири» литвинов «вполне можно считать людьми, вышедшими с белорусских территорий» (с. 39).

В отдельном параграфе рассматриваемого раздела дана характеристика одной из первых групп белорусских крестьян, массово переселившихся в Сибирь во второй половине XIX в. в результате аграрной реформы П.Д. Киселева, – так называемых «панцирных бояр». Российский исследователь Р.Ю. Федоров, используя материалы собственных экспедиционных исследований, а также опираясь на анализ исторических документов, выделяет три принципа расселения белорусских крестьян-переселенцев на территории Сибири во второй половине XIX – начале XX в. (с. 43).

Особый интерес представляет второй раздел монографии «Беларусь и Сибирь: сохранение и эволюция традиционной духовной культуры в XIX – начале XXI века», где представлены уникальные полевые материалы, характеризующие традиции календарной и семейной обрядности белорусских переселенцев. Изучая свадебную обрядность белорусов Сибири, белорусский исследователь Т.К. Тяпкина прослеживает конкретные изменения, а именно: объединение отдельных обрядовых этапов предсвадебного периода в один, сокращение временных рамок проведения свадьбы, выпадение определенных структурных элементов из общей канвы свадебной обрядности и т.п. (с. 68).

Российским исследователем Е.Ф. Фурсовой, анализирующей семейные и календарные обряды белорусских переселенцев в Сибири, особое внимание уделено родильно-крестильным обычаям, их месту в понимании общей структуры семейной обрядности белорусских переселенцев, семантике связанных с ней ритуалов, а также их устойчивости среди белорусов-переселенцев, компактно проживавших на территории Сибири. Интерес вызывают устойчивые традиции исполнения семейных крестильных песен, адресованных женщине-роженице и отцу новорожденного, обряд поиска и разбивания горшка с кашей.

Что касается свадебных обрядов сибирских белорусов, то Е.Ф. Фурсова, опираясь на полевые записи 1980–1990-х гг. и используя метод перекрестного интервью, сравнила свадебную традицию белорусов-переселенцев в разные

хронологические периоды, показала степень сохранности и особенности трансформаций свадебной обрядности, а также регионально-локальные особенности свадебных обычаев. При этом ею отмечено, что некоторые атрибуты белорусской свадьбы (каравай, посад) в Сибири не сохранились (с. 92–93).

А.В. Титовец в параграфе «Фольклорная-этнографическая традиция и ее трансформация в пространстве и времени», используя материалы по календарной обрядности, записанные в экспедициях на территории Крупского района Минской области, рассматривает местную специфику обрядовых традиций, особенности их бытования и трансформацию, приводит интересные сведения о рождественской обрядности (с. 129).

Отдельный параграф второго раздела, написанный Е.В. Фурсовой, посвящен характеристике календарных обычаев белорусских переселенцев Сибири. Она убедительно доказывает, что «воздействие православной церкви на обрядность не было чисто внешним, мировоззренческие установки отражали сложный сплав дохристианских и христианских элементов (стремление придать традиционным обычаям христианский смысл, народное толкование библейских сюжетов и пр.)» (с. 167). В связи с этим, по ее мнению, чрезвычайно актуальным является изучение земледельческого календаря белорусских переселенцев Сибири. Читателям будет интересно познакомиться с традицией колядования сибирских белорусов, обычаем «славить Христа», праздником женщин-рожениц под названием «Бабины», новогодним обрядом, связанным с разбрасыванием зерен «посевальщиками» (мальчиками и мужчинами), гаданиями (с. 169).

В третьем разделе «Трансформации традиционной материальной культуры народов Беларуси и Сибири в XIX – начале XXI века» освещаются проблемы культурной идентификации жилых и хозяйственных построек, традиций питания белорусов, особенности их мужского костюма у высшего сословия. Привлеченные В.Н. Белявиной источники позволили ей выявить и реконструировать определенные комплексы одежды (с. 344). С.А. Милюченковым разработана концепция культурной идентификации жилых и хозяйственных построек, позволившая ему проследить связь аре-

алов распространения и диалектных определений различных элементов народной архитектуры. Этнические особенности традиции питания белорусов рассмотрены Т.А. Новогродским. Показано, что социальные функции трапезы белорусов заключаются в переводе половозрастной и социальной структуры общности на язык застольного этикета, укреплении солидарности коллектива, приобщении детей к этическим и сакральным нормам.

Завершается раздел параграфом, в котором российским исследователем Р.Ю. Федоровым рассмотрены механизмы идентичности и трансформации традиционной культуры белорусских переселенцев в Западной Сибири. Отмечая факт близости белорусов по этнокультурной типологии к русскому населению, автор подчеркивает недостаточный уровень сформированности национального самосознания у переселенцев (с. 368).

В заключительном, четвертом, разделе «Межкультурное взаимодействие на материнском и трансграничном пространствах» объединены материалы, посвященные исследованиям, с одной стороны, традиций народной культуры русских, проживающих на территории Беларуси, а с другой – традиционной культуры белорусских переселенцев Сибири; кроме того, рассматриваются проблемы межкультурного взаимодействия восточнославянских народов на территории Западной Сибири. Г.И. Касперович в параграфе «Традиции народной культуры русских Беларуси: контексты этнокультурного взаимодействия», опираясь на результаты этносоциальных исследований, анализирует характер и степень «развития островных русских говоров Беларуси» (с. 383), а также привлекает статистические данные, характеризующие отношение русского населения Беларуси к изучению белорусского языка.

Настоящее издание является образцом аналитического системного исследования традиционной культуры белорусов-переселенцев Сибири, ценным источником для изучения их фольклорно-этнографического наследия.

Д-р филол. наук, проф. В.С. Новак
Гомельский государственный университет
им. Франсиска Скорины, Беларусь

Ф.И. Соймонов: Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея / сост. Н.В. Горбушина, А.Е. Чекунова. – М.: Государственный исторический музей, 2014. 536 с.: ил.

Несколько его географических и картографических работ были опубликованы еще в XVIII в., в «Морском сборнике» за 1888 г. напечатан отрывок «Из записок Ф.И. Соймонова», жизнь, деятельность и творческое наследие наиболее подробно освещены в двух книгах и ряде статей Л.А. Гольден-

Федор Иванович Соймонов – знаменитый русский географ, картограф, государственный деятель, в истории Сибири известен главным образом как губернатор. Не-

берга¹, в 2012 г. вышла в свет «История Петра Великого»². Но такая полная научная публикация сочинений предпринята впервые. В том включены мемуары, написанные Ф.И. Соймоновым на основе дневников, которые он вел в течение многих лет и оформил в виде нескольких разделов с особыми авторскими заголовками; отрывок из исторического сочинения «Сокращенное описание о приращениях Всерос-

¹ Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соймонов (1692–1780). М., 1966; Гольденберг Л.А. Каторжанин – сибирский губернатор. Жизнь и труды Ф.И. Соймонова. Магадан, 1979.

² Соймонов Ф.И. История Петра Великого / ред. П.А. Кротов, подг. текстов к публ. Г.В. Губенковой и М.М. Дадыкиной. СПб., 2012.

сийской империи...», при создании которого использованы личные впечатления; и «журнал» секретной Нерчинской экспедиции. Издание упомянутых источников осуществлено на высоком археографическом и эдиционном уровне, помимо текстов источников в него включены обстоятельные и серьезные вводные статьи, подготовленные кандидатом исторических наук, доцентом Историко-архивного института РГГУ А.Е. Чекуновой, комментарии и именной указатель.

При подготовке подлинно научного издания, как правило, встает вопрос о принципах публикации. Источниковеды и археографы уже не раз поднимали проблему необходимости модернизации, усовершенствования и адаптации к возможностям компьютерного набора «Правил издания исторических документов», утвержденных в последний раз в 1990 г.³ К сожалению, в последнее время они все чаще игнорируются, а принципы публикации не объясняются. В данном издании четко сформулированы избранные правила передачи текста, причем некоторые позиции можно рекомендовать и другим: «... слитно написанный текст передается... с разделением на слова, предложения и абзацы в соответствии с законченными в смысловом отношении отрезками. Строчные и прописные буквы употребляются с учетом современных правил орфографии, а выносные буквы вводятся в строку и не выделяются. Текст передается буквами современного алфавита, но с заменой вышедших из употребления букв..., знаки препинания расставляются по современным правилам пунктуации». Вероятно, более трудным, но абсолютно правомерным было решение сохранять «вариативность написания» одних и тех же слов, что «отражает специфику определенного этапа в эволюции русской орфографии». Сохранены также «все особенности лексики». Такой подход позволяет не только сохранить колорит эпохи, но и избежать осовременивания и языка, и образа мыслей, и даже психологии человека XVIII в. Менее убедительным – во всяком случае, нуждающимся в дополнительном обосновании, кажется отказ составителей от традиционного расположения археографической легенды в начале комментария и включение ее в предисловия, предваряющие публикацию каждого отдельного сочинения. Приведенные составителями копии нескольких листов рукописей дают наглядное представление о реальной сложности транскрипции трудночитаемого почерка, а тонкие наблюдения за графикой почерка позволили им уточнить время написания ряда текстов.

Богатство и разнообразие опубликованных материалов еще ждет осмысления специалистами в разных областях картографии, истории управления, истории флота, историографии. Для нас наибольший интерес имеют сюжеты, связанные с сибирскими делами Соймонова. В Сибири он пробыл довольно долго: несколько месяцев в ссылке в Охотске в 1841 г., около трех лет начальником Нерчинской экспедиции (1753–1757 гг.) и около шести – сибирским губернатором (1757–1763). Кроме того, сибирскими делами он занимался и после отъезда из Сибири, будучи сенатором.

Прежде всего, это сибирская часть мемуаров – «О обстоятельствах в бытность мою в Тоболску», охватывающая период с 1753 по 1763 г. Сочинение разбито на отдельные тематические повествования с особыми авторскими подза-

головками. А.Е. Чекунова – и в этом она, очевидно, права, – объясняет это тем, что Соймонов сгруппировал их по принципу рассматривавшихся им дел и выделил «те, которые ему удалось выполнить в “пользу казенного интереса”, а значит, по его мнению, они были достойны того, чтобы донести информацию о них до потомков» (с.32). Это предположение можно подкрепить еще тем, что деятели администрации часто рассматривали работу над воспоминаниями в качестве продолжения своей служебной деятельности, споря с оппонентами, опровергая обвинения и доказывая правоту принятых некогда решений. А для Соймонова, как со всей очевидностью следует и из публикуемых его сочинений, главной задачей и смыслом деятельности была борьба с лихоимством и злоупотреблениями. Еще и поэтому ход рассмотрения каждого дела описан им особо. При этом мемуары изобилуют деталями и конкретными примерами.

Невозможно переоценить значение опубликованных источников для истории управления Сибири. Лаконично – буквально в нескольких строках – описана красочная история о том, как выплаты в пользу наследников обобранных казаков «недоданного жалованья» из имущества плутовавших чиновников, на деле производились случайным «старухам», которых объявляли родственницами умерших. Однако уплачивали «им самую малую часть, а прочее у себя удерживали» (с. 196). О «непорядках» в сибирском управлении известно и из других источников, в том числе о таком типичном, как волокита и излишнее «бумагописание». Но вот замечательная деталь, показывающая возможные масштабы бедствия: дел лишь по одному вопросу, не рассматривавшихся в течение семи лет, оказалось «столь много, что никакой береговой мерин свезти не может; и все... воеводскими и управительскими пустыми и неосновательными мнениями наполнены» (с. 193). Жесткость принимаемых Ф.И. Соймоновым решений показана на примере кузнецкого дворянина Мельникова, который у ямщиков «излишних лошадей брал и настоящих денег не доплатил. За то посажен был в самую большую цепь, почему больше суток не вытерпя, вместо 40 алтын заплатил емщикам 40 рублей» (с. 192–193). Этот сюжет конкретизирует злоупотребления служилых при пользовании ямскими лошадьми и дополняет историю сибирских ямов. Искренне болея за «казенный интерес», Соймонов настойчиво добивался возвращения крестьян на казенную десятинную пашню. В мемуарах высказана досада на противоположное решение Сената, которое Соймонов должен был объявить к исполнению. Но еще больше губернатор был огорчен другим решением – распространением на Сибирь общего правила о замене натуральных повинностей денежной рентой. Горячо и убежденно продолжал он обосновывать свою позицию: «Сибирская губерния от прочих российских хлебопашеских мест весьма отделена и потому в случае неурожая и з денгами купить хлеба будет негде» (с.205). Еще одна проблема, явно вызывавшая его личный, а не только служебный интерес, – это вопрос о выплатах за доставку провианта на укрепленные линии и о вымогательстве чиновниками положенных сумм (с. 201). Моряк Соймонов прекрасно понимал значение этого вопроса для обеспечения безопасности границ России в Южной Сибири. Огромна его роль в составлении программы исследований и организации экспедиций.

³ См. блок статей, посвященных этому вопросу: Отечественные архивы. 2015. № 1.

Публикация позволяет уточнить важные обстоятельства, связанные с занятием Соймонова в бытность его в Сибири и внешнеполитическими делами, помимо известной истории с неудачной попыткой организовать плавание по Амуру. Мемуары «О обстоятельствах в бытность мою в Тобольску» начинаются с того, что в день прибытия его в Тобольск умирает от оспы «зенгорской владелица Амурзана», которого требовали выдать китайские власти. Понимая «важность того дела», Соймонов приказывает поместить тело в погреб, затем по указанию Сената ведет дипломатическую игру и в конце концов отправляет останки в Кяхту, так как китайцы «великие о выдаче его требовали чинили» (с. 187). В мемуарах «О обстоятельствах по прибытии моем в Москву» Соймонов продолжает тему и проявляет свойственный ему гуманизм. Он пишет, что джунгары, убегая в Россию от геноцида, устроенного китайцами, приходили в Сибирь по большей части бедные. Соймонов получил указ Сената, «чтоб таковых высылать в Москву в Сенатскую кантору, а по прибытии роздавать желающему дворянству с платежом за них издержанных ими кормовых и прогонных денег, тако ж, на кого что издержано на одежду. И как они то узнали, что их будут оддовать в услугу, были в великой печали и со слезами просили, чтоб их не посылали в Москву, однако мне того сделать было невозможно. И так отправлял их в Москву с их великими слезами и с моим сожалением» (с. 272). Узнав о том, как их распределяли в Москве, Соймонов доложил императрице о вопиющем произволе в отношении их со стороны Сената: «Дворяне разбирали их таким непорядком: некоторые брали семьями, а иные – один взял мать, а другой – жену, третьей – сына, четвертой – дочь и прочее». Оставшихся определили в острог к преступникам, где половина их умерла с голоду и холоду. «По прибытии моем в Москву я о том сведал и не мог от ревности и жалости удержатся, донес обо всем обстоятельно ея и [императорскому] величеству» (с. 273).

Впервые опубликована замечательная вставная новелла – памфлет «Переписка о сибирском изобилии». Помимо яркой публицистической формы повествования о злоупотреблениях сибирских чиновников, обращает на себя внимание и конкретная цифра – «от доброхотства сибирских жителей безо всякой обиды столко в год получить можете, сколко в России дворянин с 500 душ» (с. 238). Замечательна по смыслу и форме и в то же время весьма важна для изучения управления данная Соймоновым классификация «доносителей», сопровождаемая многими конкретными примерами (с. 210–227). Интерес для истории Тобольска и его купечества представляет повествование об очистке гостиного двора (с. 208).

Соймонов, как отмечает А.Е. Чекунова, «считал годы на посту губернатора самыми удачными в своей служебной биографии», неслучайно «сибирская часть его мемуаров... – наиболее подробная и цельная» (с. 17). Но сибирские сюжеты не ограничиваются очерком о пребывании его в должности губернатора. Чрезвычайно интересен рассказ о действиях комиссии по известному делу о злоупотреблениях судей Сибирского приказа, иркутского вице-губернатора Жолобова и бригадира Сухарева, в частности, о роли в расследовании П.П. Шафирова, о совместных противозаконных действиях Жолобова и донесшего на него Литвинцева, их ссоре и взаимных обвинениях (с. 104–109).

«Журнал» Нерчинской экспедиции (А.Е. Чекунова установила, что его авторами были М.Ф. и Ф.И. Соймоновы) содержит точное описание маршрута, планы действий на случай согласия или несогласия китайских властей на плавание по Амуру, описание подготовки экспедиции и т.д. Все эти сведения существенно дополняют информацию из ранее введенных в научный оборот делопроизводственных документов. Очень важно упоминание о том, «что в древние времена при начатии Нерчинска, а потом и при осаде Албазина делано было железо в ручные горны при Теленбинском остроге» (с. 452), и о поиске более близко расположенного месторождения железных руд, когда «и ручные печки зделаны, и железо производить определено. Но по случаю недостатку руд по зделанию до 90 пудов и отменено» (с. 452). Эти замечания свидетельствуют о глубоком знании ситуации с производством и поиском железных руд в Забайкалье и участии в этом процессе самого Соймонова-старшего. Требуется уточнения примечание 6 к «Журналу секретной Нерчинской экспедиции» (с. 519), в котором говорится о первой осаде Албазина в 1685 г. маньчжурами и вынужденном вести с ними переговоры воеводе А.Л. Толбузине. Известно, что Толбузин погиб в 1686 г. во время второй осады Албазина, и переговоры в 1686–1689 гг. вели принявший командование острогом казачий голова А. Бейтон и глава русского посольства Ф.А. Головин. По журналу невозможно уточнить, о какой по счету осаде Албазина идет речь, видимо, автор имел в виду весь период с 1685 по 1689 г.

Опубликованные мемуары содержат важные сведения, уточняющие характер участия Соймонова в сибирских делах после его отъезда. Вместе с Чичериным они готовили предложения о увеличении хлеба в Сибири за счет сокращения винокурения на заводах графа Шувалова и повышения цены на хлеб, чтобы привлечь крестьян к хлебопашеству, потому что охота и рыболовство давали больший доход (с. 275–276). Они же за день до отъезда императрицы в Санкт-Петербург делали ей доклад о сибирских делах (с. 277).

Если отвлечься от сибирской тематики, то следует указать на значение опубликованных мемуаров петербургского периода. Они дают великолепный материал для изучения закулисной стороны истории деятельности органов управления, выяснения тайных, порой случайных обстоятельств, приводивших к принятию серьезных решений – например, о постепенном складывании противоборствующих группировок в правящей элите накануне дела Волынского. И здесь есть выразительные детали: во время одного следствия, осуществлявшегося Соймоновым и его помощниками – моряками, «многие воеводы принуждены были из канцелярий в окна уходить» (с. 100). Проясняются обстоятельства, положившие начало важнейшей работе Соймонова по составлению карт Балтийского и Каспийского морей.

Мемуары Соймонова поистине незаменимы для изучения его биографии, взглядов, других личностных качеств. Уже указывалось, в частности, в работах Л.А. Гольденберга, на антикоррупционную направленность административной деятельности Соймонова, но опубликованные источники дают возможность проследить авторскую аргументацию, понять значение этого вопроса в его отношениях с другими, в том числе высокопоставленными государственными деятелями. Так, конфликт с Н.Ф. Головиным был вызван именно

злоупотреблениями и «лихоимством», и в то же время Соймонов был готов постфактум простить П.И. Сиверсу спесь и высокомерие за то, что тот чужд был лихоимству (с. 71). И ранее было известно о переписке Соймонова с Г.Ф. Миллером, об участии знаменитого историка в публикации сочинений Соймонова, но из текста его мемуаров становится понятно огромное значение этого знакомства, которое Чекунова справедливо называет «счастливым событием в жизни Соймонова» (с. 18).

Публикация рукописного наследия Ф.И. Соймонова дает возможность почти зримо увидеть их автора – умного,

образованного, честного и талантливого администратора, исследователя, человека, искренне и горячо болеющего за интересы своей страны.

Рецензируемое издание, бесспорно, вносит серьезный вклад в историческую науку, оно будет востребовано и в научно-исследовательской и в педагогической работе.

Д-р ист. наук *Н.П. Матханова*,

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

Д-р ист. наук *О.Н. Катионов*,

Новосибирский государственный педагогический университет

Рец. на кн.: Петров С.Г. Русская православная церковь времени патриарха Тихона (источниковедческое исследование). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 407 с.

Историография истории Русской православной церкви в 1920-е гг. пополнилась еще одним фундаментальным исследованием. Его автор – С.Г. Петров,

который занимается источниковедческим изучением истории церкви более двадцати лет, и представленная монография – уже вторая, написанная им на эту тему. Кроме того, те же проблемы рассматривались в двухтомнике, подготовленном в соавторстве с академиком РАН Н.Н. Покровским еще в конце 1990-х гг.¹ В связи с тем, что количество работ, посвященных истории РПЦ в раннебольшевистскую эпоху, довольно велико, закономерно встает вопрос об оправданности публикации очередного произведения. Следует отметить, что ниша, занятая С.Г. Петровым, чрезвычайно важна и удобна для полноценного исследовательского поиска. Автор является заметным представителем источниковедческой школы академика Н. Н. Покровского, и одно это уже является достаточным основанием, чтобы отнестись к указанному труду со всей серьезностью.

Историко-церковная проблематика пережила второе рождение в годы «перестройки» и до сих пор остается востребованной в российском обществе. Стремление к скорейшей ликвидации «белых пятен» в истории Русской православной церкви имело неизбежным побочным следствием хаотичность и археографическую неряшливость многих публикаций. Сейчас, когда первичный публикаторский пыл несколько угас, пришло время разобраться в качестве доступной источниковой базы и задуматься о ее систематизации. Эта задача должна быть выполнена квалифицированными источниковедами, одним из которых и является автор представленной монографии.

В рамках источниковедческого исследования С.Г. Петровым ставится проблема корректного археографического описания источников по истории Русской православной

церкви 1920-х гг. в связи с возросшим количеством публикаций по теме. Автор также решает задачу учета предшествующих публикаций источников.

Важнейшей особенностью источниковой базы по истории РПЦ в советский период является недостаток документов собственно церковного происхождения, в результате чего исследователю неизбежно приходится обращаться к светским источникам, в первую очередь, к партийно-правительственным материалам. В связи с этим С.Г. Петров абсолютно оправданно ставит проблему критики и сравнительного анализа церковных и светских документов.

Продолжение изучения истории РПЦ в 1920-е гг. в современных условиях, по его мнению, требует гораздо больших усилий, чем прежде, поскольку в современной источниковедческой ситуации материалы, лежащие на поверхности, уже освоены, а для расширения корпуса источников и поиска новых документов необходимы более сложные и совершенные эвристические приемы. Наконец, еще одним соображением, побудившим С. Г. Петрова к написанию книги, является «дефицит источниковедческих исследований даже хорошо знакомых исторических документов» (с. 38). Исследователь отмечает, что «большая часть построений историков – гипотезы, предположения, и даже прозрения, умение видеть в известных исторических концепциях и схемах (в частности, в концепции внутрипартийной борьбы) события церковной жизни². Источниковедческий анализ дает несколько иную картину... Проблема здесь, конечно, состоит в том, что может себе позволить историк своей профессиональной подготовкой, навыками исторической интерпретации, в частности, умением работать с источником и извлекать из него информацию. При этом необходимо обязательно помнить об одной максиме: не нужно задавать источнику вопросы, на которые заведомо нельзя получить ответ» (с. 116).

С.Г. Петров, таким образом, предостерегает об опасности отрыва от источниковой информации, в чем с ним можно полностью согласиться. Однако за пределами авторских построений остается проблема сочетания текста и контекста, неясна роль интерпретации, интуиции исследователя.

¹ См.: *Покровский Н.Н., Петров С.Г.* Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.: РОССПЭН; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998. Кн. 1, 2; *Петров С.Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.

² Здесь же в сноске говорится «о необоснованности зачастую таких построений и их бездоказательности».

Наконец, непонятно, какой уровень теоретических обобщений является приемлемым для автора без угрозы потери ценности работы.

Выдвинутая С.Г. Петровым задача «инвентаризации» источников по истории Русской православной церкви времени патриарха Тихона во многом предопределила полемический характер книги. Там, где это возможно, уточняется атрибуция доступных источников, комментируются утверждения о подлинности/подложности отдельных документов. Автор уверенно владеет методикой критики источников: отстаивая принципы корректного текстологического анализа, убедительно демонстрирует его возможности. Его выводы базируются, во-первых, на сравнении различных вариантов одного и того же документа, а во-вторых, на сопоставлении содержания семантически схожих документов, вышедших из разных ведомств. Таким образом появляется возможность обнаружения истоков большевистской антицерковной политики и механизмов ее реализации.

Примером такого подхода стала глава 1. С.Г. Петров показывает, как на основе одной только внешней критики документа (вид бумаги, шрифт, подпись) можно установить ведомство, из которого он вышел. Вопреки мнению ряда оппонентов делается вывод о том, что в 1922 г. именно Л.Д. Троцкий, а не И.В. Сталин сыграл решающую роль в разработке программы антицерковной кампании. «Признание Политбюро несостоятельности Президиума ВЦИК, – утверждает в монографии, – поставило председателя Реввоенсовета в исключительное положение в области формирования политики государственно-религиозных отношений. Троцкий... вышел на независимый от кого бы то ни было (за исключением Ленина) уровень концептуальных решений, определявших положение Русской церкви в советском государстве» (с. 65). В тексте доказывается, что усилия церкви по оказанию помощи голодающим использовались большевиками для оправдания кампании изъятия *всех* церковных ценностей (якобы предназначенных для голодающих). Кроме того, на основе анализа источников обосновывается, что эта кампания одновременно должна была стать инструментом для раскола в церкви по принципу отношения ее деятелей к советской власти.

С точки зрения современной ситуации в РПЦ вызывает несомненный интерес приведенное в работе суждение Троцкого о том, что православная церковь теоретически тоже могла пережить Реформацию, но этому помешали ее прогосударственный характер и слабость буржуазии.

Не менее любопытными являются обозначенные большевистским теоретиком направления эволюции церкви. Наиболее предпочтительным для власти виделся вариант централизованной церкви при лояльном и фактически бессильном патриархе (две другие возможности – лояльная коллегия (синод) без патриарха или полная децентрализация, когда оставались бы только общины верующих) (с. 94). Последний вариант оценивался как самый нежелательный, поскольку в случае его реализации можно было ожидать более глубокого внедрения церкви в массы. Как показало наше недавнее прошлое, Троцкий оказался не так уж неправ: фактическая децентрализация церкви в 1960–1970-е гг. не помешала быстрому росту православной религиозности в обществе в перестроечные и постперестроечные годы.

Заметим, что тема церковной организации повторно появляется в третьей главе в связи с подготовкой обновленческого Собора. Первоначально в рекомендованном ГПУ варианте предполагалось ликвидировать обновленческое Высшее церковное управление, но затем было решено его сохранить (с. 209–210). Было бы интересно соотнести такие действия с программой Троцкого, но автор игнорирует эту возможность.

Вторая глава монографии является ключевой в книге. Ее главный герой – патриарх Тихон. Глава делится на пять частей, каждая из которых представляет собой, по сути, самостоятельный очерк. Рассказ о причинах освобождения Тихона из-под ареста в 1923 г. стал для С.Г. Петрова поводом для очень интересного сравнительного анализа воззваний патриарха и документов Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б), в первую очередь писем ее председателя Е.М. Ярославского. Делается вывод, что Тихон «в трех “покаянных” документах выполнил все разработанные Ярославским и утвержденные Политбюро шесть пунктов условий освобождения из-под ареста». При этом, несмотря на давление, он не высказал отрицательного отношения к Константинопольскому патриарху и архиепископу Кентерберийскому (с. 129). Таким образом, пишет Петров, «покаянные» документы патриарха – «не чудо, и не сенсация, как считалось в литературе еще не так давно, а прагматически и жестко выверенный высшими органами власти в стране компромисс с главой Русской церкви» (с. 135).

В монографии также доказывается, что целью реформы календаря (перехода церковного летосчисления на григорианский календарь) являлось дальнейшее углубление раскола церкви. Вторая причина (привести календарь в соответствие с трудовым законодательством) была вторичной. Тихон в этой ситуации вынужден был лавировать. Такое неоднозначное поведение дало основание некоторым церковным исследователям считать воззвание Тихона в поддержку нового календаря фальшивкой. Анализируя подпись Тихона, С.Г. Петров убедительно аргументирует подлинность воззвания.

Вообще, по мнению исследователя, вопросы реформы календаря и новой орфографии были очень значимы для Русской православной церкви. Приверженность старым или новым правилам в этой сфере безошибочно определяла принадлежность к патриаршей либо обновленческой церкви. Именно поэтому при цитировании документов разного происхождения для автора было принципиально важно сохранить аутентичность орфографии. Существенной чертой «тихоновского» течения было существование двух типов документов – внутренних, написанных с использованием старой орфографии, и внешних, составленных по упрощенным правилам. С.Г. Петров отмечает постепенную эрозию старого орфографического стиля к концу 1920-х гг. В конце книги содержится еще одна любопытная констатация: «в моменты наибольшего противостояния нарастала и строгость следования сторонников Тихона дореволюционным правилам русского языка, а при ослаблении накала тексты документов составлялись ими уже с применением упрощенных подходов» (с. 390). Приведенные примеры, на наш взгляд, наилучшим образом демонстрируют сильные стороны исследователя: внешняя критика источников дает простор для последующих содержательных умозаключений.

Автор отмечает сложность анализа экономического положения православной церкви в советский период и немногочисленность посвященных этому вопросу публикаций. В связи с этим представляет интерес его попытка дать сравнительную характеристику налоговой политики по отношению к патриаршей и обновленческой церквям на примере переписки с властью патриарха Тихона и обновленческого митрополита Антонина. Существенным является замечание о том, что ЦК большевистской партии был заинтересован в «налоговом беспределе» в отношении церкви, вне зависимости от степени ее лояльности (с. 177).

Значительная часть монографии посвящена обновленческой церкви (главы 3–5). Основным интерес, на наш взгляд, представляют проблемы долгосрочности «обновленческого» проекта, его роли в обществе, а также степени лояльности обновленцев власти. Рассмотренный в третьей главе механизм принятия решений при подготовке обновленческого Собора показывает полную подконтрольность обновленцев, а также их сравнительно неширокую социальную базу (она оценивается примерно в 10–15 % верующих). Вместе с тем Петров подвергает сомнению выводы некоторых современных авторов о победоносном шествии обновленчества в силу того, что в их исследованиях практически не рассматриваются сюжеты, связанные с сопротивлением православных верующих обновленческому расколу (с. 241).

Исправить этот недостаток призвана глава 4, где анализируются документы из Санкт-Петербургской и других епархий, демонстрирующие факты такого сопротивления. К сожалению, автор не предпринимает попыток обобщения информации, не приводит каких-либо агрегированных данных, позволяющих судить о масштабах сопротивления, оставляя открытым вопрос о репрезентативности приведенных им фактов. Этот недостаток отчасти компенсируется разнообразием сведений о характере восприятия обновленческой церкви в российском обществе, о взаимоотношениях обоих течений в православной церкви.

Главной задачей объемной пятой главы была демонстрация возможности использования нетрадиционных документов для изучения православия. На материалах армейской документации периода Первой мировой войны показывается деятельность обновленческого митрополита Петра Блинова, бывшего в тот период полковым священником.

Основным материалом для написания шестой главы послужили источники личного происхождения (семейная переписка и дневники). На примере академика В.В. Адоратского ставится интересная проблема взаимоотношений видных представителей большевистской верхушки со своими родственниками из духовного сословия. К сожалению, проблемное поле главы не получило развития, и автор в очередной раз ограничился исторической реконструкцией.

Работу с текстом облегчают список сокращений и именной указатель. С учетом характера монографии было бы также целесообразно сопроводить ее списком архивных фондов и литературы.

Подводя итог, следует сказать, что перед нами содержательная исследовательская работа. Задачу по «инвентаризации» источников по истории Русской православной церкви времени патриарха Тихона можно считать выполненной, хотя проблема их систематизации по-прежнему остается актуальной.

Монография С.Г. Петрова – это совокупность изящных, мастерски сделанных источниковедческих очерков. Квалификация исследователя вполне достаточна для того, чтобы достигнутые им результаты в будущем стали основой не только для конкретно-исторического, но и для историко-теоретического знания, способствующего более глубокому пониманию процессов, происходивших в русском православии в эпоху патриарха Тихона.

Д-р ист. наук, проф. *О.В. Горбачёв*,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

**ПОЗДРАВЛЯЕМ!
СКУБНЕВСКОМУ ВАЛЕРИЮ АНАТОЛЬЕВИЧУ – 70 ЛЕТ**

Валерий Анатольевич Скубневский родился 16 августа 1945 г. В 1966 г. с отличием закончил исторический факультет Барнаульского государственного педагогического института. С 1967 по 1969 г. был аспирантом кафедры истории СССР Томского государственного университета, в 1969–1975 гг. – младший научный сотрудник, затем старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. Кандидатскую диссертацию защитил в 1971 г. под руководством А.П. Бородавкина по теме «Социально-экономическое развитие города Барнаула в период капитализма. 1861–1914 гг.».

Как сотрудника научно-исследовательской лаборатории В.А. Скубневского включили в состав творческой группы по подготовке многотомной «Истории рабочего класса Сибири». По данной проблематике им был опубликован ряд статей, а в соавторстве – монографий. В 1992 г. защитил докторскую диссертацию по теме: «Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. 90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.».

После открытия Алтайского государственного университета В.А. Скубневский перешел работать в этот вуз на должность старшего преподавателя. В 1981 г. ему было присвоено звание доцента, в 1994 г. – профессора. В 1989–2009 гг. возглавлял кафедру отечественной истории. В течение многих лет им читаются лекционные курсы «Отечественная история второй половины XIX в.», «История Сибири второй половины XIX в.», а также спецкурс «Города России второй половины XIX – начала XX в.».

В этот период приоритет в научных исследованиях был отдан изучению истории Барнаула и Алтая второй половины XIX – начала XX в. Валерий Анатольевич Скубневский входил в состав редколлегии и авторских коллективов по подготовке учебных пособий и научно-популярных изданий по истории края, в том числе «Очерков истории Алтайского края» в 1987 г. к 50-летию юбилею края, двухтомной «Энциклопедии Алтайского края», энциклопедии «Барнаул» и др. Всего под редакцией Скубневского издано более 40 книг общим объемом более 500 п.л.

В 1990-е гг. В.А. Скубневский возглавил научное направление по исследованию истории предпринимательства на Алтае и в Сибири, под его редакцией вышла серия сборников статей, монографий. Он сам стал одним из авторов и членов редколлегии «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири», издание которой осуществил в 1994–1998 гг. Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук.

В.А. Скубневский – автор более 400 опубликованных научных работ. Ряд его статей был переведен на иностранные языки и напечатан за рубежом – в Ве-

ликобритании, Польше, Японии. В последние годы он является руководителем ряда грантов и научных программ по изучению социально-экономической истории Сибири и Алтая. Так, научный коллектив под его руководством в 2001 г. получил грант Российского гуманитарного научного фонда на исследование темы «Русский провинциальный город во второй половине XIX – начале XX в. (экономическое и социокультурное развитие городов Западной Сибири)». В 2004 г. крупный научный коллектив, состоящий из ряда ведущих ученых Европейской России и Сибири и возглавляемый профессором В.А. Скубневским, получил грант того же фонда по теме «Урбанизационные процессы в русском провинциальном городе во второй половине XIX – начале XX в.: сравнительный анализ Центрально-Черноземного и Западно-Сибирского регионов».

Под руководством В.А. Скубневского защитили кандидатские диссертации 14 чел. Четырежды Валерий Анатольевич был научным консультантом докторских диссертаций. Он является заместителем председателя диссертационного совета по историческим наукам в АлтГУ.

В.А. Скубневский возглавляет научно-педагогическую школу в области истории Сибири, которая официально зарегистрирована в Министерстве образования и науки РФ. Среди его учеников – лауреаты международных, национальных и региональных научных пре-

мий, стипендиаты государственных и президентских научных стипендий, победители различных конкурсов.

В.А. Скубневский дважды становился лауреатом по науке Томского университета (за коллективные труды: «Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография» (Томск: ТГУ, 1978) и «История Сибири: учебное пособие» (Томск: ТГУ, 1987), дважды – лауреатом по науке АлтГУ. Был награжден дипломом Всероссийского конкурса научных работ в области архивоведения, документоведения и археографии за 1995–1996 гг. как научный редактор и один из составителей сборника «Судьбы (воспоминания, дневники, письма, стихи, путевые заметки, протоколы допросов)» (Барнаул, 1996). В 2002 г. за подготовку и редактирование энциклопедии «Барнаул» стал лауреатом гуманитарной премии Алтайского Демидовского фонда в области истории.

В.А. Скубневский – активный участник краеведческого движения, редактор Алтайской краевой краеведческой ассоциации при Российском фонде культуры, по его инициативе после многолетнего перерыва было возобновлено периодическое издание алтайских краеведов – «Алтайский сборник». Кроме того, он является редактором журнала «Краеведческие записки», издаваемого Алтайским государственным краеведческим музеем, соредактором журнала «Образование и социальное развитие региона». Валерий Анатольевич активно сотрудничает с Центром хранения архивного фонда Алтайского края, музеями города, Алтайской краевой научной библиотекой им. В.Я. Шишкова.

Главные научные интересы В.А. Скубневского связаны с историей городов Сибири и прежде всего Барнаула. Неслучайно его кандидатская диссертация (1971 г.) посвящена социально-экономическому развитию этого города в историческом прошлом, и в дальнейшем он постоянно играл видную роль в изучении истории Барнаула. Из наиболее значимых достижений в этой области следует отметить участие Валерия Анатольевича в двухтомной «Энциклопедии Алтайского края», в которой им подготовлено значительное число статей по истории столицы Алтая. При его активном участии состоялась книга «Барнаул: Летопись города» (Барнаул, 1995). Большим событием в общественной и культурной жизни города стало издание энциклопедии «Барнаул» (2000), главным редактором которой является Валерий Анатольевич. Несколько лет, возглавляя огромный авторский коллектив, он вел скрупулезную работу по подготовке этого труда. В результате энциклопедия г. Барнаула была признана одной из лучших региональных исторических энциклопедий России (по решению съезда редакторов региональных энциклопедий в Санкт-Петербурге в 2004 г.). Заслуги В.А. Скубневского по созданию энциклопедии города получили признание – ему как главному редактору была присуждена гуманитарная премия Алтайского Демидовского фонда. Важную роль Валерий Анатольевич сыграл и в подготовке книги «Названия улиц Барнаула».

В последние годы в отечественной исторической науке все более популярным становится такое иссле-

довательское направление, созданное В.А. Скубневским, как историческая урбанистика. В рамках этого направления под редакцией В.А. Скубневского издан ряд сборников статей и монографий, в составе авторского коллектива он подготовил обобщающую монографию «Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство» (Барнаул, 2007; 3-е изд. – Барнаул, 2014). Эта книга получила высокую оценку среди специалистов как в России, так и за рубежом.

Барнаульская школа сибирского исторического городоведения является одной из ведущих в отечественной историографии. Авторитет Валерия Анатольевича, как главы школы, чрезвычайно высок. Он заслуженно считается крупнейшим специалистом в области истории сибирских городов.

Огромная заслуга Валерия Анатольевича и в том, что он воспитал целую плеяду учеников – профессиональных историков, изучающих прошлое нашего города. Кандидатские и докторские диссертации, защищенные под его руководством, посвящены истории городского самоуправления, купечества, занятиям горожан, городской семье, торговле и промышленности, формированию и развитию национальных общин. Его ученики неоднократно получали как муниципальные гранты и стипендии г. Барнаула, так и национальные, в том числе президентские, и международные. Среди учеников Валерия Анатольевича – лауреаты региональных, национальных и международных научных премий. Так, Ю.М. Гончаров, защитивший под руководством В.А. Скубневского сначала кандидатскую, а затем докторскую диссертации, в 2002 г. был удостоен Государственной премии РФ для молодых ученых за выдающиеся заслуги в области науки и техники.

Огромную работу проводит В.А. Скубневский по популяризации истории Барнаула и Алтая. Достаточно упомянуть такие крупные научно-популярные статьи ученого, как «Муниципальное прошлое Барнаула», «Барнаул купеческий», опубликованные в журнале «Алтай», и др. В своих научно-популярных статьях доступно для широких кругов Валерий Анатольевич ярким, образным языком рассказывает об истории Барнаула – во многом уникального города России. Его статьи выходили как в центральных журналах («Преподавание истории в школе») и газетах («Былое», «Комсомольская правда»), так и местных – «Вечерний Барнаул», «Свободный курс», «Алтайская правда», «Вестник АТН» и др. На краевом телевидении и радио регулярными стали передачи с участием В.А. Скубневского, рассказывающего об интересных событиях из истории Сибири.

В 2015 г. Валерию Анатольевичу Скубневскому исполняется 70 лет. Он, безусловно, является крупнейшим специалистом по истории Сибири, при этом его авторитет признан как представителями академической науки, так и местными краеведами, работниками архивов, музеев и библиотек, широкими слоями населения Сибири.

Ю.М. Гончаров, В.Н. Шайдуров

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международную базу данных Ulrichs, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;

- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm; <http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.